

Алекс Белов

Бифуркатор

Я просыпаюсь весёлым летним утром, и день течёт наперекосяк. Младший брат будто сошёл с ума, утверждая, что мы ничтожные песчинки в космосе и время не выпускает нас из своих лап. Я бы забил на мелкого, но вместе с его словами в мою жизнь врываются искривлённое пространство, Твари-вне-времени и смерть. ЪБифуркаторЪ — дебютный роман известного готического композитора и мастера антиутопий Алекса Белова поражает безысходностью и таинственностью.

Белов Алекс Владимирович
Бифуркатор

слоган: Отними у прошлого своё счастье.

Ад — это повторение

Андре Ленож, «Буря Столетия» Стивена Кинга

*

Вселенная сорвалась с шарниров, на которых вращается, двадцать третьего июля. Полагаю, с того момента, когда я проснулся и услышал голос Андрюшки, младшего брата. Он считал:

— ...два.....три.....четыре.....пять...

Это в такт моему будильнику на сотовом, который проигрывал по кругу коротенькую — не более пяти секунд — вставку из песни «PSY» про Каннамский стиль. Я открываю глаза и вижу перед собой трусы брата.

— Ты всегда просыпаешься на пятом повторе, — говорит сверху его серьёзный голос.

Я вздыхаю, устало переворачиваюсь на спину и потираю глаза.

— Дома никого?

— Папа на работе.

— Спасибо, кэп, — отвечаю. — Я про маму, вообще-то.

— Мама, как всегда, покупает в «Грозди» десяток яиц, нарезной батон, свиную вырезку, сушеный укроп и бутылку подсолнечного масла.

Теперь я немного насторожился. Может, у вас есть чудаковатые братья, зависающие в мире физики, пропавшие на страницах алгебры, или затянутые паутиной аутизма. Мой же брат — самый нормальный, самый обычный мальчишка всей планеты, который рубится в Соньку Плейстешн, ворует мятные кексы по выходным, когда их печёт мама, и тайком лазает на крышу нашего коттеджа.

Я прекращаю потирать лицо и смотрю на Андрюшку сквозь пальцы правой руки. Всё тот же малец, в семейных трусах, резиновом обруче Человек-Паук на запястье левой руки, с чуть взъерошенной копной кофейных волос, кляксах веснушек по щекам, только... взгляд у брата какой-то странный. С рождения голубые зрачки Андрюшки прятались за венчиком огромных ресниц так глубоко, что казалось, будто сам мудрый Йода смотрит в тебя. В это утро взгляд стал глубже.

Или я себя накручиваю? Да причин нет. Однако настораживает, что десятилетний малыш оповещает меня о списке продуктов, да ещё с этим пафосным как всегда.

— С тобой всё в порядке? — Я убираю руки от лица и серьёзно гляжу на брата. Тот словно столб, на лице пугающее безграничное спокойствие, даже отрешённость.

— Со мной уже давно не в порядке! — Андрюшка резко улыбается, обнажая ряды зубов, правый верхний перед клыком вырос криво, немного выше.

Внезапная весёлость на маленьком мудром лице превращается в гримасу сумасшествия, и мне становится по-настоящему жутко. И, чёрт, я не знаю, чего боюсь.

Будто стараясь сбежать от невиданного страха, скидываю одеяло и сбрасываю ноги с другого конца кровати. Только утро, а жара душит потными руками, словно маньяк-живодёр.

Кровать брата взъерошена, как и волосы на его голове.

— Прибери лучше своё спальное место, опарыш.

Кличка опарыш приклеилась к Андрюшке с тех пор, как Стёпка, мой закадычный друг, познакомил нашу компанию с личинкой, пожирающей мертвечину. Я тогда весело воскликнул: Прямо портрет Андрюшки! С тех пор к брату так и приклеилось: опарыш.

Я двигаю в ванную, выход в которую прямо из... детской. Ужасное слово. Так родители называют комнату, где живём мы с Андрюшкой. Ну пускай брату можно жить в детской, но мне тринадцать, я уже не ребёнок. И, кстати, этот неребёнок уже давно жаждет свою комнату. Можно же освободить склад на чердаке, половину вещей выкинуть, половину сбросить в подвал, сделать ремонт и та-да. Willkommen Артём Бреус.

Да, Артём — это я.

А Андрюху оставить в детской. Будет его комнатой, и плевать, что она больше. От голубо-розовых тонов меня уже тошнит. Я люблю мотоциклы, кожанки, банданы и чтобы черепов побольше, а тут цветочки, мячики и тошнотворные дельфины.

Так вот, я двигаю в ванную, а краем глаза замечаю, как голова брата поворачивается, следя за моим движением. Жутко, чёрт! Как будто он сейчас бросится на меня, как японские девки-демоны из роликов-мемов интернета.

Вот моё заспанное лицо отражается в шкафчике над раковиной, черные, почти как смола, волосы растрёпаны не хуже Андрюшкиных; да у меня вообще жёсткая шевелюра и не послушная причёска. Как у того анимешного пацана, который повелевал покемонами. Как его бишь там...

Белая футболка, в которой я сплю, помята, словно шкура мопса. Попробовал разгладить ткань пальцами, всё бесполезно. Пора менять.

В зеркале отражается кусок брата, благо не глаза, а плечо. Я открываю дверцу и достаю зубную пасту, мятная, синего цвета, называется доктор Заяц. Хочу застрелиться от подобных мимимишностей.

Откидываю колпачок и слышу позади голос брата:

— Осторожно, она на тебя сейчас кинется.

Слова пропускаю мимо ушей, и выдавливаю пасту на щётку, но в тюбике закрался пузырьрёк с воздухом, поэтому при давлении горлышко пукнуло мне на палец мятной кляксой.

— Итит твою мать, — шиплю я и промываю руку.

— А я предупреждал, — серьёзно говорит Андрюшка.

И я опять его не слушаю.

Почистив зубы, умывшись, я прибираю постель. Опарыш куда-то исчез, может, это и к лучшему. Я, конечно, брат ему, и люблю его... должен любить, по крайней мере, но люди боятся перемен и убегают от них. Любая иррациональность заставляет нас закрыть глаза, повернуться к ней задницей и смотреть только на привычный мир. С утра Андрюшка какой-то не такой, это проблема, её кто-то должен решить... но, можно не я?

Опарыш ждал меня в кухне. Всё ещё в одних трусах и светло-зелёной майке, правая лямка которой соскользнула с худенького плеча братишки. Глубокий взгляд сверлил дверцу холодильника.

— Завтракать будешь? — спрашиваю, подходя к шкафчикам и сканируя их на наличие необычных вкусов. Тщетно. Одна унылая луковица в углу.

— Я ел, — коротко отвечает Андрюшка тоном мальчика-зомби.

— А вот я...

— ...сделаю себе яичницу, порежу туда колбаски и выпью литр апельсинового сока, — заканчивает за меня Андрюшка.

— Поразительно прав, — усмехаюсь и открываю холодильник.

— Ты ешь это уже двадцать третье утро, — отвечает брат, и я не успеваю спросить, что это значит, как Андрюшка продолжает: — а второе яйцо, которое ты возьмёшь, будет протухшим.

Я подозрительно кошусь на опарыша. По лицу последнего опять растягивается эта нездоровая улыбка. Слева тянет холодом, на меня уставились продукты.

— Всё ты врёшь, — говорю я и теперь смотрю на выложенные в рядок яйца, так похожие на личинки опарышей, мать их. Я тянусь к паре яиц, зависаю над одной, потом думаю и выбираю их в рандомном порядке. На секунду думаю, что Андрюшка окажется прав.

Под напряжённое молчание разогреваю сковороду, добавляю масло, осторожно разбиваю первое яйцо, — глазунья, и только глазунья, — яйцо нормальное. Разбиваю второе — тоже свежее.

И вдруг душа срывается в полёт, меня охватывает бесконечная лёгкость и напряжение утра спадает. Конечно, всё это игра. Андрюшка старается заставить меня поверить в его... сумасшествие, что ли, вот и придумывает ерунду.

— Оба яйца свежие, умник, — я оглядываюсь.

Глазки опарыша хмурятся. Он вскакивает и смешно семенит к сковородке. Смотрит на яичницу словно профессор на ход эксперимента.

— Ты уверен? — почти шепчет он.

— Началась денатурация белка, — усмехаюсь я. Слово умное. Услышал у учительницы биологии. Так называется процесс, когда белок в яйце сворачивается. — К тому же, запах. Чувствуешь этот прекрасный аромат яичницы?

Андрюшка задумчиво прикладывает палец к виску, хмурится и отходит от плиты, бормоча про себя невнятицу. Я могу расслышать несколько фраз:

— ...новое качество динамической системы.....малое изменение некоторых параметров...

— Слушай, — мямлю я, снова чуточку пугаясь. Такие слова мой опарыш точно не знает. — В чём дело? Что ты творишь?

— Пытаюсь вырваться из цикла, — немного резко отвечает Андрюшка и стреляет в меня совсем шизоидным взглядом. Постояв так секунду, он возвращается за стол.

Я опускаюсь напротив, когда яичница уже готова и остывает на тарелке. До этой секунды мы не сказали друг другу ни слова. Под отрешённый взгляд опарыша я начинаю есть.

Мелкий прикалывается, точно прикалывается, но почему тогда моё сердце настойчиво ковыряет пальцем страх?

Вам было бы уютно сидеть в молчании с родным человеком, который глядит на тебя словно Тинфецированный тип из «Обитатели Зла»? Вот и мне тоже, поэтому я заговорил.

— Опарыш, — а брата я называл только так, иногда Дрюн, но никогда не брат и тем более братишка, — чего ты добиваешься? Чтобы тебя все считали психом? Так знай, я тебя уже таким считаю. Не перед тем спектакли показываешь.

По лицу Андрюшки расплывается эта чёртова улыбка, появившаяся в арсенале ужимок опарыша этим утром. В сочетании с умными глазами подобное губорастягивание

напоминало гримасы сумасшедших профессоров из фильмов о супергероях.

— Ушлёпок, — произнёс он то ли серьёзно, то ли в шутку. А затем встал и с кукольным лицом двинулся в гостиную.

— Погоди, я поем и достану тебя, — усмехаюсь. Желания доставать брата после завтрака нет никакого. Не потому, что я его безгранично люблю. Ха! Сколько люлей он от меня схлопатывал, это не счесть. Конечно, больше обидных, чем больных, но изредка случается и настоящая поножовщина. Никогда не забуду, как зимой, устав хлестать Андрюшку и терпеть его удары, схватил бревно и врезал младшему по лицу.

Это уже потом, в следующую секунду я думал о последствиях. Когда же полено неслось в направлении челюсти опарыша, мною руководила смерть, превратившее тело в машину для убийства.

Приложился я не сильно, но губы Андрюшке разбил. И сразу сердце сжимает страх. Когда опарыш предстанет перед мамой с окровавленной улыбкой, меня накажут, выпишут из паспорта и закопают живьём на заднем дворе.

Я тогда умолял его не рассказывать маме, но разве утаишь разбитые губы? В потасовках у Андрюшки есть один плюс и один нещадный минус. Он никогда не плачет. Я считаю это плюсом. Признаюсь, ни разу не заставал брата со слезами на глазах, наверное, лет с шести. Даже когда удар бревна полопал губы опарыша, — а случилась эта резня меньше года назад, когда мелкому было вообще девять, — он ошарашено застыл как кукла и уставился на меня. Злость как рукой сняло. Во дворе снег, куртка опарыша порвана, шапка уже в углу сарая, лицо красное от натуги, вспотевшие волосы застыли в стойке бушующего пламени и рот открыт в изумлении, а с губ только кровь капает.

Мне становится дурно. Понятно, что драка закончилась, и вот я уже отбросил полено, обнимаю опарыша, готов купить ему весь МакДональдс, а он только глазами моргает:

— Это ты меня сейчас бревном огрел! — щебечут его алые губы.

— Только не говори маме, умоляю, — я чуть не плачу.

— На колени! — властным голосом наезжает опарыш, и с губ красные капельки брызгают в мою сторону.

Я никому никогда даже под страхом смерти не признаюсь, что в тот день встал на колени перед малым. Только бы он поддерживал нашу версию событий: поскользнулся, упал, очнулся — гипс.

И когда я постоял на коленях и выполнил ещё кучу унижительных приказов, мы вернулись домой, и опарыш с порога заявляет ошарашенной маме:

— А Артёмка меня бревном бил.

Вот и его минус. Андрюшка готов был настучать обо мне родителям в любой момент, остаётся только поймать меня на месте преступления. Со временем я понял, не надо у него просить прощения, обещать невероятно важные для мелких мальчишек подарки, лучше уж сразу отправлять его к маме, а самому идти в комнату за секирой.

Поэтому никогда, ни в каких авантюрах я с опарышем не участвовал и вообще старался пересекаться с мелким только при необходимости, например, в детской. А уж если родители когда-нибудь сподобятся выделить мне комнатку под чердаком, я вообще забуду о таком понятии как брат! Брат? Чтооо вы! Кто это? Из какого языка это слово?...

Из воспоминаний прошлого и фантазий меня вырывает шуршание замка входной двери. Я уже почти закончил скромную утреннюю трапезу, как в мою жизнь вместе с утренней жарой и ярким солнцем врывается мама.

Она напоминает мне Ненси из первого Кошмара Вяземской Улицы, только чуточку старше. Красивая, строгая и практичная. Впрочем, оба моих родителя славятся практичностью, иначе не жить бы нам в двухэтажном коттедже в элитном посёлке с ванильным названием «Искра Радости» на окраине Саратова. Можно обкакаться от няшности.

— Доброе утро крейсеру «Аврора», — здороваюсь я.

— Уже обеденное время. Андрюшка встал? — с ходу спрашивает мама.

— Раньше меня, — отвечаю.

— Поел?

— Не имею ни малейшего представления, — говорю и открываю было рот, чтобы объяснить маме о съехавшей крыше опарыша, но вовремя торможу. Посмотрим, как он поведёт себя перед родителями.

Та тем временем расфасовывала продукты в холодильник. Она остановилась на секунду и каркнула привычным оглушающим голосом — мне в ухо будто льдину воткнули:

— АНДРЕЙ!?

— Да, мама! Ел! — доносится откуда-то из глубины дома голос опарыша. Мама открывает было рот, но мелкий добавляет: — Два бутера с сыром и один с колбасой, а запивал сладким чаем!

Удивлённая мама чуточку призадумалась, но на её губах заиграла забавная улыбка.

— А может я!..

— Не надо, я пока не хочу есть! — перебил голос Андрея.

— А ты знаешь, что я хочу предложить!? — теперь мама смотрела азартным взглядом куда-то в потолок, внимательно прислушиваясь к звукам из комнаты.

— Ты хочешь предложить баранину с горошком! — отвечает Андрей.

Мама весело хмурится и смотрит на меня.

— И ведь угадал.

Моя яичница к тому времени иссякла, и я выдуваю второй бокал сока.

— Привыкни, твои дети — тролли, — пожимаю плечами.

— Ох, — мама качает головой и выкладывает в раковину мясо. — Дождётесь вы у меня.

— Если тебя это согреет, согрей говядину мне, — говорю. — Яичница, предполагаю, улетит из моего желудка быстро.

— Как проголодаешься, скажешь.

***

Чем можно заняться в яркий солнечный летний день, когда тебе тринадцать? Это же лето, чёрт побери, значит, оно создано для прогулок и убийства времени! Первым делом, в пустой детской, я набрал Стёпку.

Кто знает все три признака равенства треугольников? Стёпка.

Кто назовёт столицу любого государства? Стёпка!

Кто помнит каждую мелочь, увиденную за день? Опять Стёпка!!!

Мы называем его юным Холмсом. Блестящий ум мелкого детектива кроется не в объёме знаний, а в способности строить логические выводы. Не знаю, насколько он похож на героя Конана Дойля, но интеллект Стёпки не раз нас выручал. Особенно, когда в классе пропал журнал и подозрения пали на меня. Нет, ну в тот раз история сложилась по-настоящему детективная. Стёпка приложил все силы и облачил Егора.

Фанфары?

Приз за лучшее расследование?

Не-а. Синяк под глазом от Егора, который потом не сходил пару недель. Я чувствовал себя полным козлом, но ситуации предполагала два выхода: либо меня серьёзно наказывают в школе, чего с моей репутацией никогда не случалось, либо Стёпка находит настоящего виновника и получает от него по морде.

Я чуть не плакал от Стёпкиного благородства, когда тот решил пожертвовать собой ради меня. Поэтому, Стёпка теперь мой друг и брат навечно. Да, кстати, насчёт брата. Думаю, любой в тринадцать лет скажет, что у него есть друг, которого он ценит больше надоедливых младших братьев и сестёр. Я — не исключение. Иногда так хочется поменяться детьми. Я даже готов жить со Стёпкой в одной комнате, которая детская. Только мы уж назвали бы её по-другому. Что-то типа штаб-квартира ФБР.

Утром по номеру Стёпки отвечал стандартный женский голос, объясняющий, что телефон абонента отключен. И прежде чем лучший друг навестил меня в тот день, мой мир сдвинулся ещё на несколько метров.

Позалипав немного в компьютер, я в очередной раз звоню Стёпке, снова послан незнакомым женским голосом, и спускаюсь в гостиную, по которой разливается запах жарящейся баранины.

Куда делся опарыш? В кухне с мамой его нет, на втором этаже — точно, значит... Брата я нашёл во дворе. Мелкий всё ещё маячил в трусах и майке. Он сидел на второй ступеньке крыльца, обхватив руками колени, и смотрел исподлобья на ворота. За живой изгородью слышатся весёлые крики других ребят, Ринат с несколькими мужиками играют в преферанс на заднем дворе дома напротив, их смех доносится даже до меня. Да и трава под солнцем сочная, изумрудная, от белья, что колышется на верёвках, веет малиновым Ленором. И только взгляд Андрюшки мрачнее любой тучи.

— Опарыш, — зову я, поглядывая на копну непричёсанных волос. — Какие экономические проблемы решаешь?

— Думаю, может, убить кого, — спокойно произносит Андрюшка.

Честно говоря, эти слова в сочетании с утренним поведением меня немного пугают. И я выхожу из себя.

— Слушай, хватит себя так вести, а то...

Я не знаю, что придумать, а опарыш резко оборачивается и кидает в меня острый взгляд.

— А то что? — злобно шепчет он.

— Не знаю. Маме пожалуюсь.

— Вот тогда я тебя и убью, — произносит Андрюшка, но уже не злобно, а как бы неуверенно, будто размышляя, убивать или нет.

— Это обязательно, — киваю я. — Обязательно убьёшь, только хотя бы прикид сначала найди подходящий. Убивать человека в трусах как-то... низко для маньяка, не находишь.

Некоторое время опарыш смотрит на меня серьёзно. А потом начинает тихо смеяться, а

в глазах странная печаль стоит. Нет, брата с утра и правда будто подменили, и пусть вручат мне Нобелевку, если б я знал, что с ним произошло. Хотя, как я уже говорил, люди боятся проблем, поэтому я и не хотел узнавать все подробности. Дурак.

Опарыш снова уставился на оградку, а я опустил на перила крыльца. Садиться рядом с Андрюшкой почему-то страшновато.

— Всё равно оденься, — говорю. — Соседи ходят, смотрят, а ты им что показываешь?

— А я что угодно могу показать, и мне ничего не будет! — восклицает Андрюшка и снова смотрит на меня, теперь его глаза влажные, будто он плакать собирается.

— Тебе будет нагоняй от мамы, — усмехаюсь я.

— А плевать!!!

И вдруг опарыш вскакивает и несётся к оградке. Я слишком медленно реагирую, и успеваю лишь ошарашено спуститься на доски пола, когда Андрюшка вскакивает на оградку, — а она у нас низкая с плоской окантовкой — и снимает трусы.

У меня челюсть отвисает. Я бегу к опарышу, а тот уже трясёт задницей и кричит на всю улицу:

— Эээ-гей! Смотрите на мою жопу!

Когда рывком стаскиваю Андрюшку с оградки, я красный от стыда, как рак. Вдруг и правда кто из соседей видел это представление!

Опарыш путается в нижнем белье и падает в заросли вьюна, стебли которого обдирают его ноги. Я рывком ставлю Андрюшку на землю, и на автомате надеваю ему трусы. При этом с моих губ срываются какие-то ругательства, которые оканчиваются словами:

— ...я убью тебя!

— О! Точно! — внезапно восклицает опарыш, глядя на меня. Его лицо вспыхивает новыми эмоциями, и он несётся к сараю. — За мной!!!

— Стой, придурок! — кричу я, стараясь догнать Андрюшку.

И вот мы оба оказываемся в мрачном пыльном сарае, где отец хранит инструменты. Чтобы солнечным лучам, особенно в это время суток, пробиться к единственному окошку в бревенчатой стене, им придётся миновать дом и заросли вьюна. Поэтому, сквозь туман пыли предметы сарая кажутся чёрно-белыми.

Опарыш хватает молоток, и я сжимаю кулаки от страха.

— Давай так, — тараторит он. — Бери молоток.

Я стою.

— Иди сюда, твою мать!

Он кричит таким властным тоном, что я повинуюсь, хотя предполагаю, что молоток сейчас ударит меня промеж глаз. Но опарыш протягивает мне инструмент рукояткой вперёд.

— Бери!

Я беру.

— А теперь бей со всего размаху прямо сюда! — кричит Андрюшка и тыкает пальцем в бледный лоб. Тыкает так сильно, что белеет первая фаланга пальца. Сумасшедший взгляд опарыша носится по моему лицу, ногами Андрюшка упёрся в пол, готовясь к удару, губы сжались так плотно, что их почти не видно.

— Бей же, слабак!!! — вопит Андрюшка. И глаза у него опять влажные. Мой утренний страх медленно превращается в благоговейный ужас, и я даже не знаю, что делать в сложившейся ситуации.

— Ты долго будешь стоять???

Я ошарашено делаю шаг назад и прибегаю к единственному решению проблемы. Не отрывая взгляд от мелкого идиота, поворачиваю голову в сторону дома и ору:

— Маааааааам!!!

Лицо опарыша расслабляется, но на нём не появляется никакого страха. Во мраке я вижу лишь его беззвучный смех.

— Вот умора... вот слабак... — пищит опарыш. А я снова кричу:

— Маааааааам!!!

— Мьяяяяяям, — передразнивает меня Андрюшка.

— Слушай, я не знаю, что с тобой случилось ночью, — говорю я, стараясь заболтать опарыша, пока не свалю проблему на мать. — Но тебе надо прийти в себя. А то мне с утра кажется, будто ты подмениш. А настоящего брата забрали инопланетяне.

Лицо опарыша становится серьёзным, и он поднимает указательный палец, которым минутой назад тыкал себе в лоб.

— Ооооо... — прошептал он. — Точно. Инопланетяне. Как же я раньше не подумал об этом!..

И в этот момент в сарай врывается мама.

— Что у вас тут происходит???

И прежде чем я успеваю открыть рот, опарыш с видом малыша, у которого украли все конфеты, выпаливает:

— Это Артёмка! Он хотел мне молотком голову разбить.

Я изумлённо пялюсь на молоток у себя в руке.

****

Неужели мама и впрямь поверит, что я хотел убить своего брата? Отбрасываю молоток и вытираю руку о рубашку, а мама уже кричит, выпятив глаза:

— Тычтосумасошёл???

— Да никого я не хотел убивать! — кричу в ответ и мечусь взглядом от опарыша к матери. Мелкий играет покинутую всеми Джульетту, а в глазах довольный блеск. — Я что, совсем из ума выжил?

Мать уже кидается к Андрюшке с объятиями. Мимо меня проносится запах подсолнечного масла и жареной баранины.

— Я тебя под замок посажу. Будешь неделю только в окно глядеть, — причитает мама, и внутри меня вспыхивает негодование.

— Да что за фигня с утра творится?! Этот придурок с ума сошёл, а ему все только потакают. Эй, опарыш, скажи маме, что за фигню ты с утра городишь!

Мать уже обнимает Андрюшку и крепко прижимает к себе, а тот глядит куда-то в пол.

— Он не опарыш, а твой брат! — в который раз замечает мама, и отстраняет Андрюшку от себя. — Он тебя не бил?

Она смотрит в лицо мелкого так, будто я какой-то маньяк-изувер, и с моих губ срывается невольный стон. Мне нехорошо. Меня шатает. Я бы мог уйти, но тогда я только усугублю своё и без того незавидное положение.

— Мааам, этот осёл просил меня разбить ему башку молотком, — стоною я.

— Хватит тут дурью маяться. Ты пугаешь брата, разве не видишь? — Мать тащит

опарыша к выходу из сарая, а я чувствую, как последние нити доверия ко мне безнадежно рвутся. Если меня не накажут, то я, конечно, плевал на доверие, но пятая точка чуяла неделю домашнего ареста. Что бы на моём месте сделал Стёпка?

— Мам! — восклицаю. — Я, конечно, не пылаю любовью к опарышу...

— К Андрею!

— Ну хорошо, к Андрею! Но он с утра как с ума сошёл! — Мать уже тащит мелкого по лестнице. У меня остаётся от силы пару секунд. — Неужели, ты думаешь, я бы звал тебя, захоти я размазать его по стенке??? Я поэтому и кричал, чтобы ты пришла, потому что этот кретин дал мне молоток и просил разбить ему голову.

Мама задерживается в дверях лишь на долю секунды. Кажется, в её глазах мерцает задумчивость, почти доверие. А потом она выходит во двор.

Почти минуту я ещё стою в сарае, растрёпанный, изумлённый, загнанный в угол. А потом возвращаюсь в дом. Мне нечего бояться, и если меня решат посадить под замок, я вновь вступлю в дискуссию. Трупом лягу, но оклеветать себя не позволю. А опарыш у меня дождётся. Запру его нечаянно в туалете, или башку в унитаз окуну.

В кухне я снова набираю Стёпку, но телефон всё ещё отключен. Мать с мелким, вероятно, наверху. Возможно, опарышу устраивают допрос на предмет моих противозаконных действий. Ох, представляю, что он там может про меня наговорить.

Достаю из холодильника сыр, готовлю себе бутерброды, съедая их до того, как успеваю сделать. Не знаю, сколько так проходит времени, когда в дверь звонят. Я как раз убираю еду в холодильник, мысли всё ещё заняты опарышем, и каждый новый вывод накручивает меня всё больше и больше.

Звонок вытаскивает меня из внутреннего мира, не полностью, а так, по пояс. Спешу к двери, и распахиваю, не спросив, кто за ней. Привычка. Мать говорит, что с такой привычкой жить мне не долго. Я ей не верю, ибо кто у нас захочет кого-то ограбить или убить? Посёлок-то закрытый. Если с Волги заплывут лишь.

На пороге высился мужчина в тёмных очках, которые удобно устроились на идеально ровном и очень остром носе. Я сразу прозываю парня Буратино. Хотя сходство с деревянным человечком только просматривается лишь в области носа, в целом мужчина крупный, мускулистый, и его руки с ногами уж никак не напоминали брёвнышки.

(...типа того, которым ты разбил опарышу губы...)

Чёрт возьми, Андрюха теперь не будет выходить у меня из головы, пока конфликт не решится.

— Соседи жалуются, что у них нет кабельного, — говорит мужчина, жуя при этом жвачку. — Мы подозреваем, что нарушена кабельная сеть, могу я... — потом парень будто приходит в себя и понимает, что перед ним ребёнок... точнее, подросток, но всё же далеко не взрослый. — Кто-нибудь из родителей дома? — спрашивает он.

И в эту же секунду в заднем кармане моих джинсов звонит телефон.

— Маааааам! — кричу я и достаю аппарат. Стёпка, тебя Господь послал, да будут дни твои на Земле благословенны!

Я отхожу от двери и включаю связь.

— Стёпка, ты чего, спал до сих пор?

— А чего? Лето же, — отвечает мне хриловатый почти родной голос.

— Да ладно! — Я проскальзываю по лестнице мимо мамы.

— Нет, конечно. Я уже в город с отцом ездил. Просто, только вернулся. Гулять пойдём?

Я уже вторгся в коридор второго этажа, бегу в детскую.

— А то.

— Сегодня с нами должны быть Вероника и Ольга.

Сердце бьётся чаще.

— И ты ещё здесь? Немедля ко мне.

Когда я вхожу в комнату, связь уже отключена, и только сейчас вспоминаю об опарыше.

Тот валяется на кровати, хмурый, словно венская ночь, в которую умер Моцарт.

— Кто пришёл? — хмуро спрашивает он.

— Ты чего обо мне маме наплёл? — сжимаю я кулаки и нацепляю воинственный вид.

— Ничего не наплёл, — отмахивается опарыш. — Пришёл-то кто?

Снизу доносится голос мамы:

— Мальчишки, у вас там всё в порядке?

— ДА! — хором отвечаем мы, и мне вдруг становится легко.

— Смотрите у меня, — грозит глухой голос мамы.

— И всё же, кто пришёл? Кому-то не понравилось, что я бегал по забору без трусов? — задумчиво хмурится брат.

— Да! Соседи пришли. Кстати, с ножницами. Они сейчас поднимутся и отрежут твой стручок.

Вид у опарыша слишком серьёзный, чтобы продолжать шутить.

— Да что с тобой? — пожимаю плечами. — Ты можешь объяснить, что происходит?

— Что толку, всё равно, ты завтра всё забудешь, — отвечает опарыш. — Так ты мне честно ответишь, кто звонил?

— Да это из кабельной компании, — говорю я. — Дались они тебе.

— Странно. — Впервые за день лицо опарыша сменило маску сумасшествия на изумление. Он по-настоящему растерялся. — Но так не должно было быть!

Он вскочил и прилип к окну. Всё ещё в трусах и в майке. Я не успел ничего сказать, как вновь раздался звонок. А вот и Стёпка нарисовался.

Оставив опарыша в одиночестве, я вылетаю из комнаты, перепрыгиваю лестничный пролёт, и вот уже у двери. Мама открывать не собирается, она знает, кто на крыльце.

Я отворяю дверь и вижу затылок друга.

— Стёпка! — восклицаю я... и на секунду вздрагиваю, представляя, что сейчас он обернётся, а вместо лица у друга белое месиво, как у Слендермена.

И даже когда он оборачивается, не сразу видение уходит из головы. Только знакомый голос собирает передо мной родной образ:

— Я тоже хочу такие когти, — говорит Стёпка.

Я улыбаюсь. Родные ровные волосы, как у Омена, стильные очки в чёрной толстой оправе. И только эти жуткие усы... не то чтобы усы, но у Стёпки на верхней губе волосы стали слишком тёмными, хотя лицо ещё совсем детское. Видеть парнишку с жиденькими усиками, на мой взгляд, отвратительно. И я, и Серый — его брат — и даже Ольга, давно просим Стёпку сбрить эти рудименты каменного века, но друг упрямится, и твердит, что тогда они будут расти чаще.

Дурак.

Я смотрю в сторону высоковольтного столба. Перед домом притаился малиновый фургон с изображением трёхлистного клевера и надписью: Сомерсет. Кабельная фирма, вроде. А Буратино в оранжевом костюме и такой же кепке, что-то колдовал в открытом

железном ящике на столбе. К его ногам цеплялись металлические шпуквины, напоминающие когти.

— Они называются монтерские когти, — говорит Стёпка.

— Мне безумно интересно! — прикидываюсь я. — Но могли бы мы уже рвануть на встречу с Вероникой?

— И Олей, — замечает Стёпка, вскидывая указательный палец правой руки.

— Да. Только... мне нужно привести себя в порядок немного. Ты меня подождёшь здесь или в доме?

— Я на крыльце посижу, — улыбается Стёпка и садится туда, где полчаса назад сидел опарыш. Я вздрагиваю, и прячусь в дом.

Мне кажется, проходит много времени, прежде чем я начинаю нравиться самому себе. Но там будет Вероника, как же иначе? Хоть сегодня на улице жарко, стоит нацепить кожанку. В закрытом помещении я, конечно, спарюсь, но на открытом воздухе — ничего так. Даже Стёпка в рубашке с длинным рукавом. С Волги который день внезапно дуют ветра.

Когда я выскакиваю за дверь, Буратино и фургона уже нет, только Стёпка сидит на ступенях крыльца, опустив голову на руки.

— Я готов. Велик берём?

— Да не, — качает головой Стёпка. — Мы всё равно мимо моего дома. А там нас Серый подвезёт, сам вызвался.

Я киваю, закрываю дверь, и слышу голос мамы:

— Артём, баранина будет через несколько часов. Обязательно возвращайся.

— Угу, — мычу я, заведомо зная, что нарушу установленное время. — Понеслись?

Стёпка встал.

— Мы с тобой два мачо-мена, нас ждёт удача. — Он цыкнул губами и подмигнул.

С благоговением в сердце я покинул дом, оставив внутри нервную маму и двинутого опарыша. Ура. Свобода! Аллилуйя!

*****

До дома Стёпки идти пару минут. По дороге навстречу попалась пара малышей, перекидывающих на ходу красный резиновый мячик, но в основном весь наш закрытый район пустовал. Большинство взрослых пребывало в городе на работе. Летом в будние дни до захода солнца посёлок превращался в маленький детский городок с небольшим количеством женщин.

Сквозь заросшие прутья ворот дома Герундовых — фамилия Стёпки — я разглядел красные пятна Серёгиного Рено. А вот и ещё один персонаж моей жизни Сергей Герундов — старший брат Стёпки.

Серому вот-вот должно было исполниться семнадцать, на шестнадцатилетние родители подарили ему машину Рено, и теперь сильный покровитель моего друга катал нас всюду, куда нам только вздумается направиться. Я нисколько не шучу, говоря о покровительстве, ибо Серый представлял собой смесь Стёпкиной заботливой мамочки и строгого решительного папочки, хотя женственное лицо со светло-русыми кудряшками придавало брутальному парню, ставшему почти дядькой, невероятное сходство с матерью. Учителя за спиной называли Серого Аполлоном, — я как-то подслушал. Для них он являл образ

совершенного греческого бога: посещает спортзал; играет за местную подростковую сборную по футболу; вечная приветливая улыбка на губах, демонстрирующая зубы из реклам Digol; спокойный, не конфликтный, скорее — защитных обиженных и обездоленных; жеманная походка, пижонская причёска, педантичные движения...

Поверьте, мы с пацанами таких по-другому называем, менее приветливым словом. Хотя, ничего против Серого я не имел. Ходить в друзьях у накаченного старшекласника — что может быть лучше, пусть даже за глаза его и обзывают всякими нехорошими словами. В тринадцать я впервые убедился, что правда не на стороне правил и понятий, выстроенных подростковыми структурами, а на стороне силы. Если ты способен размазать по стенке любого однокласника, то это ты диктуешь правила.

Стёпка был для Серого кумиром, впрочем, как и наоборот. Наверное, они дополняли друг друга: один мускулами, другой — логикой. Серый прощал младшему всё, сам убирал их общую комнату, часто катал за него рефераты по физкультуре, выполнял письменные задания по истории — с историей у Стёпки пробел, хотя Серый тоже не отличался знатоком Куликовских битв, — и как я уже говорил, с появлением машины, Стёпку подвозили в любую точку мира, стоит тому лишь захотеть.

Что?

Вы шутите?

Чтобы я делал домашнее задание за опарыша? Или убирал комнату? Да у нас на двери висит график уборки, а если Андрюшка приносил со школы пару, — а он любил их таскать, — я тихо ржал в углу, когда слышал нотации от папы. Ты вырастешь не человеком! Пойдёшь на улицы грабить соседей! А опарыш лишь стоит, нагнув голову так, что если бы не грудь, подбородок упирался бы в сердце.

Я знаю Стёпку с первого класса, Серому в те дни было десять. И уже тогда грозный кулак светло-русого кудрявчика из четвёртого класса мог покарать тебя, стоит наступить на ногу Стёпке. Нет, опарыша в школе я тоже время от времени защищал, но лишь когда ситуация накалялась до предела. В семье Герундовых союз братьев достиг фанатичного апогея. Год назад, когда Стёпка спас меня с похищением журнала и обличил Егора, когда последний подбил Стёпке глаз... ох, лучше б он этого не делал. После драки ребята разошлись, мысленно представляя, как скорбят на могиле Егора. Серый проявил толерантность и лишь поговорил с обидчиком. Жёстко, по-мужски, но без рукоприкладства. А на следующий день двое неизвестных, кроме всего прочего, сломали Егору ногу.

— Я уже готов! Привет, Артём! — Серый протирал лобовое стекло, однако позволил себе оторвать руку с губкой и помахать мне. Как обычно: дарю всем лучи света и добра. — Вас всё туда же? На Заводь?

— Да, — кивает Стёпка и забирается на заднее сиденье. Я лезу следом. В машине привычно пахнет хвойным ароматизатором.

От больших рек часто ответвляются маленькие стоячие притоки, мы свой называли Заводью. Почти весь наш район строился возле него, со стороны воды как раз и имелась брешь в ограде. От Стёпкиного дома до Заводи прогулочным шагом минут двадцать-тридцать. На машине Серый домчал нас за девяносто секунд.

Когда мы вышли, Серёга подмигнул нам и слукавил:

— Я бы остался с вами потусить, но, как я понимаю, вы ожидаете подружек.

— Правильно понимаешь, — кивнул я.

Против компании Серого я ничего не имел, но если б не девчонки...

Хотя, на этом месте буду краток. Вероника и Ольга не являются даже второстепенными персонажами сего повествования. В тот день, в злосчастное двадцать третье июля, мы решили купаться, несмотря на прохладный ветерок. Может, в плане детективных историй Стёпкина логика сверкала словно вылизанное блюдо, в делах сердечных она давала сбой.

Я сразу предположи, что если мы полезем в воду, то и девчонки последуют за нами. В тринадцать лет нет ничего интереснее, чем взглянуть на свою подружку в купальнике.

День провели потрясающе. Стёпка в плавках со штанинами смотрелся смешно: долговязая худая макаронина, ныряющая в воду. Кстати — самый высокий ученик в классе. На две трети головы выше меня. А вот Оля — его девчонка, больше напоминающая Рапунцель с рыжими густыми волосами, уступала мне в паре сантиметрах. Не знаю, целовались ли они со Стёпкой, но если да, то моему другу приходилось сильно нагибаться. Хихихи.

Моя девчонка — Вероника, с чёрными кудрявыми волосами, столь же объёмными, как и у Ольги, и с выразительными голубыми глазами. Кроткая, тихая и западающая на сильных парней, которые носят мотоциклетки.

Да, в тот день я тайком поцеловал её, пока мы отходили будто бы поискать ежевику. Ягод мы не нашли, но вернулись счастливые и покрасневшиеся.

С наступлением сумерек, оставшись вдвоём со Стёпкой, мы брели по мрачной лесопосадочной тропке. Деревья обступили нас, прижимаясь к двойной колее. В принципе, тропу вполне можно было назвать дорогой, именно по ней нас привёз Серый, да и вообще, машины сновали по ней туда-сюда.

Я закинул куртку за спину, ветер неприятно лизал холодным языком влажные волосы. Шли босиком, закинув кроссовки, связанные шнурками, на шею.

— Мой опарыш сегодня с ума сошёл, — говорю я.

Стёпка завёл глаза. Пару жирных капель влаги застыли на линзах его очков.

— Что такое?

— Не слышит тебя Серый, — улыбается Стёпка.

— Да-да, — я улыбаюсь в ответ. Всякий раз, когда я при Серёге называл Андрюшку опарышем, Серый восклицал...

— Артём, это же твой брат, а опарыш — это личинка, пожирающая труп, — передразнивает Стёпка.

Я задумчиво улыбаюсь, пиная камушек. И вдруг проникаюсь моментом до самой последней клеточки сердца. Я люблю этот вечер, это лето, свою реку, Веронику и моего друга. Я хочу чтобы этот миг длился вечно!

— Тебе не надоел Серый?

— Чем?

— Мне кажется, он лезет в твою личную жизнь каждую секунду.

Стёпка задумывается, крутя пальцем шнурок, как моя Вероника кудряшку шикарного локона.

— Ну вообще, не знаю. Родители же мной почти не занимаются, они поручили меня Серому. А он такой, маменькин сынок. И папенькин. Он всё выполняет с усердием перфекциониста.

— Кто такие перфекционисты? — спрашиваю я, уже не в первый раз, ибо Стёпка вечно кидается какими-нибудь заумными терминами.

— Ну это... как раз такие педанты, которым надо, чтобы ни одной ошибочки не было в

любой их работе. Вот Серый такой. Если я упаду и поцарапаю коленку, он поднимет на уши скорую помощь, перевернёт всю аптечку дома.

Я вздыхаю и с благоговением смотрю на тускнеющие в свете вечера листву деревьев.

— У меня такого никогда не было. Не знаю, может, это и прикольно.

— Прикольно, — соглашается Стёпка. — Но иногда хочется капельку свободы, понимаешь...

— Ещё бы не понять, — усмехаюсь. — Но лучше быть на твоём месте, чем на моём. Я ж говорю, опарыш с катушек сегодня слетел. Мало того, что голым на воротах вертел задом, так ещё отвёл меня в сарай, вручил молоток и велел ему голову размазать.

Глаза Стёпки под линзами очков увеличились вдвое.

— Правда что ль?

— Агааа. Не знаю, кто его укусил. Он с утра не в себе. Ходит по дому, говорит какие-то странности, впрочем... — я прищуриваюсь и вдруг вспоминаю. — Утром он сказал, что на меня набросится зубная паста, и она правда выплонулась из тюбика прямо на палец. А вообще, он ходит, сумашедше улыбается и... просит убить его молотком, — последнюю фразу я произношу, пожав плечами.

— Может, его психиатру показать? — хмурится Стёпка.

— Если завтра не прекратит, то я серьёзно поговорю с мамой насчёт этого, — киваю. Мы уже выходим из лесопосадочной полосы. — Мне сейчас и так дома достанется, что не вернулся к ужину.

*****

Мой папа ко всему относится с юмором. Если между нами и мамой проскакивала искорка раздора, он обычно отодвигал газету «Спорт-Экспресс», которую читал, и его лысеющая голова обязательно вставляла какую-либо шутку, которая разрядит обстановку. В последние годы отец пополнел на десять килограммов, свалив всё на нервную работу.

Когда мы попрощались со Стёпкой и я пересёк уже темнеющий двор, жареная баранина давно остыла. В светлой кухне меня встречает мама, руки уже упёрты в бока, на лице будто пространство искривили.

— И что, ужин в микроволновке греть?!

А мне на душе так хорошо, что вот совсем не хочется ссориться. Я же Веронику сегодня поцеловал.

— Он и после микроволновки будет прекрасным, поверь, — отвечаю я и бросаю куртку на вешалку. Отец развалился за столом, его лицо и грудь прячутся за газетой.

— Дорогая моя, ты так готовишь, что твоя баранина и холодная изумительна. Пальчики облизешь.

Я улыбаюсь, хоть папа и не видит. Хороший он всё-таки человек. В конце концов, где бы мы сейчас жили, полюби мама какого-нибудь кондуктора или офисного рабочего? Саратов не славится красивым городом нашей необъятной. Народ хорошо помнит те злосчастные два года с 2008 по 2010, когда Саратов признали самым замусоренным городом. Выживают тут только те, кто работает в промышленности, например, в транспортной, как мой папа, который к тому же занимает руководящую должность.

— Вот! — восклицаю я. — Слушай папу. — А сам тем временем швыряю на пол

крассовки и отряхиваю ноги.

— Это что за проклятие! — мама вскидывает руки к потолку, но видно, что она уже сдалась. — Нет бы поддержать меня иной раз. — Теперь мама смотрит на заголовок Спорт-Экспресс.

— И что я должен сделать? — отвечает газета.

— Гавкни на него.

Краешек Спорт-Экспресса отодвигается в сторону, показывается глуповатое лицо папы с полянкой лысины на макушке, и потом он корчит гримасу и коротко гавкает.

Я покатываюсь со смеху, а папа уже вновь читает газету. Мама тоже смеётся.

Я проскальзываю в ванную, мою руки и разогреваю ужин. В желтеющем свете ночника гостиной мама переключает каналы, а на яркой кухне я поедаю картошку, горошек и баранину, и потом раскрытая газета Спорт-Экспресс заставляет меня насторожиться.

— Что-то сегодня Андрюшка такой тихий! — раздаётся голос папы. — Он вообще в доме?

— Ох, — долетает голос мамы из гостиной. — Сегодня Андрей встал не с той ноги. И, кажется, они конфликтовали с Артёмкой.

Газета шуршит и отодвигается. На сей раз из-за неё выглядывают хмурые глаза.

— Вы конфликтовали? — спрашивает отец.

Я растерянно жму плечами. Неприятный разговор угрожает состояться не завтра, а сегодня.

— Я не знаю, что он сказал маме, но он очень странно ведёт себя с утра.

— Как? — ещё больше хмурится папа.

Я поглядываю на мрачный проём гостиной, приближаю лицо к папе и в два раза снижаю громкость, почти шепчу:

— Он голый плясал на воротах.

Глаза отца округляются.

— Маме я этого не говорил, — продолжаю я. — Но когда я стянул его и одел, он увёл меня в сарай, дал молоток и просил разбить ему голову.

— Это... у вас игры что ли такие? — вновь хмурится папа.

— Если бы, — вздыхаю, и наблюдаю, как отец откладывает газету. Кажется, я его не на шутку взволновал. — Он сам меня пугает. Когда он просил ударить по нему молотком, взгляд у него был такой... серьёзный и сумасшедший. Даже я испугался. Мне кажется, он почти плакал. Андрюшка! Который никогда ни разу не плакал.

Отец теперь смотрит в никуда, хмурясь и перебирая в голове известные только ему мысли.

— А что мама? — спрашивает он.

— Я её позвал, а когда она вбежала в сарай, опарыш... Андрей, сказал ей, что я хочу его убить молотком. То есть, понимаешь, он на меня все стрелки перевёл.

Если мама могла растеряться, не понимая, кто из нас с Андрюшкой говорит правду, то отец, я точно знал, поверит мне. Не то чтобы он не любил мелкого, скорее причина крылась в самостоятельности. Папа считал меня уже почти взрослым человеком, и иногда поведывал истории, которые никому нельзя знать и которые он не рассказывал матери. Например, как несколько месяцев назад, когда он сообщил семье, будто премии не будет, хотя он снял деньги наличкой, а потом прохлопал глазами и на стоянке у него вытащили деньги прямо из кармана. О подобных мелких историях суждено знать только мне одному. Я думаю, отцу

иногда хотелось кому-то выговориться, но если с мамой его связывала общая жизнь, некоторые обязанности и главное — любовь, то меня можно назвать чужим человеком. Нет, конечно, я сын, но по сути перед жёнами у мужей больше обязанностей, как и у жён перед мужьями. А дети, их скорее можно сравнить с близкими друзьями. На отце и матери лежат лишь ответственность за нас, помощь советами, но мы сами строим личную жизнь, и она меньше пересекается с личной жизнью любого из родителей, нежели их пути друг с другом. Поэтому мы с отцом в беседах открывали секреты, которыми не могли поделиться с мамой.

— Ладно, — отец вздыхает и встаёт. — Пойду-ка я с ним поговорю.

Я не сопротивляюсь, но почему-то становится страшно. Отец исчезает за холодильником, а я отламываю кусочек хлеба и отправляю в рот. Перед мысленным взором рисуются самые страшные картины самоубийства опарыша. Я жду, как сверху донесутся истошные крики папы, который открывает дверь в детскую, и видит Андрюшку висящего или порезанного в ванной, или разбившего себе голову, или... фу-фу-фу.

Сфокусировав взгляд на реальном мире, я откусываю кусок баранины. А крика сверху так и не доносится.

По вечерам вторников и четвергов мы с отцом смотрим сериал Блудливая Калифорния, и плевать, что на сериале стоит значок 18+. Когда мама однажды заметила сей рейтинг и даже указала на некоторое количество эротических сцен, отец лишь пожал плечами и ответил: А Артёмка у нас мужик растёт или не мужик???

Поэтому, когда мы уединялись перед телевизором, мама оставляла нас и скрывалась в комнате родителей, где с опарышем смотрела что-то семейное. Вечера вторников и четвергов оставляли в сердце тёплые воспоминания, когда столик перед диваном полон еды, в кружках дымится чай или шипит кола, мы с отцом сидим бок о бок и гадаем, чем же кончатся похождения красавчика Дэвида Духовны. А когда в фильме появлялись полуобнажённые девушки, да ещё мелькали сцены с поцелуйчиками, мы с папой поглядывали друг на друга, лукаво дёргали бровями и хором напевали: Оооооо! Это как будто своеобразный обряд такой был. Отец иногда ещё присвистывал.

Этот вторник не был исключением. Проведя в детской с полчаса, отец спустился к сериалу. Мама немедля убежала за Андрюшкой смотреть в своей комнате по другому каналу каких-нибудь Букиных. Пока мы разогревали оладьи с клубничным джемом и разливали чай, я открыл было рот, чтобы спросить про опарыша, как он нарисовался в проёме сам. На сей раз хотя бы натянув шорты, но всё ещё в майке. Видок у Андрюшки удручающий: на лице поселилась смертельная бледность. И искра страха вновь затеплилась во мне.

— Всё те же оладьи. И клубничный джем.

Улыбка появляется на лице опарыша, но она не касается глаз. Механическая, как у робота.

— Да, — вздыхает отец, и я вижу, что тот не смотрит на Андрюшку, будто не замечает изменений в младшем сыне. Отчаянье бабочкой бьётся в сердце. Неужели? Неужели папа поступил как и я? Он пытается избежать проблемы. Андрюшка здоров, температуры нет, ведёт себя немного иначе. И эта странность оттолкнула отца. Заставила взрослого мужчину махнуть рукой и сказать: само всё решится.

— Ты с мамой сейчас будешь сериал смотреть? — спрашивает он с наигранной озабоченностью изучая панель микроволновки.

— Не-а, — жмёт плечами опарыш. — Надоело смотреть одно и то же. Ладно, вы развлекайтесь, а я пойду позалипаю в компьютер, выясню, насколько ничтожна наша жизнь

в просторах времени и пространства.

С этими словами опарыш разворачивается и оставляет нас с отцом наедине. Подбрав так челюсть, я гляжу на спину папы и выдавливаю из себя:

— Как прошёл разговор? Он вообще, как? Нормально? Что с ним? Он совсем ку-ку?

— Знаешь, твоего брата будто подменили, — ответил затылок отца. — Он рассуждал о космосе, вселенной и времени. Я-то пришёл поговорить о жизни, о прошедшем дне. В общем, мне пришлось сделать умное лицо и вспомнить знания астрономии, — отец оборачивается. — Может, у него переходной возраст так начинается, — пожимает плечами он.

— Не думаю, — мотаю головой. — А вообще, что он говорил?

Отец вздыхает снова, подчёркивая, что этот разговор его немного напрягает, и достаёт из микроволновки оладьи.

— Я уж и не помню. Отчасти потому, что половину не понял. Что-то про целостность времени и пространства. Такое даже ты, закончивший седьмой класс, не завернёшь. Говорил что-то о циклах и петлях времени. А вообще, давай пошлём всё это нафиг и пойдём уже смотреть Дэвида Духовны!

И мы пошли. Оладьи с джемом улетели за первую треть серии, чай остыл. Мы с отцом четырежды посмеялись и два раза поокали, но как-то вяло, как мне показалось. В головах каждого вертелся наш общий близкий родственник: младший сын и он же мой опарыш.

Космос. Вселенная. Время. Как часто эти понятия врываются в нашу жизнь? Почти никогда. Иной раз перед сном разум забредает в дебри, стремится к звёздам, тебя охватывает страх, что вот там, далеко миллионные температуры, смертельный вакуум, ионные лучи, радиоактивные пульсары, а вдруг это всё однажды доберётся до тебя? Но потом ты засыпаешь, и утром жизнь продолжается по плану. А когда Космос, Вселенная и Время врываются в жизнь младшего брата, ловишь себя на мысли, что кусочек этого запредельного пространства поселился у тебя в доме. Он сейчас в спальне наверху. И этот кусочек хочется встряхнуть и заорать на него: стань опять нормальным! как прежде!

И думается мне, что если опарыш ещё долгое время будет строить подобные капризы, мать или отец однажды не выдержат и встряхнут его.

*****

После сериала я скользнул в душ. Успеваю заметить опарыша за компьютером. Предполагаю, Букиных с мамой он не смотрел.

Под струями воды я нежился долго, а когда вышел, на полных правах старшего брата выдворил Андрюшку из-за компа. Честно, я ожидал какой-нибудь необычной реакции, впрочем... Она действительно была необычной.

Опарыш встал и перешёл на кровать, не сказав ни слова против. Через пару секунд я уже забываю о младшем, поглощённый виртуальной сетью. Помню только, что закрыл Андрюшкину вкладку и успел заметить на ней материал о бескрайней Вселенной. Кажется, мой опарыш и впрямь начал интересоваться Космосом. Может и правда переходный возраст, но уж что-то рано как-то. Он у меня-то толком ещё не начался.

В сетях я провожу около часа, пока Вероника не уходит спать. Закрываю глупую переписку двух влюблённых, выключаю компьютер и забираюсь под одеяло. Теперь

Вероника в аське, и я снова завожу несодержательный диалог, который могут вести только втюрившиеся друг в друга подростки.

Тишину комнаты нарушает шорох.

— Ты ещё не спишь? — шепчет опарыш.

— Сплю, — хмуро отвечаю, высылая Веронике вереницу смайликов.

Андрюшка выдерживает паузу, а потом говорит:

— Я хочу рассказать тебе кое-что. Маленький секрет. Ты будешь первым, кому я это скажу.

— Давай, — отвечаю и уже не слушаю мелкого.

— Можно к тебе?

Некоторое время я молчу, моё сознание с Вероникой, и оно уверено: опарыш там уже лопочет о своих секретах и тайниках за забором, где он закапывает в банке цветные стёклышки из мозаики, представляя, что это рубины, изумруды и... интересно синие осколки у него кодируются каким камнем? Аквамарин? Жемчуг?

Тут я опоминаюсь: опарыш молчит. Чары Вероники отпускают меня, и в голову снова лезут Вселенная, Космос и Время.

— Чего ты говоришь?

— Можно к тебе? — повторяет Андрюшка.

Односпальная кровать опарыша, сделанная в виде кораблика, прячется в углу у окна. Моя кровать стоит так, что вместе с Андрюшкиной образуют букву Г, с небольшим проходом на углу. Свою я называю Красной Площадью, потому что она полутораспальная, я могу лежать на ней даже поперёк, а ещё она упирается спинкой в середину стены, и я могу встать с любого конца. Справа и слева — прикроватные тумбочки. Всё для удобства.

Опарыш часто нырял ко мне, либо когда не мог уснуть, либо во время гроз. Видите ли он боялся лежать у окна, когда молния сверкает, идиот. был ещё и третий случай, но я узнавал о нём обычно утром. Просыпаюсь, а опарыш сопит рядом. Всё ясно, ему приснился кошмар, и мелкий спрятался на моей кровати.

Сегодня я бы послал опарыша куда подальше... да, чёрт, первые секунды я так почти и сделал. Влекомый перепиской с Вероникой, я говорю:

— А секрет этот до завтра подождать не может?

Опарыш какое-то время думает, а потом отвечает:

— Завтра уже будет поздно.

— Ну рассказывай, — отвечаю я с неудовольствием, но всё же чуточку заинтересованный. Может, мелкий сейчас раскроет причину своего сумасшествия.

Пока шажки опарыша шуршат к моей кровати, я отписываю Веронике, чтобы та подождала меня немного. Вот Андрюшка юркнул на левую половинку кровати и спрятался под одеяло.

— Только не прикасайся ко мне, а то вышвырну тебя на пол. Ногами! — тут же предупреждаю я.

Опарыш молчит, но и не прикасается.

— Что ты там хотел мне рассказать?

— Ты же мой брат, — тут же отвечает Андрюшка. — Ты должен мне верить.

— Да, только если не будешь рассказывать о том, что на заднем дворе у тебя закопаны настоящие изумруды.

— Но они... — Опарыш сбивается. — Хотя, может, это и правда просто стекляшки.

— Это и правда просто стекляшки, — усмехаюсь я. Глаза привыкают к темноте, и я вижу сереющий потолок. Я кладу руку под голову, а в ладони зажат телефон, а там Вероника. Уууух, приспичило ж моему опарышу откровенничать.

— Ты, наверное, думаешь, почему я так странно себя веду сегодня, есть такое?

— Да нет, ты самый нормальный. Хотя, постой, ты махал своей пипеткой на глазах у соседей, потом, ты велел раздолбать тебе башку, я так жалею, что не сделал этого, ты весь день болтаешь о вселенной и не стал смотреть с мамой сериал. Вот если не считать эти мелкие приблуды, ты сегодня вёл себя совершенно нормально.

Опарыш молчит, и я кошусь на него. Он лежит на боку, смотря прямо на меня, и вдруг его психически нездоровая гримаса наконец исчезает, и он улыбается и заводит глаза.

Я едва сдерживаю улыбку, но опарыш всё читает в моих глазах, поэтому я вновь перевожу взгляд в потолок.

— Послушай, — говорю. — Если ты завтра проснёшься, выкинешь из головы весь этот бред про Вселенские замуты, и станешь прежним, то...

— Да погоди ты! — Опарыш поднимается на локтях, и я отчётливо вижу его напряжённое лицо. Лёгкий синий свет ночи едва касается фаса Андрюшки. — Завтра ничего не будет. Понимаешь... история дальше не написана. Она дописана только до двадцать третьего июля!

Я хмурюсь. Опять психическая нестабильность.

— До сегодняшнего дня ты изъяснялся, как мой брат, а кто сейчас говорит со мной? — спрашиваю я.

— Я говорю, — отвечает опарыш. — Понимаешь, двадцать четвёртого июля нет! — последнее слово он произносит шипя, будто оно обжигает его губы. — Весь мир застрял в двадцать третьем.

— Что за чушь?

— Я считал. Сегодня была знаменательная дата. Мы проснулись в двадцать третьем июля двадцать третий раз. И сегодня я впервые рассказал об этом. Тебе. Знаешь, я сам не сразу заметил это. Где-то на третий или четвёртый день только. Но вы ничего не замечаете. Вы просыпаетесь и делаете всё то же самое, что все делают двадцать третьего июля. Мы все проживаем этот день по кругу уже двадцать три дня. Ни ты, ни мама, ни папа это не замечают.

Я вдруг чуть улыбаюсь и вспоминаю.

— Погоди, — говорю. — Это ж было в каком-то фильме, да? И даже вроде не в одном. День Сурка — самый известный. И ещё там как-то баба одна застряла в двадцати минутах и постоянно возвращалась на дороге назад. Блин, да я по-моему ещё где-то видел это. — Я улыбаюсь во весь рот и с некоторым интересом смотрю на младшего. — Ты стырил эту идею у Голливуда.

Опарыш чуть наклоняется ко мне, его вспотевшее лицо чуть блеснуло в свете ночи.

— Я не шучу, — шепчет он так тревожно, что я чувствовал напряжение даже в его горячем дыхании. — Завтра ты проснёшься снова в двадцать третьем июля. И я надеюсь, что теперь ты будешь помнить наш разговор и поймёшь, насколько я был прав.

— Давай так, — меня поглощает азарт, и я тоже шепчу. — Если я проснусь завтра в двадцать четвёртом июля, я тебе... нет, щелбанами ты не отделаешься. Короче, весь день будешь работать на меня, договорились?

— Всё шутишь, — усмехается опарыш, а я внезапно чувствую щупальца сна,

обвивающие моё тело. — А как, по-твоему, я узнал про зубную пасту утром? Я всё знал. Я знал, что мама приготовит на ужин баранину, какие продукты она принесёт.

Я чуточку хмурюсь, и вдруг правда пугаюсь.

— Ты просто угадал, — говорю.

Опарыш опять усмехается и глядит на меня пристально, а в глазах вдруг появляется бездонная пустота.

— Если завтра опять повторится двадцать третье июля, я убью себя, — пожимает плечами он. — Спокойной ночи.

С этими словами Андрюшка встаёт и движется к своей кровати.

Мне очень неловко, но в то же время не хочется этого признавать.

— Не забудь, если мы проснёмся завтра в двадцать четвёртом июля, ты весь день работаешь на меня, — говорю я без искорки в голосе.

— Дадада, — вяло отзывается опарыш, и слышу, как он падает в кровать.

Я даже к Веронике не вернулся. Просто перекатился на другой бок и испуганно уставился в темноту. Сон всё больше одолевал меня, а сознание вспоминало каждую мелочь дня, и страх всякий раз новым кольцом обвивался вокруг сердца. Что если опарыш прав? Как так удачно он отгадывал сегодня каждый шаг?

Чёрт!!!

Артём, о чём ты думаешь? Ты в себе или нет? Лежишь и осмысляешь бредни мелкого идиота?

Так во мне боролись разные точки зрения ещё долго, прежде чем беспокойный сон проглотил меня.

ПОХОРОНЫ ПУСТОТЫ

*Уже утоптана земля,
И на нее цветы легли,
И все молчат, она одна
Еще кричит из-под земли.*

The Matrixx, Я Сам

*

Мне казалось, что я только что закрыл глаза, открываю, а уже солнце бьёт в окно. Ночь пронеслась тёмным беспокойным пятном. С тяжёлой головой я уставился на телефон, что спал на соседней половинке кровати. Сердце заколотилось, я схватил его и активировал экранчик. Внизу высветилось:

10.30

24 июл.

Я откинулся на подушку и засмеялся про себя.

— Опааарыш, ты мой слуга на весь день, — говорю я и смотрю на пустую кровать в углу. Гадёныш, уже слинял. Конечно, теперь весь день будет скрываться по друзьям, чтобы долг не отдавать, но я завтра ему припомню.

Ташусь в ванную чистить зубы. И всё же, я дурак. Поверил мелкому. Убить его мало! Выставил меня идиотом, хотя, троллинг тонкий, достойный восхищения. Поэтому, как только увижу опарыша, сначала восхищусь им, а потом убью. Да. Молотком, как он вчера и просил.

Дом пустовал. Отец на работе, мать, вероятно, снова в магазинах, опарыш смылся. Я вновь делаю себе яичницу. Как-то отец, узнав, что я фигачу её каждый день, заметил:

— Мне бы так, но с моим холестеринном яйца я вижу только во сне.

Шутка мне показалась пошлой. Я посмеялся, но всякий раз как лезу утром в холодильник, задумываюсь, вдруг есть яичницу каждый день и правда вредно? Хотя, в тринадцать ты вообще не веришь слову вредно. Поэтому, завтракаем в классическом варианте.

После, ещё несколько часов я пропадаю в сетях, в надежде выловить Веронику. Она то ли спит, то ли занята иными делами, меня даже укол ревности пронзает. Что в её жизни может быть важнее меня?

В итоге вновь звоню Стёпке и иду к нему. Серый возле дома занимается машиной, хотя, чёрт возьми, он всегда занимается ей. Русая голова выглядывает из-за открытого бампера, рука, сжимающая отвёртку, приветливо машет мне.

Тётя Марина, мать Стёпки и Серёги, усаживает нас пить чай с вишнёвым пирогом, который испекла сама. Мать у моего друга вообще приветливая, любящая сразу всех людей на планете, поглощённая собственным садиком во дворе, а также готовящая всякие вкусности из ягод и фруктов. Серый, вероятно, в неё пошёл.

А вот отец у Стёпки наоборот, часто ворчал, слова из него не вытянешь. И характер его

подтверждался вытянутым лицом, острым носом и тонкими губами. Такими я себе часто представлял фашистов.

За ленчем мы беседовали в основном о девчонках, впрочем, о чём ещё могут говорить ребята. Хотел дорассказать о вчерашней выходке опарыша, но разговор сразу пошёл о слабом поле. В общем, в тот день, мы решили опять с ними погулять, но до тех пор, пока они не позвонили и не вышли в сеть... неплохо бы порубиться в какую-нибудь игруху.

Компьютеры стояли и в комнате Серого и в комнате Стёпки, машины соединялись локальной сетью, поэтому мы немедленно ушли в сетевую стрелялку, и день пролетел незаметно.

Прервала меня лишь мама, позвонив и строго спросив:

— Андрей где?

— Наверное, от меня скрывается, — усмехаюсь.

— Он хоть ел утром?

Я пожимаю плечами, поглядывая на прицел в центре монитора, и отвечаю:

— Ну конечно, не пойдёт же он к друзьям на голодный желудок.

— Не задерживайся, — последнее извечное напутствие всех мам.

И снова монстры-монстры-монстры!..

Мы лежим со Стёпкой во дворе и смотрим на облачное небо, затягивающееся сумерками. Серый куда-то смотался, тётя Марина в нескольких метрах от нас окучивает розы.

— Ну что? Будем выискивать девчонок на сегодня? — спрашиваю.

— Думаешь, стоит? — задумчиво говорит Стёпка, жуя стебелёк, кажется, тимофеевки.

— Не знаю, уже поздно, но погулять с ними недалеко от дома можно было б.

— Ты этого хочешь?

— Ну, — я кошусь в сторону тёти Марины и снижаю тон. — Блин, Стёпка. Я всю ночь думал о Веронике. Ты видел её глаза?

Тут я соврал. О глазах Вероники я думал половину времени, остальную половину я очковал, что завтра проснусь снова в двадцать третьем июле.

— Видел, — беззаботно вздыхает Стёпка, глубоким взглядом сквозь очки изучая облака.

— Ты же ведь тоже хочешь погулять с Ольгой?

— Может быть, — отвечает друг.

— Слушай... — я сбиваюсь и стараюсь пробить одно из облаков взглядом. В нашем возрасте, задавая такие вопросы, стесняешься глядеть друг другу в глаза. — А ты с ней целовался уже?

— Естественно, — хмыкает Стёпка.

Мне становится легко, и я тут же признаюсь:

— Я с Вероникой тоже.

Повисает неловкая пауза, и Стёпка вдруг говорит:

— Давай я позвоню им.

— Идея на пятёрку с плюсом, — улыбаюсь.

Потом Стёпка достаёт сотовый и набирает номер Ольги. Я не слышу, что она говорит, но ответы Стёпки меня печалят.

— Они не могут, — вздыхает друг, отключая связь. Весь день были в городе, сейчас устали, говорит, как собаки... — Стёпка усмехается и с любовью разглядывает трубку. Ох, я знаю это чувство.

Мне пора бы домой, но хочется ещё полежать в прохладной летней траве и порассуждать о девчонках. Разговор растворяет тебя словно кислота, только нежно и без боли, и твои молекулы рассеиваются в природе. В ласковой лужайке, во вкусном воздухе. Весь мир превращается в одно большое пульсирующее сердце. Он кажется красивым.

Я вытягиваю руку и смотрю на небо сквозь пальцы.

— Завтра обязательно пойдём с ними гулять. Я напишу сегодня Веронике, что если нужно в город, пойдём в город вместе.

— Если Ольга с вами, то и меня берите, — отвечает Стёпка, задумчиво поглаживая корпус телефона.

И мы снова молчим. Два влюблённых подростка.

Домой я возвращаюсь через полчаса, когда сумерки грозят превратиться в ночную тьму, и тётя Марина зажгла в кухне и на крыльце свет.

Мы с папой вернулись домой почти одновременно. Примерно в то время, когда мама начала собирать всех к столу, мы осознали, что Андрюшка не у друзей, он бесследно исчез.

**

Когда новый месяц стучит к нам в дверь, мы не знаем, каков он, пока не мелькнёт его хвост. Этим летом я открыл дверь августу, а на пороге стоял ассиметричный монстр, пугающий гнилым запахом и конечно с забинтованным лицом, как у Слендермена. Он протянул ко мне кракеновские щупальца ещё в конце июля, но я не мог сразу их почувствовать.

У каждого человека существует переходный период, когда он из ребёнка превращается во взрослого. И однажды ты оглядываешься назад и говоришь: о, а ведь именно тогда и произошёл обряд инициации.

Двадцать четвёртого июля начался мой.

Кто-то взрослеет после того, как первый раз влюбится, кто-то меняет место жительства, кто-то спасает мир от злобного учёного. Ну... последних я не знаю, а вот первых полным полно. У меня всё началось с исчезновения опарыша.

Двадцать четвёртого поужинал только я. Еда перемещалась по пищеводу нехотя, страх старался вытолкнуть её. Взгляд неотрывно следил за бледной матерью, которая ходила по кухне взад-вперёд и обзванивала всех знакомых. И всякий раз, когда на том конце отвечали нет, лицо мамы становилось ещё бледнее.

Отец уныло клевал хлеб, при этом тревога в его глазах достигла апогея, я никогда не видел папу таким. В итоге, мать обзвонила почти весь район, но Андрюшку никто не видел.

Я признался, что утром встретил лишь пустую кровать, что не знаю даже, завтракал он или нет. Тогда отец почесал под носом и произнёс:

— Судя по тому, в каком состоянии он вчера был, он ушёл, скорее всего, ночью или... — Отец оглядел кухню. — Или его похитили.

Мысль о том, что у нас в посёлке завёлся похититель детей, маньяк, убийца, не давали мне спать всю ночь. Что до матери и отца, так они и так не спали. Даже в три часа, когда беспокойная дрёма всё же выключила меня, я слышал, как папа с кем-то говорит по телефону.

Проснулся я в пять утра. Мне снилась окровавленная комната, тело брата и человек, у

которого вместо лица размазанное пятно, ни дать ни взять Слендермен. Парень сверлил дрелью Андрюшку, а тот был уже мёртв. Во сне каждая капля крови казалась столь детальной, что я проснулся, задыхаясь, сразу почувствовав, как холодеют руки и ноги. Перед глазами всё ещё стояла оранжевая кепка человека без лица.

Как хорошо, что это был всего лишь сон...

И тут же мысли прерываются, когда я вижу в ночной тьме пустую кровать Андрюшки. Он всегда лежал там, с наступлением темноты, ни разу в жизни мама не отпускала его ночевать к друзьям. А сейчас опарыша в углу нет.

Я никогда не видел в брате что-то особенное. Ну мелкий такой человечек, любящий докучать и совсем без мозгов, но, чёрт, теперь его нет. Просто система жизни, алгоритм существования будто нарушился. Появилась пустота. Мне кажется, Андрюшка был всё равно что обувь. Когда ты идёшь по улице, и на тебе кроссовки, ты никогда не думаешь о том, какие они удобные и мягкие. Они просто есть. Всегда дожидаются тебя в прихожей, твоя нога забирается в них почти мгновенно, потому что ты привык к любимым кроссовкам. Но если вдруг они исчезнут посреди прогулки... алгоритм собьётся, ты будешь чувствовать неловкость, дискомфорт. Что-то подобное случилось и с исчезновением Андрюшки, только на каком-то другом уровне.

Я снова ложусь, но уже на другой бок, чтобы перед глазами стояла пустая кровать брата. Я сжимаю кулаки и шепчу:

— Ну давай же, опарыш, я знаю, ты сильный. Ты никуда не пропал. Ты должен вернуться завтра утром и сказать, что нечаянно уснул в лесопосадке. Попади в яму и сломай ногу, в конце концов, гадёныш, но вернись! Тебя не может не быть... не может...

Я засыпаю.

Просыпаюсь через четыре часа и сразу спускаюсь вниз. Гостиная пуста, на столе записка от мамы:

Ешь, что найдёшь. Уехали искать Андрея.

Так начались поиски моего брата. В тот день я съел всего лишь пару бутербродиков, и тут же начал звонить Стёпке. Почему-то меня захватывала мысль, как я рассказываю другу о случившемся!

Стёпку я разбудил.

— Опарыш исчез, — выпалил я. Меняхватило лишь на эти два слова, потом голос начал дрожать от волнения.

— Как исчез? — Голос Стёпки мгновенно пробудился.

— Ну... я... это...

Запинаясь, я рассказал другу события вчерашнего вечера. Стёпка долго молчал, а потом вдруг сказал такое, от чего я чуть не расплакался:

— Так а чего мы спим? Почему мы его не ищем!?

И мы действительно начали искать. Если взрослая команда начала с жилых районов, мы посчитали, что это глупо и рванули в лесопосадку и к Заводи. Я чувствовал, что вот сегодня, двадцать пятого июля, кто-то совершит героический поступок, скорее всего мы со Стёпкой. Найдём Андрюшку в яме со сломанной ногой, грязненького и голодного. Я уже видел перед глазами, как обнимаю опарыша и даю ему подзатыльник, а потом везу домой.

Вернулись со Стёпкой мы уже поздно. Голодные и уставшие. Объехали Заводь от границы до границы, но никого не нашли. У меня в гостиной собралось шесть человек, среди них и тётя Марина. Бледная мама велит мне разогреть вчерашний ужин, и тут же исчезает к

поисковой группе.

Кухня пахнет лекарствами, кажется, успокоительными. Я разогреваю картошку и уношу тарелку наверх. Ем в комнате. Хотя время ещё раннее, забиваюсь в угол между стеной и комодом и переписываюсь в аське с Вероникой и Стёпкой. В голове царит хаос или пустота, или и то и другое.

Внизу то и дело вскрикивают голоса. В аське отвечаю редко, в основном смотрю в одну точку, и мне страшно. Вдруг Андрюшка уже мёртв.

Мёртв.

Само слово кажется иррациональным. Мёртв — это бывает с героями по телевизору, мёртв — это с персонажами из новостей, но в твоей жизни не может быть этого мёртва. Разве смерть — это не выдумка взрослых, которой пугают детей?

Я засыпаю на полу в сухом и жёстком углу. Проснувшись посреди ночи, проверяю аську, и перехожу на кровать. Там засыпаю в одежде.

На следующий день поиски продолжаются. Утром я просыпаюсь от звонка Стёпки, который зовёт меня в лес. Я снова не умываюсь, не чищу зубы, наскоро ем и на велик.

В тот день мы прошерстили лесопосадку, наткнулись на пару человек из поисковой группы. На сей раз искали долго, и только когда темнота совсем не дала ничего разглядеть, медленно побрели домой, покатывая справа от себя велосипеды.

— Чёрт, ты весь день ничего не ел, — говорю я Стёпке, сам ощущая дикий голод.

— Да фиг с ним, — отмахивается тот. — А вдруг за поворотом сейчас твой брат лежит и хрипит, а мы в самый последний момент развернёмся и уедем.

Я улыбаюсь. Стёпка, ты самый лучший дружбан на всём белом свете.

— По логике, — говорит он. — Если Андрюхи нигде нет в нашем районе, то выхода два. На КПП его ни в коем случае не пропустили бы, особенно без родителей, а особенно, если он исчез ночью. Значит, Андрей исчез, находясь внутри. Стену он тоже перелезть не мог.

— Да там перелезешь! — восклицаю я. — Даже если б он пролез три метра, он бы в колючей проволоке запутался.

— Вот-вот, — кивает Стёпка. — Значит, варианта два. Либо у нас в районе завёлся манияк, который держит твоего брата у себя, либо Андрюха ушёл через Заводь. И либо ушёл, либо... — Стёпка вздохнул. — Утонул. Хотя, есть ещё третий вариант, но он маловероятен.

— Какой? — спрашиваю.

— Что твоего брата похитили инопланетяне.

Во дворе я швыряю велик на газон и вбегаю в кухню. В этот день в гостиной всего три человека, не считая моих родителей. Отец на кухне, что-то разогревает в микроволновке. Увидев меня, он внезапно хватается за рукав моей футболки и встряхивает.

— Я не пойму! Мне и второго сына потом оплакивать!?! На улице ночь, а ты где-то шляешься!

— Я... — слова теряются в горле, а отец отвешивает мне подзатыльник. Очень сильный подзатыльник. Я бы сказал, что это вполне можно назвать ударом, меня даже в сторону шкафа отшвыривает.

Мне больно и обидно, в проёме замечаю тётю Марину.

— Мы со Стёпкой Андрюху искали, — еле выдавливаю я. Чёрт, ну до чего ж всё-таки обидно. Отец никогда не поднимал на меня руку, и даже не кричал так серьёзно. А сейчас даже не извиняется. Достает из микроволновки тарелку с картошкой, швыряет на стол и рывкает:

— Ешь!

А потом уходит в гостиную. Он что, мне ужин готовил или свой отдал? Хочется унести тарелку наверх, но я боюсь разгневать родителей, поэтому неслышно приземляюсь на стул в кухне. Тётя Марина тут же садится рядом.

— Не расстраивайся, Артёмка, — шепчет она. — Сейчас такое время, что все на взводе. Я хмуро жую хлеб. Аппетит пропал.

— Вы только Стёпку не наказывайте, — хрипло едва слышно говорю я.

— Нет, я же понимаю, он помогает другу, — улыбается тётя Марина.

И вдруг я начинаю плакать.

— Я хочу чтобы Андрюшка вернулся, — всхлипываю. — Куда этот идиот ушёл?

Тётя Марина меня обнимает, и я благодарю её. Она прячет от мира мои слёзы. Пусть и правдивые, но мне за них стыдно.

На следующий день, двадцать седьмого, Андрюшку объявили в официальный розыск. По району засновала полиция. Начался их трёхдневный поиск, но мы со Стёпкой всё равно патрулировали окрестности, теперь уже в районах близ лесопосадки. А двадцать восьмого к нам присоединился Серый. Он возил нас на машине по всему городку, а вечером мы со Стёпкой снова поехали в лесопосадку. Мы в ней уже каждое дерево обшмонали, но знаете же то чувство, когда кажется, что ты куда-то не заглянул, что-то пропустил, как раз то место, где умирает искомый тобой человек.

Последняя ниточка надежды лопнула, когда вновь с наступлением темноты мы возвращались домой.

— Сюда больше не поедем, — бурчу я.

— Почему? — спрашивает Стёпка.

— Ты логик! Подумай! — язвительно отвечаю.

Стёпка вздыхает.

— В принципе, да. Если он застрял двадцать четвёртого в лесу, и так и не мог до сих пор выбраться, то завтра к утру он на сто процентов будет мёртв.

— Извини, — тихо лепечу я. — Веду себя как сволочь.

— Ничего, я же тебя понимаю, — Стёпка обнимает меня за плечи левой рукой. — Брата я тебе не заменю, но помогу всегда. Мы с тобой тоже своего рода братья.

Ночью чувство безнадёжности даёт о себе знать. Я долго не сплю, смотрю на кровать Андрюшки, и чёрная мысль плоской глыбой застилает мой мир. Уже поздно. Уже совсем поздно! Мой мелкий опарыш мёртв. Он больше не будет надоедать с компьютером, просить поиграть с ним в плейстешн, и не подбежит в школе, чтобы рассказать, как за ним охотятся пацаны. Какая-то тварь поставила в моей жизни пробел. Я будто перенёсся в другую реальность.

Всю ночь я спал плохо.

На следующий день мы прекратили поиски. Вот когда умирает надежда. Конечно, мы походили по окрестностям, но уже вяло. Что толку? Жители нашего посёлка обследовали каждый камушек, полицейские ищут второй день, заглядывают ко всем в дома. Андрюшка просто исчез, испарился. Либо он действительно утонул, либо его похитили инопланетяне.

У всех в жизни происходят взрывы. Моменты, которые меняют твой мир окончательно и бесповоротно, переворачивая бытие с ног на голову. Но после любого взрыва жизнь постепенно возвращается в норму.

Нет, прежней, как до взрыва, она уже не будет, но твой разум приспособливается к

новым вводным данным и продолжает существовать. Количество человек по вечерам в нашей гостиной уменьшалось, пока двадцать восьмого не остались только мать с отцом, люди вернулись в семьи, на работы, в душе, конечно, счастливые, что с их детьми всё в порядке. А двадцать девятого и я смирился, что брат исчез, что он мёртв и теперь мне придётся жить без него. Я не стал прежними Артёмкой, потому что какая-то мразь, если Андрюшка всё-таки не утонул, отщипнула от меня кусочек счастья. Но двадцать девятого числа уже никто моего брата не искал, кроме парочки вялых полицейских. Хотя, именно в тот день начали проверять Заводь.

Мать с отцом тоже перестали заниматься поисками, исследование водных территорий лишь ещё на несколько дней возродили в них остатки надежды. Хотя, в душе, конечно, они молились, чтобы на илистом дне тело Андрюшки так и не отыскали.

Впрочем, его и не отыскали.

Тридцать первого июля, когда последняя лодка уплыла и последний водолаз послал всех нафиг, мы со Стёпкой сидели на берегу. Хотели искупаться, но я лишь окунулся. От одной мысли, что здесь на дне может раздуться тело моего брата и кормить раков, мне становилось неловко. Стёпка понырять подольше, но потом всё же вылез, скорее из чувства солидарности, и вновь нацепил очки.

За прошедшие дни я видел Веронику несколько раз. Двадцать восьмого мы немного поплакали, а вчера лишь перекинулись парой слов. Моя любовь взяла небольшой отпуск, оставив пустое сердце в полном распоряжении грусти.

— Послушай, — Стёпка надел очки, подтянул ноги к подбородку, речная вода с носа закапала на его правое колено. — Ты говорил, что двадцать третьего Андрюха очень странно себя вёл, да?

— Да, — кивнул я, вспоминая тот день.

— А уже утром он исчез, так?

— Да.

— Хм. Помню, ты говорил, что он просил его убить, голым на воротах скакал...

— Да какое это уже имеет значение? — ворчу я.

— Послушай, а что он вообще тебе говорил? Вспомни.

— Зачем?

— Ну всё же.

Я покопался в памяти. Казалось, это произошло вечность назад.

— Кроме того, что вёл себя как псих, он рассуждал о Вселенной и Космосе. Знаешь, ему это совсем не свойственно.

— Что подтверждает теорию, что твоего брата похитили инопланетяне, — говорит Стёпка.

Я мрачно кошусь на него.

— Стебёшься?

— Скорее да, чем нет, — виновато пожимает плечами друг. — Пытаюсь как-то разрядить обстановку. А вообще, рассказывай дальше. Что-то конкретное он говорил? Может, какие-то постулаты, которые он не должен знать? Или ещё что?

— Да я и не помню, но... — меня осеняет. — О! Он говорил на ночь... точно! — Я вспоминаю, что не рассказал этот факт никому. — Ты видел фильм День Сурка?

— Там где парень застрял в одном дне?

— Да! — восклицаю я. — Вот опарыш мне то же втирал. Он утверждал, что мы все уже

в который день проживаем двадцать третье июля. И дескать, мы этого не замечаем, а только он замечает.

Стёпка хмурится.

— Но сегодня уже тридцать первое июля.

— Вот, — киваю я, и огонь внутри снова стихает, уступая место пустоте. — Хотя, я ему чуть не поверил.

— Были поводы?

— Ну помнишь, он утром предсказал, что на меня зубная паста набросится, какие продукты мама купит. В общем, всё досконально. Вот я и испугался. Хоть и насчёт тухлого яйца он ошибся. Говорил, что я разобью в яичницу одно тухлое яйцо. И всё равно, я чуть не поверил, но на следующий день проснулся двадцать четвертого. Так что вот...

— Хм, — Стёпка нахмурился. — У меня всё-таки ощущение, что тут не обошлось без каких-то сверхъестественных структур.

— Опять стебёшься? — мрачнею я.

— Отнюдь, — качает головой друг. — Возможно, кто-то третий уже несколько раз показывал Андрюхе двадцать третье июля, а может, — Стёпка посмотрел на меня. — Может, мы и правда возвращались все в один и тот же день, только мы ничего не помнили, а он знал. Что если это был своего рода эксперимент, посмотреть, как человеческий мальчик будет на это реагировать.

Представьте, что по носу куклы ударили молотком или что тебя мама за ужином спрашивает про логарифмы и интегралы. Наверное, такое же у меня было в тот момент лицо. Я будто относился к разговору как к серьёзной информации и в то же время ловил себя на мысли, что занимаюсь глупостями.

— Двадцать три раза мы все вернулись в одном дне, потом всё-таки вырвались, — говорю я. — Но куда исчез мой брат?

— Его забрали, — спокойно ответил Стёпка. — Чтобы исследовать последствия. Может даже это не инопланетяне, просто кто-то. Если тебе удобнее верить в нечто реальное, представь, что это правительственная организация, и это был их эксперимент. Сейчас Андрюха где-то в их лаборатории. — Стёпка замирает и думает.

— И... ты правда в это веришь? — осторожно спрашиваю.

Стёпка вдруг улыбается и хлопает меня по плечу:

— Знаешь, когда твой брат просыпается утром, начинает рассуждать о Вселенной, предсказывает каждый твой шаг, а потом говорит, что мы проживаем этот день в двадцать третий раз... я бы задумался.

После этих слов по моим ногам побежали мурашки. Мне стало по-настоящему страшно. О всяких сверхъестественностях мы в тот вечер больше не говорили. Возможно, Стёпка бы уже тогда сообразил свою правильную теорию, но истина отодвинулась от нас ещё на пару недель, потому что на следующий день умерла его мама, тётя Марина.

Помните, я сказал, что август ворвался в мою жизнь ассиметричным монстром...

***

В здании с юридической компанией, которую в тот день посещала тётя Марина, находилась туристическая фирма «Горячие Туры», которая, конечно же, зарабатывала в разы

больше денег, нежели любой другой кооператив, располагающийся в трёхэтажной коробке из обшарпанного кирпича. В связи с внушающими откатами, турфирма могла позволить себе повесить над главным входом вывеску своей компании. Почти девяносто килограммов пластика и железа оповещали каждого прохожего вульгарно кричащими буквами: ГОРЯЧИЕ ТУРЫ.

В тот день цепь, поддерживающая один из краёв вывески, лопнула, и громадина понеслась вниз по всем правилам математического маятника. На другом конце амплитуды стояла тётя Марина. Вывеска ударила по лицу, прямо в переносицу. Стоит ли говорить, что почти десять центнеров раскололи череп мамы Стёпки. Нет, совсем не так, как сразу представляется, словно арбуз, упавший на асфальт. Удар спровоцировал нехилую и смертельную трещину.

Я бы мог пропустить дни смерти тёти Марины, но в моей историю они сыграли немаловажную роль.

Первого августа, когда я отправился в больницу, в женщине ещё теплилась жизнь. Впрочем, умрёт она только третьего, всё оставшееся время промучается почти не приходя в себя.

Об инциденте я узнал у Серого. Встретил последнего в слезах на пороге дома. Он нарезая нервные круги на крыльце, рассказал о случившемся в двух словах и заметил, что Стёпка с отцом сейчас в больнице.

Я напрямик направляюсь туда. В дороге, несмотря на новое свалившееся горе, отмечаю отсутствие пустоты. Наконец-то я принял смерть Андрюшки как данное, и теперь меня волнуют какие-то вещи кроме.

И потом случилось это. Может быть, видение являлось знаком, может, я сам себя накрутил. Узнав в приёмном покое номер палаты Марины Герундовой, я поднимаюсь на второй этаж. В отделении для особо тяжёлых пациентов в передних стенах каждой палаты зияет пластиковое окно, чтобы медсёстрам удобнее наблюдать за состоянием пациентов и успеть заметить что-то необычное.

Издали, с другого конца коридора узнаю силуэт Стёпки. Приближаюсь к нему; гладкий, словно каток, пол съедает звук моих шагов. Я уже в десяти метрах от друга, который стоит у палаты и смотрит на папу и маму за стеклом, а потом...

Я тоже перебрасываю взгляд на тётю Марину, и меня ударяет. Серьёзно, боль пронзает мою голову молнией. Там, на кровати, закутанная в белое одеяло лежит женщина с перемотанной бинтами головой. И если бы совсем без лица, как Слендермен, но у тёти Марины оставлен только рот. Как будто вот именно этого мне не хватает для полного образа.

(...полного образа чего...)

Белое пятно головы с губами и... серыми грязными клыками!

А потом Стёпка замечает моё отражение и оборачивается. Я смотрю на него и ещё не могу прийти в себя. Пот течёт по спине, дыхание дрожит. Стёпка держится молодцом, пока не видит меня. Осунувшиеся глаза под очками начинают моргать, губы трясутся.

— Всё... мы... выберемся, — лепечу я.

А потом Стёпка плачет, подходит ко мне и обнимает. Я стою столбом и смотрю на белую голову с красным ртом...

Я на время теряю друга, и ко мне возвращается сонная пустота. Кровать Андрюшки снова напоминает о младшем брате. Ловлю себя на автоматических движениях, когда

поворачиваешь голову от компьютера, чтобы поделиться с мелким интересной новостью, обязательно ехидно назвав Андрюшку опарышем.

Второго августа мы коротко беседуем со Стёпкой. А третьего я лежу на бескрайней Красной Площади, смотрю в потолок, серый, как и моя нынешняя жизнь, а потом звонит телефон, зажатый в руке. Стёпка. Я уже не жду хороших новостей, костлявые ангелы удачи умерли, счастья не осталось. Я могу сказать только одно слово:

— Алло.

Булькающий голос Стёпки задыхается и плачет, я даже не удивляюсь этому.

— Она умерла... — захлёбывается он. — Представляешь... моя мама умерла...

Молчу, единственные слова, вертящиеся в голове: я знал, что так всё получится, — я не могу произнести Стёпке. Тот ждёт некоторое время и связь обрывается. Уставшая рука бессильно падает на кровать, но пальцы сжимают корпус телефона до мертвецкой белизны в костяшках. На некоторое время Стёпка, как и я, выбивается из реальности.

****

Как ни прискорбно, я теряю и Веронику. Она укатывает вместе с родителями на море. Я получаю только СМС. Тон текста сдержанный, как бы утверждает, что хозяйка ещё помнит о моей недавней утрате, но то тут, то там сквозит веселье. Особенно оно сверкает как искорки в словах: постоянное солнце, песок, сёрфинг.

Я перечитываю СМС со всё той же пустотой. Ещё один человек исчезает из моей жизни. Чёрт, а что если завтра пропадут все, я буду видеть только затылки, а мама с папой решат сдать меня в интернат?

Чушь, но я на грани нервного срыва.

Четвёртого числа Герундовы хоронят члена семьи, и на похороны мы не пошли. Мать с отцом рассуждали так: мы же не родственники. Но я в тот день залез на ворота и ждал, как раз неподалёку от того места, где Андрюшка мотал своим достоинством. Когда похоронная процессия скрывается за поворотом, я спешу на местное кладбище через лесопосадку.

Группу людей в чёрном я замечаю сразу. В серых облаках, закрывших солнце, даже трава кажется чёрно-белой. Я вижу Стёпку. Он стоит боком ко мне, с краю всей толпы, притаился по правую руку от плачущего Серого. Отец же Стёпки рыдал, словно ребёнок. Холодный молчаливый мужчина превратился в первоклассника. Смерть способна поменять всех.

В какой-то момент, после спуска гроба, Стёпка вдруг начинает оглядывать природу, может он пытается отвлечься, не смотреть в зияющую яму, которая однажды засосёт и его. И тогда наши взгляды встречаются.

Стёпка не плачет, но в серости дня лицо друга всё равно что гримаса призрака. Жив только взгляд, окружённый толстой оправой очков. Стёпка приподнимает левую руку с двумя оттопыренными пальцами. Здоровается. Я растерянно машу рукой в ответ, и потом меня охватывает дикий страх. Страх перед этим чёртовым подземным миром, который когда-то придёт и за мной, и не обязательно в старости. Андрюхе было всего десять, маме Стёпке пошёл четвёртый десяток.

Я могу умереть завтра и через семьдесят лет...

Всю обратную дорогу я бежал...

Дом превратился в заброшенный особняк с восковыми фигурами. В этот вторник мы не смотрели с отцом Блудливую Калифорнию, мама вообще забыла про телевизор. Пища стала невкусной из-за добавления полуфабрикатов, а родители почему-то не разговаривали друг с другом.

Сначала боялся, что поссорились, но потом посмотрел на себя со стороны. Почему мы перестали общаться со Стёпкой? Почему у меня нет желания писать кому-то в контакте? Потому что наши миры поломались и нам нужен определённый срок, чтобы привыкнуть к новой реальности.

Пока что я разделил адаптацию на несколько периодов. Первый, короткий, не больше дня — это отрицание. Ты думаешь, что ничего не случилось, вот-вот откроется дверь и в дом вбежит опарыш, с виноватым видом и готовый к наказанию.

Второй тайм, в котором, наверное, сейчас живёт Стёпка — надежда. Когда ты знаешь, что случилось что-то плохое, но ещё веришь — не всё потеряно. Мой период надежды был самым коварным и лживым, заволок дом неизвестностью, в которой я и родители отсчитывали дни, как бы ставя у себя в голове на невидимом дверном косяки зарубки, будто Робинзон, считающий время на необитаемом острове. Первые три зарубки — у Андрюшки кончилась вода. Дальше менее обнадеживающие: может, он у источника воды и не может кричать, тогда он ещё продержится без пищи хотя бы неделю. И так далее, пока зарубки не становятся столь же бессмысленными, сколько самокат безногому. Стёпкин период надежды длился по временной шкале меньше, три дня тётя Марина лежала в больнице,

(...с забинтованной головой, только рот торчал...)

борясь со смертью, не собираясь умирать. Я знаю, Стёпка верил, что ещё день, и мать пойдёт на поправку, а потом выпишется домой, переболев разбитым черепом как простудой. Всё. Теперь её нет. Наверное, я слишком рационально мыслю, что уже перешёл в третью стадию изменения мира. Я хорошо знаю Стёпку, кинув последнюю лопатку на могилу матери, он ещё какое-то время будет ждать её возвращения, призыв ужинать, пожеланий спокойной ночи. Стёпка больший рационал, чем я, но смерть, особенно первая в жизни, меняет людей, а мой друг сентиментален как грёбаный Альберт Вескер.

Я уже перешёл в третий период: адаптация. Теперь нас в семье всего трое, младший брат — это сон, жизнь продолжается. Постепенно третий иннинг перетечёт в привыкание, и Андрюшка превратится в сон. Я пока нахожусь в третьем, и не знаю, будет ли четвёртый, пятый, но подозреваю, один период ещё должен прийти.

Это период возвращения счастья. Когда Андрей будет посещать мысли реже, чем новый год, когда тебя окружают другие люди, ради которых стоит жить и терпеть потери. Только когда начнётся этот период? Когда я поступлю в университет и окружу себя студенческими заботами? Когда я женюсь, и заполню пустоту любовью ко второй половинке и своим детям?

Может быть.

Только нескоро наступит этот период. Ох нескоро. До этого времени и мама с папой могут приказать долго жить.

После похорон тётки Марины, сразу на следующий день, пятого августа, у отца немного поехала крыша. Я думаю, он перешёл из второй фазы в третью, и перелом оказался конфликтным. После работы, в этот понедельник он завёл разговор о похоронах Андрюшки.

Естественно — мамы — это же последние люди, которые верят в смерть детей — разразился конфликт. Я немедленно прячусь в детской, которая теперь не детская, а моя

полноправная комната. Мечта идиота сбылась.

А мать внизу кричала, что её мальчик жив, и пока никто не докажет обратного, хоронить его она не собирается. Впервые слышу, как отец обзывает мать, мне и страшно, и неприятно. Он утверждает, что нужно отдать память Андрюшке, ибо тот умрёт не упокоенным, и будет клясть нас с того света.

Наша семья не отличалась верой в Бога, мать с отцом считали, что Иисус где-то есть, заочно, и лучше жить с подобными взглядами, а то окажется, будто Бог и правда есть, а ты в него не верил. Вот после смерти облом будет. Поэтому, когда речь заходила о смерти, мои родители соблюдают все христианские правила погребения.

Проблема только, что один считает сына умершим, а другой — нет. А жизнь ещё тот голливудский режиссёр. Поди придумай такой заквас.

Ругань внизу успокоилась ближе к полуночи. К тому времени я уже слушал в наушниках Джареда Лето, и в перерывах между песнями, до меня доносились ноты другой песни. Очень печальной.

Ночью мне приснился сон, что родители вместо Андрюшки хоронят меня. Я стучу кулаками в гроб, но слышу лишь приглушённую молитву священника, а мой крик пугает только шёлковую обивку стенок гроба.

Просыпаюсь почти со стонами. Как и подобает при кошмарах, ноги холодные, руки ледяные. Темнота кажется опасной, переполненной монстрами, а одеяло — это стальной щит капитана Америки, который спасёт от любой невзгоды.

Поэтому сворачиваюсь калачиком и накрываюсь, но я лёг на левый бок, а тяжёлый свет из окна вычерчивал в бархатной черноте ночи силуэты Андрюшкиной кровати. Я смотрю на неё, и становится только хуже.

Я превращаюсь в аутиста. Или как там называют замкнутых в себе людей? Интроверты? Август вступает в полные права, лето снижает температуру, а я убиваю время лежанием в постели и слушаньем музыки. Только музыка держала меня наплаву. За день я успевал послушать тонны альбомов 30 Second to Mars, Avril Lavigne, Within Temptation, Bon Jovi и других групп, запавших в душу. Мать с отцом начинают ссориться по-настоящему, каждый день, и я отгораживаюсь от их конфликта.

С утра шестого я написал Стёпке лишь одну фразу: Как ты?

Ответил он уже вечером. Коротко и ясно: Хреново.

Я написал: Может увидимся и станет легче?

Он: Не думаю. Здесь кругом одно горе. Отец постоянно плачет. Серый постоянно занят машиной, я его вообще не вижу.

Я: Лучший способ отдохнуть от такой атмосферы, пройтись со мной.

После долгой паузы он отвечает: Как-то это неправильно. У меня ж мама умерла.

Я не успеваю написать ответ, как приходит новое сообщение: Хотя, знаешь, я, наверное, целенаправленно хочу находиться сейчас в доме. Я хочу грустить, скорбеть. Пусть это и самоистязание, но мне сейчас настолько плохо, что я почему-то не хочу, чтобы мне было хорошо.

Я стираю своё незаконченное сообщение и некоторое время пялюсь в квадрат монитора. Ему настолько плохо, что он не хочет, чтобы было хорошо. Как же понять эту фразу? Впрочем, рассуждения умника Стёпки для меня часто оставались загадками, поэтому я коротко отвечаю:

Я всегда готов помочь. Пиши.

А Стёпка ответил: ок.

Потом я даю себе обещание, что не буду больше писать Стёпке и навязывать свои идеи. Когда он опомнится — напишет первым.

Хоть сегодня и вторник, никакой Блудливой Калифорнии не ожидается, да и не хочется пялиться в телевизор, в счастливых персонажей. Отец с матерью опять ругались. Папа предлагал похоронить пустой гроб, а дома на полке поставить фотографию Андрюшки, спрятанную в венчик.

Я, конечно, мелькал иногда мимо родителей, — к несчастью, я оставался человеком и всё ещё хотел есть, — но ни один из предков не попросил меня остаться и не задал ни одного вопроса, лишь короткие косые взгляды, пониженный тон и более продолжительные паузы между выкриками. Но если бы вдруг кто-то из них спросил, на чьей я стороне...

Хм.

Скорее всего, Андрюшка уже мёртва, где бы ни находилось его тело, на дне Заводи, под бревном в лесопосадке или в ржавом подвале маньяка, но хоронить пустой гроб, это было как-то... пугающим бредом, если честно. Всё равно что купить арбуз без мякоти, в этом случае в арбузе вообще теряется смысл.

Хотя... смогу ли озвучить свою точку зрения, глядя отцу в глаза? Хоть и думаю, что смогу, но знаю же — испугаюсь в самый последний момент.

Седьмое августа. А ведь я сейчас этим и занимаюсь! Хороню пустоту. Только в пустых гробах не люди, а мои эмоции. Герундовы опускают в землю тело тёти Марины. Она мне никто — просто милая женщина, мать двух моих друзей. Но с ней в сосновой коробке лежит как раз та самая дружба, которая помогала избавляться от проблем, которая дарила сердце.

Даже Вероника оставила меня в столь скорбный момент.

Вместо того чтобы отвлечься от грузных мыслей и продолжить жить, я лежу в кровати, зажав потный плеер в руке, в наушниках Джаред орёт: ...from yeeeeesterday! и уже несколько часов потолок показывает мне скучное кино в стиле нуар. И кататония пожирает меня.

На следующий день мама приходит ко мне перед сном, садится на кровать и пытается поговорить. Сегодня они не ругались, но и не разговаривали. Мать начала издали: почему не выходишь на улицу? почему не сидишь за компьютером?

На первый вопрос ответил честно: единственный друг, с которым я мог погулять находится не в лучшем состоянии. Второй оставил без ответа. Тогда мать перешла к сути. Она спросила, скучно ли мне без Андрюшки.

Тон голоса дрожал будто от смущения. Да что там говорить, я всю жизнь стеснялся проявлять чувства, особенно к брату. Сложно описать тот вид смущения, который возникает, когда обнимаешь мелкого или тащишься с ним по улицам, или завязываешь шнурки. Тот, у кого были братья или сёстры, и кто испытывал подобное — поймут.

И даже сейчас, когда Андрюшки уже нет, смущение запрещало в чём-либо признаваться, и тогда я мямлю что-то несурзное:

— Ну... всё так непривычно. Я привык, что просыпаюсь утром, А он в кровати, в своём кораблике. А сейчас и поделиться красивой картинкой не с кем.

— Скучно и одиноко тебе без него, да? — грустно спрашивает силуэт мамы.

Ох, какой же страшный вопрос. Невидимая преграда, страх перед сюсюканьем и умилением, мешают коротко ответить: да. Поэтому я говорю:

— Всё очень непривычно... я как новую жизнь теперь живу.

Мама вздыхает, целует меня, и уже было встаёт и направляется к двери, как вдруг

обращается у самого прямоугольника света и задаёт вопрос из третьей стадии разговора, которого я так боялся:

— Папа собирается хоронить пустой гроб, ты, вроде, в курсе. Ты думаешь, это и правда хорошая идея?

Я цепенею. Если я скажу да, то сойду, если скажу нет, то мама крикнет это отцу в ближайшей распре, и тогда отец на меня ополчится. А время на размышление нет, я начинаю лепетать ещё бессвязнее:

— Нет... в смысле... я не понимаю... я, в смысле, в наушниках постоянно. Я толком не слышу. Я не думал об этом.

Мама делает шаг ко мне.

О нет.

— Папа считает, что нужно похоронить Андрюшку по всем законам церкви. А я же вот говорю, что он ещё...

— Мам, — перебиваю я. — Поговорим об этом завтра. Я так хочу спать.

На некоторое время её силуэт задумчиво застыл, будто мама вспоминала, что означает спать. А потом равнодушный голос ответил:

— Хорошо.

И мама ушла.

Той ночью у меня случилась истерика.

Любой человек, кто имеет младшего брата, возможно, стесняется признаться даже самому себе, что бывали такие моменты, когда между тобой и маленьким существом в твоей жизни пронесется искорка обожания. Даже если вы постоянно ссоритесь, дерётесь, даже если ты выбивал ему когда-то зубы, и даже ломал ноги или руки в межличностных потасовках, родственная любовь всё видит.

Андрюшку тянуло собирать всякие стёклышки, бусинки, а пульки от пистолетов вообще были его фетишем. В тот день он проглотил бусинку. Мы как раз возвращались с Заводи домой. В карманах шорт младшего прятались несколько разноцветных шариков. Он их одухотворял, олицетворял, называл по имени. Я думаю, в его воображении бусинки и правда были героями.

В тот день Андрюшка плёлся позади меня, мусолил во рту одну из бусинок и одновременно разговаривал с ней. Так ненароком и проглотил. Я даже помню, называл Андрюшка тот шарик мистером Скрайлексом. Не знаю, откуда название, слышал только о дабстепере Скриллексе.

Андрюшка заплакал, начал спрашивать у меня, когда он умрёт. Надо сказать, что анатомией я не увлекаюсь, но уже в десять знал, где что находится. Мне этот опыт преподнесла жизнь. В том возрасте я по глупости проглотил два болтика от конструктора. Испугался. Побежал к маме, которая заботливо объяснила мне, что завтра я этими болтиками покакаю, а потом, на ночь глядя, провела мне лекцию по анатомии. Андрюшка этих знаниям избежал, поэтому в тот день покорно принялся ждать смерти.

Мне было потешно и в то же время жалко его. Такой мелкий, мой опарыш, совсем не знает строение желудочно-кишечного тракта. Мне сразу вспомнилась известная интернет история про пятилетнего мальчика. Его попросили сдать кровь для спасения умирающей сестры. Он сдал, а потом спросил: а через сколько я умру? Ни дать ни взять Андрюшка.

Я прочёл ему ту же лекцию, что и мама мне три года назад. Под конец мелкий успокоился, всхлипывал, и прислушивался к моим словам. Такой потешный, с мокрыми

ресницами. Добил он меня вопросом:

— А он в печени не застрянет?

От смеха я перегнулся пополам, только вот мелкому было совсем не смешно, и он покорно ждал, пока я успокоюсь и отвечу.

Уже на следующий день Андрюшка вышел из туалета с круглыми глазами и в шутливой форме заявил:

— Я посрал мистером Скрайлексом.

В тот день мелкий казался мне наивным, глупеньким и умилительным. Наверное, он думал, что кости у него деревянные, еда растворяется в крови сразу, как только её проглотить, а смерть — это персонаж компьютерной игры.

Восьмого августа мама выходит из спальни, я проваливаюсь в дрему, в которой приходят воспоминания о мистере Скрайлексе, и я просыпаюсь. Больше той ночью мне уже не заснуть.

Я плачу до рассвета, потому что разум рисует мне видения мучений Андрюшки. То он барахтается в воде, а ил обвивает его лодыжку; то мелкий лежит на дне ямы с открытым переломом ноги. Но самое страшное видение — третье.

В нём Андрюшка в подвале непримечательного мужчины из нашего района, который опускается каждый вечер вниз, в темноту, и что-нибудь отрезает у Андрюшки. Кругом кровь, брат кричит. Моё сердце разрывается. Я рыдаю и кидаюсь в воображаемый подвал, на страшного мужчину, колотя его кулаками и крича:

— Тварь! Он даже ещё не знает, что такое смерть!!!

Мои красные глаза бурят потолок, за окном — рассвет. Я думаю, в смерти детей есть некоторая несправедливость. Они умирают, даже не зная, что с ними происходит.

*****

Двенадцатого августа состоялись девять дней после смерти тёти Марины.

Стёпка написал десятого. За коротенькое слово: привет, я ухватился как утопающий за спасательный круг, и провёл длительный диалог.

Как ты?

Не знаю. Устал.

Чем занимался?

Устал грустить. Пусто в доме.

Я тебя понимаю. Без опарыша тоже пусто.

Приходите послезавтра на девять дней.

Я обязательно буду.

Мать с отцом перестали спорить о похоронах Андрюшки, но никакого действия не намечалось, из чего я делаю вывод: победила-таки мама. Однако родители почти не разговаривали. После ужина отец всегда выходил на крыльцо и проводил там время до поздней ночи, иногда стеклянными глазами читая Спорт-Экспресс, иногда смотря в пустоту. Десятого за ужином я предложил им сходить на девять дней тёти Марины. Отец, сворачивая газету, собираясь улизнуть на крыльцо, проворчал:

— Вот ещё.

Мама же пожалала плечами и сказала:

— Мы сейчас в таком положении, что впору самим зазывать на поминки. На чужих похоронах мне только хуже станет.

— Тогда я схожу, — говорю, клюя макароны с сыром.

Шаркающие шаги отца на секунду замерли у двери, а потом щёлкнула ручка, и папа вышел в ночь.

— Тебе действительно нужно развеяться, встретиться со старым другом, — безучастно сказала мама и направилась наверх. С таким же успехом меня могло не быть, она бы не заметила.

Двенадцатого утром я надевал школьную форму. Оказывается, за лето, мои гормоны прибавили мне почти дециметр. Костюм стал меньше, но зато теперь он сидит приталено, даже стильно. Прицепляю галстук с незамысловатым розовым рисунком, и держу курс в дом давнего друга.

У ворот толпилась вереница машин, во дворе шептались незнакомые мне люди, облачённые в чёрные одежды. Мужчина в строгом костюме и две девушки — лицо одной прикрывала вуаль — переговаривались почти у самых ворот. Девушки кротко смеялись, приложив руки к губам. Им наплевать на поминки, здесь просто раздавали бесплатную еду, и если бы не скорбная обстановка, они заржали бы во весь голос. А вот пожилая пара на крыльце выглядит печальной.

Прохожу мимо родственников и открываю дверь в прихожую Герундовых. В гостиной брожу мимо шепчущихся тел в поисках Стёпки, как возле стола меня окликает голос Серёги:

— Артём.

На Сером чёрный костюм, бордовый галстук осторожно прячется за уголками воротника белой рубашки. На лице парня не замечаю следов грусти, даже наоборот. Его рука обвивает талию молодой девушки, кажется, Наташи. Я замечал пару раз её в обществе Сергея. Если ни с кем не путаю, но вроде всё те же прилизанные длинные золотистые волосы. Наташа кротко улыбается.

— Ты к Стёпке?

— Ну могу и к тебе, — пожимаю плечами и ворую со стола виноградинку.

— Я немного занят, извини, — Серёга косит глаза в сторону Наташи, как будто я не понимаю о чём он. Серому, похоже, вообще казалось, что его окружают тупорылые идиоты, которым надо объяснять каждый шаг. Он из тех людей, кто расскажет анекдот, а потом объяснит смысл до того, как вы посмеётесь.

— Тогда я всё же найду Стёпку, — коротко улыбаюсь и срываю ещё одну виноградину.

На кухню я не вхожу, но слышу оттуда тихий плач. Отец Стёпки. За кадром доносится успокоительный шёпот другого мужчины. Я незаметно проскальзываю к лестнице и несусь в комнату друга.

Стёпка лежит на кровати, животом вниз. Полы пиджака распластались по покрывалу, галстук уныло свисает с края. Взгляд направлен сквозь очки куда-то в дверь кладовки.

Услышав шум открываемой двери, друг смотрит на меня, но на лице не появляется ни одной эмоции. Замечаю левую руку, что безвольно свисает с кровати, а пальцы медленно гладят коврик.

— Как хорошо, что ты пришёл, — зомбированным голосом говорит Стёпка.

— Я и сам рад. У нас дома творится что-то невероятное.

— Как видишь, у нас то же, — ноет голос друга.

Я устало бросаю тело в красное круглое кресло у шкафа.

— Мы должны привыкнуть к новой жизни, — тихо произношу. — Понимаешь? Рано или поздно всё равно оно придёт. Я решил, что уж лучше рано, чем поздно. Я стараюсь сейчас думать о себе. Понимаешь?

— Да что тебе? — вздыхает Стёпка и снова смотрит на кладовку. Подушка мнёт лицо друга, смешно оттопыривая губы и превращая лицо в гримасу. Очки съехали на бок. — Учитывая то, как ты относился к Андрюхе, я вообще удивлён, что ты заметил его исчезновение.

Вдруг слова Стёпки вызывают во мне эхо обиды.

— Я любил брата, — туплю взгляд в пол и задумываюсь о мальчике, который ещё три недели назад жил со мной в комнате.

— И поэтому называл его опарышем... — язвительно усмехается Стёпка.

— Ну а что? — пожимаю плечами. — Неужели вы с Серым даже ни разу не обозвали друг друга???

— Неа, — отвечает Стёпка. — И даже не подрались.

У меня мозги кипят. Десятилетний опыт жизни с младшим братом подсказывал, что Стёпкин вариант просто НЕВОЗМОЖЕН.

— Мне кажется, всё от характера зависит, — вдруг говорит мой гениальный товарищ. — Мы с Серым не конфликтные люди. Не эмоциональные. Слабостей у нас нет. А ты очень эксцентричный, любишь доказывать свою точку зрения, любишь подвижный образ жизни. Вот поэтому ты и конфликтовал с Андрюхой.

Из монолога Стёпки я понял только несколько слов, и тут же указал:

— Не скажу, что ты не эмоциональный. Ты сентиментальный. И принимаешь всё близко к сердцу.

Стёпка переворачивается на спину, кладёт руки на лоб и смотрит в потолок.

— Я меланхолик, — произносит он. — Поэтому всё принимаю близко к сердцу. И Серый это знает. Он охраняет меня от всех внешних опасностей. Может, он и ведёт себя чересчур заботливо, но зато это единственный человек, которому я могу довериться. Даже больше чем матери и отцу, а что мог Андрюха сказать про тебя? — Стёпка смотрит в мою сторону, а я хмурюсь. Разговор мне не нравится.

— Причём тут это? — выдавливаю я.

— Нет, ну я про то, что, вот умирал твой брат где-то, а перед смертью кого звал? Артёма? Не, его бы он позвал в самую последнюю очередь. Он звал маму, папу, но не верил, что ты его спасёшь. Он даже вряд ли бы подумал, позови тебя, примчишься ли ты? Я всю жизнь знаю, если меня какая тварь обижает, если мне нужна сильная поддержка, я иду к Серёге. И прошу его помочь. И он никогда не отказывает. Ни один козёл из школы меня не тронет. А Андрюха всё терпел. Мы ж в одной школе учимся. Я знаю, что он справлялся с трудностями в одиночку. Он часто просил тебя помочь?

Мои губы дрожат, и мир расплывается от слёз. Я немного отворачиваюсь от Стёпки. Я помню лишь два раза, когда пришлось вмешаться в личную жизнь брата и навалить младшеклассникам-хулиганам, что доставали мелкого, и то, когда побои стали заметны на лице. Но Андрюшка ни разу не просил меня о помощи.

— Извини, — слышу я грустный голос Стёпки. — Извини, Артём, я не хотел. Просто... сам сейчас не в равновесии.

— Неужели, я и правда был таким козлом? — говорю.

— Забудь, всё это в прошл... — Стёпка сбился, а по моей щеке скользнула слеза. Я

спешно вытираю её рукавом и говорю:

— Теперь это будет преследовать меня всю жизнь. Я буду винить себя каждый раз, как буду вспоминать об Андрюшке.

Стёпка хмурится и смотрит в потолок.

— Мы потеряли двух близких людей. Мы теперь сами как братья, — говорит он. — Если хочешь, можем остаться здесь и поплакать вместе...

Я молчал, но мы и правда остались. И правда оба плакали, только не расскажем об этом никогда и никому, а вышли наружу только когда с лиц сошла краснота и глаза перестали быть влажными.

Весь день мы предавались светской беседе с родственниками Стёпки, снова возвращали свою дружбу, а со стороны камина с портрета, украшенном пушистыми венчиками, на нас смотрела тётя Марина.

*****

Я просыпаюсь утром от телефонного звонка. Заснул одетым, в руках опять зажат телефон. Вспоминаю, что болтал со Стёпкой по аське, да так и провалился в забытие.

Сквозь едва разлепившиеся веки смотрю на экранчик. Звонит Стёпка. Чёрт, как легко становится на душе, я будто в полёте, будто вернул свою нормальную жизнь. Сейчас этот чёртов гений пожелает мне доброго утра, позовёт гулять или предложит поиграть по сетке.

Включаю связь и слышу слова, которые меняют мою жизнь:

— Артём, гоу ко мне. Я знаю, где искать Андрюшку.

*Ночью, всегда в установленный срок,
Тьму разрезает колючий звонок.
Не подходи, это меня...*

Кроатон Инсайдер

*

Я сидел на кухне у Стёпки уже через пятнадцать минут. Да нет, меньше. Спал же одетым, потом просто плеснул в лицо пару раз водой из-под крана, прошёлся по зубам щёткой без пасты, шмыгнул по лестнице, на кухне автоматически взял яблоко, проскользнул мимо спящей мамы, по дороге успел пару раз откусить фрукт, но потом подошёл к Стёпкиному дому и выбросил яблоко в канаву. Так что на всё ушло минут двенадцать.

— Что ты там за фигню говорил? — сходу бросаю я, плюхаясь на стул напротив Стёпки. Пальцы обеих рук друга переплетены вокруг бокала с дымящимся чаем. Взгляд будто немного уставший.

— Как-то ты быстро прикатил.

— Да я сразу выскочил. Просто... блин, если это шутка, то...

— Ты завтракал? — спрашивает Стёпка.

— Какой там завтрак, сдурел? Говори, что придумал!

Стёпка хмурится.

— Так. Твой брат никуда не убежит. Всё равно мы уже вряд ли его спасём, поэтому ты должен поесть.

Я оглядел кухню, нащупал взглядом корзинку с бананами и говорю:

— Дай банан.

— А дома ты тоже бананом завтракаешь?

— Нет, конечно.

— Кстати, а что ты ешь на завтрак обычно?

Я хмурюсь и думаю, каким бы ни был лучший друг, всё равно он не всё о тебе знает, а вот Андрюшка выучил мой завтрак наизусть.

— Вообще, не знаю вредно это или нет, но я каждое утро ем яичницу, бутер с маслом, соком её запиваю.

— Ну вот видишь, — Стёпка встаёт и достаёт сковороду.

— Да брось, ты чего яйца будешь мне жарить? — смеюсь я.

— О твоём брате. — Стёпка не обращает на меня внимания. Ставит сковороду на огонь и капает на неё подсолнечного масла. — Вообще, я подумал о нём десятого даже, но вчера вдруг в комнате, когда мы говорили с тобой, меня осенило. Помидорку порезать?

Стёпка достаёт из другой корзины томат и протягивает мне.

— Блин, идиот, делай что хочешь, — машу рукой я, напрягший внимание на Андрюшке.

Дольки помидора зашлёпали по сковородке, а Стёпка продолжил:

— Ты говоришь, что в тот день, двадцать третьего июля, Андрюха и правда

предсказывал твои шаги? И это не шутки?

— Ну... — я задумываюсь. Как давно это было, вечность назад. — Помню, что про пасту он сказал. Перечислил продукты, которые мама купит, да и всё. Но он и ошибся.

Стёпка хмурится и на долю секунды перестаёт резать помидор. Задумчивый взгляд косится в мою сторону.

— Он сказал, что утром, когда я буду делать яичницу, мне попадёт тухлое яйцо, но так не оказалось.

Дольки томата снова зашлёпали на сковородку.

— Да, помню. Ты задумался? — спрашивает Стёпка.

— Задумался о чём?

— Когда начал делать яичницу, ты подумал, о том, какие яйца взять?

Я теряюсь.

— Да не помню как-то. Может, и задумывался.

Отбросив половинку томата на полку, Стёпка достал из холодильника два яйца. Внимательно посмотрел на них и прищурился:

— Надеюсь, они не протухшие.

— Слушай, ты и правда мне яичницу делаешь?! — едва сдерживая смех, восклицаю я.

Стёпка смотрит на меня по-взрослому, до жути серьёзно.

— А что, не похоже? — хмурится он, а потом разбивает яйцо на сковородку. — Предпочитаешь глазунью или болтанку?

— Глазунью, — всё ещё усмехаюсь я, но шутки исчезли, и в сердце тлело лишь умиление. Не, ну правда, Стёпка поразил меня заботой и домовитостью.

— Ночью Андрюха сказал, что мы все проживаем двадцать третье июля уже в двадцать третий раз, но мы ничего не помним, просыпаясь каждое новое утро, а он помнит, так?

— Ну... вероятно. Я уже плохо помню.

Стёпка заводит глаза.

— Даже я помню почти наизусть каждое твоё слово.

— Да ну тебя. Я тогда думал, что мелкий просто стебётся.

— Кстати, зря, — опять хмурится Стёпка.

— Где он, тогда? — жму плечами я. — Инопланетяне? Правительственные организации выкрали?

В воздухе сверкает тарелка, Стёпка ловко швыряет её на стол передо мной и снимает сковороду с плиты. Яичница легко соскальзывает в тарелку с тефлоновой сковороды.

— Ешь, — кидает Стёпка и заливает сковороду водой.

— А ты?

— Я только что поел.

Я достаю из ящика стола нож и вилку, аромат жареных яиц переполняет возбуждённый мозг счастьем. А ещё, Стёпка теперь мой друг. Навеки!

— Спасибо тебе большое. Не ел яичницу как раз с двадцать третьего июля. Мать перестала готовить, а я боюсь теперь даже спускаться.

Я приступаю к еде, а Стёпка тем временем тщательно вытирает руки о полотенце.

— Что, так всё плохо? — хмурится он.

— Ещё как, — киваю. — Вчера из холодильника выкинул приличный кусок колбасы. Такой замшелый, что опарыши бы отравились. Лежит там, похоже, с двадцать третьего.

Стёпка вздыхает, достаёт из холодильника коробку грушевого сока и ставит передо мной.

мной, а потом добавляет пустой стакан.

— Ну ты прямо как моя мама, — усмехаюсь, а друг садится напротив и снова обнимает бокал чая. — Так что же с Андрюхой? Ты точно знаешь, где он? — спрашиваю я, наливая сок в стакан.

— Ага, — кивает Стёпка. — Он застрял в двадцать третьем июле.

**

Я замираю. В одной руке — сок, в другой — крышка от него.

— То есть, как застрял? — растерянно гляжу на друга.

— Ну как в тех самых фильмах, которые ты ему в пример приводил, — отвечает Стёпка. — Только... представь, что главный герой не застрявший, а те, кто ушёл по времени дальше.

Крышку я закручиваю словно во сне. Стёпка выглядит слишком серьёзным, чтобы шутить.

— Подожди, то есть как? Что он там сейчас делает?

— Не может вырваться, — пожимает плечами Стёпка и отхлёбывает чай. — Понимаешь, он дал сбой в системе. Мы проходили двадцать третьей по кругу и ничего не замечали, а он вот такой особенный. Думаю, на двадцать четвёртый раз мы вырвались из петли времени и начали жить дальше, а Андрюха остался. Может даже то, что он тебе признался, и стало толчком к нашему выходу.

Я продолжаю есть яичницу, но уже медленно. Взгляд Стёпки каменный и какой-то испытывающий. Будто он вот-вот сейчас рассмеётся и воскликнет: И ты в это веришь???

Но Стёпка молчал. Поэтому вопрос задал я:

— И ты в это веришь?

— Когда все теории отброшены и остаётся одна, она и будет верной. Шерлок Холмс, — ответил Стёпка.

— Не знаю, — говорю я с набитым ртом. — В то, что Андрюшка утонул в Заводи мне верится больше.

— Если бы, — кивает Стёпка. — Но как тогда объяснить его странное поведение двадцать третьего?

— Ну... блин...

— С ним раньше такое было?

— Вообще-то нет, — хмурюсь я. — В тот день он будто с цепи сорвался. Как будто сразу шизофренией заболел.

— Вот видишь, — пожимает плечами Стёпка. — Такое не бывает, чтобы нормальный пацан десяти лет просыпался утром ни с того ни с сего психом. Да, люди сходят с ума и в более раннем возрасте, но процесс-то это длительный. Нужны мотивы, внутренние конфликты, а насколько я помню, двадцать второго Андрюха был самым обычным мелким пацаном. Бесился, игрался, как и всегда.

Я поражаюсь, как невероятная теория может стать истиной, если её подкрепить логикой, но чёрт! Такого ж не бывает!

— И что Андрюшка сейчас делает в двадцать третьем? — спрашиваю. — Если мы все здесь!

— Я думаю, он там застрял как в кино, — отвечает Стёпка. — Существует много теорий времени. В частности, к нашей ситуации подходит теория гласящая, что мы прописываем будущее, а прошлое остаётся кинолентой. По сути, если бы мы с тобой сейчас изобрели очки путешественника во времени, мы могли бы пройти назад и снова промотать двадцать третье июля. Только там уже живём не мы, а как бы... наши персонажи просто. Ну понимаешь.

— Понимаю, но... как же бредово это звучит.

— Привыкай. В последние дни наши жизни рушатся со скоростью Чернобыльской АЭС.

— Хорошо, и откуда же эта аномалия? — пожимаю плечами я, добывая второе яйцо.

Несмотря на тихий шок, творящийся в кухне, отмечаю про себя особый вкус яичницы при наличии томатов. — И можно ли как-то вытащить Андрюху оттуда?

— Мне кажется, практически невозможно, — качает головой Стёпка. — Не каждый человек может по желанию встать и пойти путешествовать по времени.

— Но! — Я вскидываю вилку. — Ты говоришь, что практически невозможно. Значит, какой-то шанс ты оставляешь.

— Да, — кивает Стёпка.

— Так а что это за шанс? Он реален?

— Он реален, — кивает Стёпка. — Ты спросил сейчас, откуда эта аномалия...

Отодвинув пустую тарелку, я придвигаюсь к Стёпке поближе. Сердце бултыхается в груди как рыба в ведре.

— Мне кажется, есть некто ответственный за происходящее. И если мы его найдём, то можем проникнуть за грани реальности, — голос Стёпки падает почти до шёпота.

— Мне страшно, — честно говорю я. — Но продолжай.

— Вспомни, тем днём к вам пришли из кабельного телевидения. И что на это сказал Андрюшка?

— Эммм... что он сказал? — признаюсь я в своём беспомоществе.

— Ты мне рассказывал, что он стоял у окна и говорил, что так не должно быть. Я очень хорошо запомнил эту фразу.

— Ты уже тогда начал обдумывать эту невероятную теорию? — хмурюсь.

— Ну... что-то в голове шевелилось, — кивает Стёпка. — То есть, твой брат проживает двадцать третий раз двадцать третье июля, мы все делаем всё по сценарию. Но вдруг приезжает откуда-то кабельная компания.

— Может... он проходит в разные миры каждый июль? Как бы, в каждом июле разные события, — предполагаю я.

Стёпка на секунду задумывается, потом качает головой.

— Исключено. Он может менять прошлое сам, судя по всему. Например, та ситуация с яйцами. Сказать, почему в яичнице не оказалось тухлого яйца?

— Почему?

— Потому что он заставил тебя задуматься. Если бы Андрюха ничего не сказал, ты бы обязательно разбил тухлое. Но он сбил тебя, заставил задуматься, и ты выбрал хорошее яйцо. События меняются если только на них влияет он. На приезд кабельщика он никак не мог повлиять.

По спине побежали мурашки.

— Ещё пару фактов, — продолжает Стёпка. — Пока ты там прихорашивался для Вероники, я ждал тебя на крыльце. Вышла твоя мама, оценила кабельщика и сказала, что у соседей накрылось кабельное. Вот он и проверяет сеть. Потом она ушла, а когда ты вышел,

помнишь, фургона уже не было.

Я задумываюсь.

— Да, это я помню, — киваю.

— Так вот, фургон отъехал, но он не затормозил у соседнего дома. Он просто уехал. Я видел, как хвост ГАЗели мелькнул за поворотом. Почему же они не стали проверять другие дома? Он копался только в твоей будке.

Мой разум всё больше и больше теряется в сюрреальности.

— Чёрт, Стёпка, да ты гений, — хмурюсь я, и друг довольно откидывается на спинку стула. — Чёрт, как жаль, что мы не запомнили название фирмы.

— Ты не запомнил, — лукаво улыбается Стёпка. — И в этом есть ещё одна фишка. Пойдём со мной.

Друг повёл меня в свою комнату. Пока проходили под узкой мрачной лестницей, где в коричневой тьме на стенах спрятались старые фотографии, Стёпка продолжает говорить:

— Компания называется Сомерсет. Я выяснил у родителей, ни к какому Сомерсету наш район не подключен. Нас обслуживают Дом-сеть и Саратов-ру. Совсем другие кабельные компании, у которых даже дочерних фирм в виде Сомерсета нет. Сечёшь?

— Твари, — сжимаю кулаки я и вхожу за Стёпкой в его комнату. Только вчера мы плакали здесь, скорбя о смерти близких. Сегодня, стоило войти в дом, окунаешься в постпраздничную атмосферу: лёгкий беспорядок. И лишь фотография тёти Марины на камине напоминает: вчера проходил далеко не праздник.

Стёпка садится за компьютер и двигает мышью. Ушедший ранее в сон монитор просыпается и являет моему взору сайт компании Сомерсет. Коричневый фон, жёлтенькие буквы, слева мерцает знакомый логотип: трёхлистный клевер. Под витиеватой надписью кричал гордый лозунг: Если у вас сломалось, мы починим!

— Вот они. Я побывал на их сайте. Знаешь... По-моему, это маска.

— В смысле, — хмурюсь я, оглядывая заглавную страницу.

— Тут нет никакого контента. Ни отзывов клиентов, ни адреса, ни гостевой книги, ни форума. В Контакте о них ни слова.

— Блин, но для чего-то они создали этот сайт?

— Вот и я подумал, — Стёпка поглядел на меня и хитро прищурился. — И догадался. Они сделали его как средство связи. Смотри, внизу страницы есть мыло, куда можно высылать письма.

В комнате зависла тишина, только системник жужжит. Мы со Стёпкой переглядываемся и понимаем друг друга без слов. Он уже открывает свой ящик и спрашивает:

— Что писать?

Внутри меня закипает волна отчаянья и вроде ярости.

— Можешь открытым текстом написать: твари, сволочи, гады, верните брата! — говорю.

— Нет, погоди, — Стёпка усмехается. — Это могут быть нормальные ребята.

— То есть, ты ещё сам до сих пор не веришь в свою теорию?

— Тебе она кажется безбашенной? — друг косится на меня.

— Она мне кажется невероятно невероятной. Сказкой. Фантастикой. Ну и все другие слова на эту тему.

Внезапно взгляд Стёпки под очками становится мягким и потешным, наверное, с таким

я смотрел на опарыша, когда тот спрашивал о дате смерти от проглоченной бусинки.

— Вот и мне тоже она такой кажется, — кивает Стёпка. — Она единственная, которая объясняет происходящее, но всё же, давай держаться осторожно и не выпендриваться. Письмо должно быть вежливым.

Строгий взгляд возвращается к Стёпке, и он смотрит на экран. Господи, спасибо, что подарил мне самого лучшего друга.

— Тогда пиши, что мы всё знаем, и наше всевидящее око следит за ними, — с преувеличенной воинственностью скандирую я.

— Так. Ладно. Смотри, я пишу, а ты потом корректируешь, — Стёпка хрустнул пальцами и завис над клавиатурой. Через секунду клавиши защёлкали, а по экрану побежали буквы. — 23-е июля. Андрей Бреус. Может быть объясните, почему десятилетний мальчик застрял в одном дне?

Стёпка задумался.

— Добавь фразу мы всё знаем! — строго приказал я.

— Хорошо. — Стёпка допечатал положенные слова и оценил взглядом.

— Нужно придумать подпись, — я чешу подбородок.

Комнату опять сковывает тишина, и потом друг произносит:

— Только что-то не палевное. Что-то лёгкое, что-то такое отрешённое.

Я улыбаюсь.

— Пиши: Альберт Вескер.

— Это кто? — хмурится Стёпка.

— Погугли потом. Тебе понравится.

— Ладно. Пишу: Альберт Вескер и Ко.

Стёпка приляпывает надпись и зависает над мышкой. Монитор отражается в стёклах очков, а друг так и не нажимает кнопку.

— Страшно? — хмурюсь я.

— Да, — признаётся тот.

— Боишься, что твоя теория окажется неверной?

Стёпка задумчиво усмехается.

— Боюсь, что моя теория окажется верной. Ты даже не представляешь, что будет читать наше письмо. Какие грани прячутся по ту сторону адреса.

После таких пафосных слов и мне становится страшно.

— Ну не отправляй, если боишься. По сути, мы же...

Я не успеваю договорить, как Стёпка кликает кнопкой мыши, и письмо уходит.

— Что сделано, то сделано, — говорит он.

После совершения немного пугающего обряда, Стёпка должен был взяться за уборку дома. Отец работал, Серый куда-то уехал. По словам друга, старший справляется с потерей матери как может, он тоже сейчас пребывает в периоде строительства новой жизни, и теперь старается больше времени проводить с друзьями.

Я поначалу вызвался помочь Стёпке, но тот качает головой и ведёт меня домой.

— Сначала ты кое-что проверишь, а потом, если хочешь, можешь зайти и помочь, я не против.

Возле столба с будкой у моего дома Стёпка останавливается и смотрит вверх. Мне чуточку страшно, я слышу как жужжат провода, за этим жутким звуком прячется смерть.

— Я даже не представляю, — задумчиво хмурится Стёпка. — Есть ли здесь какие-то

кабельные провода? Думаю, тут только высоковольтные.

— Ты собираешься туда лезть? — шепчу я. — Ты с ума сошёл. Нас же испепелит до того, как мы дотронемся.

— Да не. Я не хочу туда лезть. Просто мыслишки, — Стёпка молчит. — К тому же, что бы он туда не впаял, оно уже не здесь.

— Они его вытащили?

— Вряд ли. Скорее, оно осталось в двадцать третьем июле, — Стёпка вздыхает и будто выходит из гипноза. Смотрит на мой дом. — Короче, если ты и правда в последний раз ел яичницу двадцать третьего числа, то проверь яйца из холодильника. Одно должно оказаться протухшим.

Мурашки догадки рассыпаются по спине, рот приоткрывается от озарения, а Стёпка усмехается, подмигивает, щёлкает пальцами и удаляется восвояси домой. Я с гулко бьющимся сердцем спешу к крыльцу. На моём внутреннем мире тикает бомба, если она и взорвётся, то уже через несколько секунд.

Под ошалелый взгляд сонной мамы подбегаю к холодильнику.

— Артёмка, ты, наверное, кушать хочешь, — говорит она, но я её не слушаю и достаю шесть оставшихся яиц. — Я бы не посоветовала тебе их есть. Они уже почти месяц там лежат. Давай я свежие куплю или что-нибудь приготовлю.

Мама словно призрак шаркает мелкими шажками к столу.

— Нас всех вывела из равновесия... то, что случилось с Андрюшкой.

Я устанавливаю перед собой тарелку, но хорошо слышу слова мамы. Она хотела сказать смерть. Смерть Андрюшки. Кто знает, мелкий ещё может быть жив. Пусть он в недоступном месте, точнее — в недоступном времени, но ЖИВ!

Бью первое яйцо. Нюхаю. Оно нормальное. Выливаю его в раковину. Второе. Третье. Четвёртое и да... Вот оно. Тот, кто хоть раз разбивал тухлое яйцо, знают это жуткое амбре, перебивающее ароматы всех сортов мира. А если оно попадает на пальцы, то сколько не мыль порошками, вонь будто забирается под ногти, в самые дальние уголки, и ещё несколько дней лезет в нос.

Прикрывая рукавом нос, я оглядываюсь на маму.

— Тухлое, да? — морщится она, а на лице как бы написано: мне плевать вообще.

Я киваю.

— Ну я же говорила, — жмёт плечами она. — Этим яйцам уже много дней... фу... — теперь вонь доносится и до неё. — Открой окно, Артём, брось ты эти яйца.

Я выливаю тухлятину в раковину и открываю воду. Однако на этом не останавливаюсь. Что если яйцо и правда протухло от времени? Я проверяю оставшуюся пару.

Они оказываются свежими.

***

Дома я не задерживаюсь и тут же возвращаюсь к Стёпке, который собирает мусор по гостинной.

— Одно протухшее, — говорю я, едва ворочая языком от... не знаю даже, страха, ужаса, удивления, восхищения.

— Я так и думал, — вздыхает Стёпка и как ни в чём не бывало швыряет в мусорный

пакет использованные салфетки, хлебные куски, найденные на полу. Виду друга такой, будто мы говорим не о временной аномалии, а о пересоленных кабачках.

— Чёрт возьми! — я запускаю пальцы в волосы, и нарезаю по гостинной круги. — Теория, кажется, и правда верна. Это... это сумасшествие какое-то!

Стёпка задумчиво отдирает от пола конфетный фантик и рассматривает его.

— На девяносто пять процентов понятно, что моя теория верна.

— Девяносто пять? Да тут все сто!

— Ну, яйцо и правда могло протухнуть от времени, — вздыхает Стёпка, отправляя фантик в мусорный пакет.

— Ты правда веришь, что оно протухло после двадцать третьего июля?

— Вопрос не в том, во что я верю, — Стёпка смотрит на меня и жестом профессора Гарварда поправляет очки. — Вопрос в том, как было на самом деле.

Я плюхнулся на диван и уставился на свои руки. Указательный палец всё ещё пах тухлятиной, и запах не давал мне успокоиться.

— Мне кажется, что я помню, на каком месте оно лежало, чёрт, по-моему, двадцать третьего я и правда хотел его разбить в яичницу.

— Ну это уже де-факто. Ты сильно потрясён, эмоциональный стресс начинает додумывать то, чего нет. Лучше возьми мусорный пакет и помоги мне в уборке. Успокоишься. Заодно, будем смотреть, не соизволят ли господа из Сомерсета нам чего-нибудь отписать.

За уборкой я и правда успокоился. Мы даже про петлю времени говорили мало. После пяти минут рассуждений перешли на истории из жизни. В основном, жаловались друг другу, как жестоко поступила с нами судьба и как окружающий мир перевернулся в последние дни, пока мы не общались.

Стёпка повторял мои чувства, в основе которых прочным фундаментом легла пустота.

Мы отдраили дом, проверяя Стёпкино мыло каждый пятнадцать минут. Сомерсет молчал. Вернулся Серый, на троих мы сообразили сухой обед. При старшем брате Стёпки разговоры о времени совсем ушли в небытие. И уже после обеда, под вечер, стащив из холодильника оставшиеся жестяные баночки колы, мы со Стёпкой перебрались на задний двор и вновь заговорили об аномалии.

К крыльцу примыкали две тахты, на них, попивая колу, мы рассматривали серое полотно вечернего неба и болтали на темы, которые другим показались бы либо историей Голливуда, либо бредом сумасшедших подростков.

— Ну и что, что они не написали, — говорит Стёпка. Его глаза закрыты под стёклами очков. — Даже если и не напишут, ну... куда деваться. Я сразу предположил, что спасение Андрюхи цель невыполнимая.

— Ты не понимаешь, — вздыхаю. — Я же теперь всю жизнь буду мучиться, гадая, что там с мелким. Бедняга. Ты представляешь. Всю жизнь в одном дне.

— Ну... если он не просыпается каждое утро в одном месте, то я бы ему даже позавидовал, — внезапно говорит Стёпка. — Ты представляешь, сколько всего можно сделать? Перед тобой неисследованная планета. Натворил делов, а завтра все уже забудут. Можно посетить все страны, изучить жизнь людей на планете.

— Если б ещё деньги на это иметь, — усмехаюсь я.

— Умный человек сможет несколько месяцев понаблюдать за банком, изучить каждый миллиметр, а потом утром ограбить, днём купить билет, вечером вылететь и в полночь быть

в Америке. Ну и пусть, что у тебя утром все деньги исчезнут, ты своего добился.

— Да, но моего опарыша умным не назовёшь, — усмехаюсь я и гляжу на качели у изгороди, на которых любил качаться Андрюшка, когда мы приходили в гости к Стёпке.

— Так было до настоящего двадцать третьего июля. Заикленность в одном дне быстро разовьёт его интеллект. Сам вспомни, как его изменили двадцать три пребывания в одном дне. Умно разговаривал?

— Как ботаник, — улыбаюсь я, и печаль вдруг толкает сердце.

— Ну вот. К тому же, в твоих руках бессмертие.

— Это неплохо, да, но мне кажется, что мелкий просыпается всё время в одной кровати, — отвечаю я. — Ну сам подумай, если его арестуют за ограбление банка, посадят за решётку. А утром всё вернётся на двадцать третье июля. Представь, как утром сокамерники удивятся. Откуда ни возьмись тут появляется новый мальчишка.

Стёпка какое-то время делает мелкие глотки колы, а потом говорит:

— Скорее всего, ты прав. Я бы это объяснил иначе. Постоянство пространства, вот как. Однозадачность матрицы пространства.

— Во! Точно! Я знаю слово матрица! — усмехаюсь я.

Стёпка выплёвывает смешок, приоткрывает один глаз и косится на меня.

— Не расстраивайся, — говорит он. — Главное, знать, что твой брат жив. А остальное... остальное — это лишь печаль от расставания.

— Да, — вздыхаю. — К тому же, остаются ещё подлые пять процентов.

Когда мы со Стёпкой расстаёмся, темнеет, а я стою на лужайке перед домом, оглядываюсь и говорю:

— Стёпка, а мы точно с тобой не психи?

Друг задумчиво заводит глаза, а потом говорит:

— До смерти мамы я бы сказал, что мы однозначно психи, но после её смерти, мне кажется, что вокруг всё неправильное. Я люблю думать логически, и раньше я знал, что такое смерть, и что ей не нужен приглашенный билет, но...

— Но одно дело знать, а другое — видеть её своими глазами, — перебиваю.

— Да, — кивает Стёпка. — Теперь мир кажется мне алогичным. Так что, раз уж на то пошло, то это мир сошёл с ума, а не мы.

Я задумываюсь.

— А знаешь, ты прав. Я даже готов отправиться в прошлое за своим братом. Я такой пустой, что не удивлюсь уже ничему и нисколько!

В тот вечер я ошибался.

****

Следующее утро будит меня настойчивым звонком в дверь. Я барахтаюсь в кровати словно черепашка, которую перевернули на спину. Мне кажется, что во мне живёт злобный демон, преследующий единственную цель: запутать меня во сне. Я часто просыпаюсь в неестественных позах, когда левая рука ничего не чувствует, правую ногу пронзают миллионы иголок.

Надевая в спешке джинсы, путаюсь в них и падаю. Теперь мой разум уже проклинает звонившего. И колокольчик страха тренькает только на лестнице. Подождите, а я разве кого-

то жду?

Неслышно прохожусь мимо проёма в гостиную, в долю секунды оглядываю её. Никого. Ни матери, ни отца, который, понятное дело, на работе. В дверь ещё раз звонят, и я замираю, заставляя себя не дышать. Возле двери в куске стены есть окно, в него я всегда смотрю, прежде чем открываю дверь. Мои шаги шепчут за угол, пальцы едва заметно отодвигают занавеску, а лаз планирует увидеть того Буратино в оранжевой кепке и круглых тёмных очках, но...

На пороге Серый. Он держит в руках какую-то коробку. Я облегчённо вздыхаю и открываю дверь.

Окинув мой голый торс, Сергей хмурится:

— Ты только проснулся?

— Ну да, — вяло тяну я, и пробираюсь в глубь кухни, хочу пить. Чего-нибудь сладкого и калорийного, пожалуйста.

Серый входит внутрь, и закрывает ногой дверь.

— Уже одиннадцать часов утра.

— Да, я люблю поспать, — равнодушно отвечаю, выбирая в холодильнике между апельсиновым и ананасовым соками.

— А мы со Стёпкой уже на ногах.

Я хватаю пакет с картинкой распиленного ананаса, и оборачиваюсь как раз в тот момент, когда Сергей ставит обёрнутую в грубую бумагу коробку на стол.

— Это мне? — удивляюсь я, отрывая губы от холодного напитка. Чтобы совершить последнее действие, пришлось приложить неплохую силу воли.

— А? Да, — растерянно кивает Серый.

Я смешливо хмурюсь.

— Ты мне даришь подарок?

— Я? Что? Нееет, — Серый смеётся и качает головой. — Эта штукавина стояла у тебя на пороге, судя по адресу и фамилии... Ты Артём Бреус?

— Ха-ха, как смешно, — кривляюсь я, шагаю к столу и протягиваю к себе коробку.

— А я вообще за сахаром зашёл. Я готовлю Стёпке завтрак, а сахара нет. До Грозди далеко ходить, а Стёпка проснулся уже час назад.

На коробке медицинским росчерком значился мой адрес и фамилия с именем.

— Ты брату завтрак готовишь? Понятно, в кого он такой заботливый.

— А что? — хмурится Серёга. — Ну подумай сам. Если не я, то кто?

Посылка на секунду теряется из моего внимания, я глотаю сок и опять насмешливо смотрю на Серого.

— Пусть сам готовит, приучается к самостоятельности, — говорю. — А иначе Стёпка избалуется, сядет тебе на шею и будешь за него всё делать. Впрочем, ты уже домашку за него решаешь. Всё. Поздно. Ты — раб своего мелкого узурпатора.

Я, конечно, троллю, но Сергей, кажется, принимает это за чистую монету.

— Между прочим, он обо мне тоже заботится, — Серый гордо отмахивается рукой, подчёркивая, что я дурак в их отношениях. — Сам подумай. Кто тебе друзья в школе? Они не придут к тебе ночью, если беда случится. Любить надо тех, кто спит за стенкой, а не в соседнем доме.

Улыбка вдруг умирает на моём лице, и я опять с болью вспоминаю Андрюшку.

— Извини, — говорит Серёга.

Я отпиваю сока, чтобы проглотить ком в горле, машу рукой и сосредотачиваюсь на посылке.

— Забудь. Мне интересно, кто меня так любит, что подарки шлёт.

Посылка представляла идеальный куб, со стороны в мою ладонь. Неожиданный сюрприз завёрнут в бумагу миндального цвета и подвязан бечёвкой.

— Тут нет обратного адреса, — пожимает плечами Серый, старательно переводя тему.

— Сахар в шкафу. Отсыпь в любую банку, — не глядя киваю я, решительно закручивая пакет с соком и ставя его на стол.

Пока Серый копается в шкафу, я поднимаю посылку, оглядываю со всех сторон и даже чуточку трясу. Она лёгкая, будто внутри пенопласт. Что ж, пока не посмотришь — не узнаешь. Я пытаюсь разорвать бечёвку, но не тут-то было.

— Тебе помочь? — спрашивает Сергей, появляясь в области моего зрения.

— Пожалуй, — киваю.

Серый ставит на стол банку с сахаром и хватается за бечёвку, а я пока звеню ящиками кухонной мебели в поисках маленького ножа.

— Прочная, собака, — пыхтит Серёга, пытаюсь разорвать верёвку. — Давай нож.

— На, — протягиваю и вдруг звонит телефон.

Стационарный! Тот самый, который уже никому не нужен, который висит на стене перед кухней только для посылки кого-нибудь в задницу. Поглядывая, как ловко Серый разрезает бечёвку, я пячусь и снимаю трубку.

— Артёмка у телефона, — отвечаю.

— Ты чего трубку не берёшь?! — тон голоса Стёпки повышен и немного тревожен.

— А... как... а, понимаю, у меня телефон наверху. Твой братец разбудил меня.

— Серый там?

Я смотрю, как Сергей раздирает бумагу и отвечаю:

— Да, за сахаром пришёл. Ты так оголодал, что не можешь...

— Посылку получал сегодня? — перебивает меня Стёпка. Теперь его голос по-настоящему тревожный.

— Ну да. Вот, Серёга её открывает.

А потом Стёпка визжит так, что мне приходится отнять трубку от уха:

— НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ЕЁ!!!

Я думаю лишь секунду. Не знаю, какой из инстинктов срабатывает, но я немедленно кричу Сергею:

— Серый! Стоять!

Тот замер, отдёргнув руки от посылки и подняв их, будто сдаётся. Куб медленно падает на бок, повернувшись ко мне уже открытой частью. За ним я вижу чёрную стенку. Кажется, ещё одна коробка.

Возвращаюсь к разговору со Стёпкой.

— Да, всё выполнили, как ты сказал. А что случилось? Тебе на мыло что-нибудь прислали?

— Слушай, — Стёпка дышит неровно. — Вы должны прийти сюда. Ко мне. Немедленно.

— Ну хорошо, хорошо, — хмурюсь я, но пока что ещё не пугаюсь.

— Посылку заberi. Не оставляй её дома. Могут найти твои родители и вскрыть. Тогда, кроме брата, у тебя ещё и родителей не будет.

Вот теперь я пугаюсь.

— Да что там, бомба что ли?

— Тогда б ты со мной сейчас не говорил. Там хуже. Хорош лясы точить. Идите ко мне немедленно.

После того, как трубка легла на рычаг, я шагнул в кухню. Пугать Серого я не хотел, поэтому просто усмехнулся и произнёс:

— Кажется, твой брат сильно голоден, поэтому он кричит. Сейчас пойдём к вам.

Серёга хватает баночку с сахаром со стола и хмуро произносит:

— Пойдём быстрее, а то твои глаза выдают твою ложь.

Я вздыхаю, поджимаю губы, хватаю посылку со стола, и мы выходим. Я даже не одеваюсь. На улице немного жарит солнце, и приходится прищуриваться от яркого света.

Стёпку я замечаю как только мы проходим от ворот моего дома пару шагов. Он уже ожидает нас на углу своего чертога. Серёга не выдерживает и почти переходит на бег, и я позволяю ему обогнать себя. Всё равно Стёпке сейчас нужен не завтрак, а то, что у меня зажато в руках, я уверен.

Впереди фигура мачо Серёги склоняется над Стёпкой и что-то спрашивает. Я даже читаю по губам: Ты в порядке? Что случилось?

Но Стёпка, конечно же, не отвечает на оба вопроса. Без меня ничего не произойдёт.

Когда я приближаюсь к братьям, вид друга меня чутка пугает. Бледный, а ещё эти странные жесты: правая рука потирает левую, вот-вот пальцы оторвёт. Такого за Стёпкой я раньше не замечал. Взгляд, с которым друг косится на посылку, зажатую в моих руках, принадлежит человеку сошедшему с ума от ужаса. Почти как Андрюшка двадцать третьего июля.

— Осторожно, — просит он. — Ребята, — Стёпка снуёт по нам взглядом. — Вам очень сложно будет понять, что здесь происходит...

— Ты не тyani, что с тобой случилось? — спрашивает Сергей, тоже начинающий бледнеть.

— Особенно тебе, — говорит Стёпка, косясь в сторону брата. — В общем... — он задумывается. — Пойдёмте со мной. Я тоже получил сегодня такую посылку. — Стёпка входит во двор дома и движется не к двери, а к правому фасаду. — Я открыл её. Но знаете. Мне повезло. Она случайно выскользнула из пальцев и упала дном ко мне. Ну в принципе, поэтому я жив. Иначе, я бы уже не звонил тебе. Вам. Я и так еле вышел из комнаты...

— Стёпка!!! — Я останавливаюсь и хватаю друга за плечо. Разворачиваю к себе. Мы уже между выюном павой изгороди и фасадом. — Что с тобой случилось? Ты несёшь какой-то бред.

Очки Стёпки чуть съехали, а глаза вдруг заморгали и наполнились слезами. Когда друг поправляет очки, я вижу, как трясутся его пальцы, и теперь мне правда становится страшно.

— Тёмка, ты не понимаешь, — он хватает меня под локоть и сильно сжимает. — Я вот только что чуть не умер. Вот прямо несколько минут назад. Меня спасло просто чудо.

— Да расскажи же ты! — молит Сергей, всё ещё сжимая в руках баночку с сахаром. Маленькую, сделанную на манер тех горшочков, в которых Винни-Пух таскал мёд.

Стёпка безумно оглядывает нас, потом вдруг вздыхает и совершенно спокойно говорит:

— Сами посмотрите. — Он снова идёт вперёд и говорит. — Я проснулся раньше тебя, Серый. Вышел на крыльцо. Вижу — стоит посылка. Читаю, там моё имя. Отношу в комнату. Тут ты. Я говорю, что хочу завтракать. Ты говоришь, сахара нет. И идёшь к Тёмке, а я иду

открывать посылку. — Стёпка останавливается у одного из окон дома, даже не представляю, куда оно ведёт. — Бечёвка прочная, а у меня в комнате её нечем перерезать, поэтому, я сразу иду в кабинет отца. Там канцелярский нож у него есть на столе.

По попыткам Сергея заглянуть в окно понимаю, что мы как раз стоим у кабинета отца.

— Ну в принципе, я её открыл, а там чёрная коробка с кнопкой на боку. Я дурак. Я же должен был сразу понять. Ни обратного адреса. Ничего. Не надо такое нажимать. Но любопытство же...

— Да что там такое? — Сергей отодвинул Стёпку и уставился в окно. Честно говоря, я уже сам жадно вылавливал тени в комнате.

— Ну вы смотрите, а я буду рассказывать, — продолжил Стёпка.

Я подбегаю к окну и липну лбом к стеклу, прикрывая глаза ладонью свободной руки.

— От стола, на который упала коробочка, до двери я шёл секунд десять. Это были самые страшные секунды моей жизни.

За стеклом я вижу кабинет главы семьи Герундовых. Обычный, нетронутый, даже бумаги на столе лежат по порядку.

— Просто, пока я отступал, я видел, как дрожит коробка, и хочет встать на доньшко, — продолжает Стёпка.

Вон та самая коробка. Стоит на отцовском столе, открытая и пустая.

— Но я успел выйти вперёд. Да. Наверное, от смерти меня отделяла миллисекунда.

Серый отрывается от стекла и смотрит на Стёпку.

— Я ничего не понимаю.

Я в последний раз окидываю взглядом чистый кабинет аккуратиста, потом оборачиваюсь и говорю:

— Да, мы ничего не понимаем.

Стёпка внезапно улыбается и опять пугает. В сочетании с испуганным взглядом опять получается гримаса моего брата на двадцать третье июля.

— Посмотрите на клетку, — говорит он.

Отец Стёпки держит в кабинете двух канареек в клетке у окна, объясняя, что под птичье пение ему работается продуктивнее. Он представляет себя в летнем лесу и нервы успокаиваются, мысли упорядочиваются. Мы с Серым снова липнем к стеклу.

— Где канарейки? — хмурится Сергей. Клетка оказывается пустой, запертой и пустой.

— Вы к прутьям приглядитесь, — насмешливо просит Стёпка.

Я внимательно оглядываю клетку и ничего не замечаю, хотя... тёмное пятно справа от дверцы на прутьях. А ещё на доньшке клетки с десятков перьев, хотя последние могли нападать уже давно.

— Вы только послушайте, — говорит Стёпка. — Я же рассказываю. От стола до двери я шёл десять секунд.

Я кошусь в сторону друга, ничего не понимая. Зачем мне нужно знать, сколько он шёл до двери?

— Послушай, я пойду в кабинет отца и всё расследую, — говорит Сергей.

— И умрёшь сразу, как только откроешь дверь, — кивает Стёпка.

Пока Сергей что-то мямлит, меня внезапно осеняет. Я щёлкаю пальцами и говорю:

— Почему так долго?

— Чего? — удивляется Сергей.

— Десять секунд от стола до двери. Да это же... Тут за секунду можно пройти. И

почему?... — Я снова прилипаю к столу. — Она стоит на доньшке? Хотя ты сказал, что упала она на бок.

— Что тут творится? — вздыхает Сергей, а потом топает ногой и повышает голос: — Я ничего не понимаю!

— Оно действует только на живое, — говорит Стёпка. — Когда коробочка открылась и упала разъявленной пастью к окну, я почувствовал, что меня тянет к столу как магнитом. Я вскочил и отступил от коробочки. Знаете, как это сложно было сделать? На ногах будто гири. Причём, тянут они не вниз, а в сторону стола. Я принялся сопротивляться. Ну это всё за долю секунды происходило. И я успел увидеть, что папины канареек на секунду припечатало к клетке. Они чирикнули. А потом их разнесло в фарш сквозь прутья, и куски засосало в коробочку. Потом она начала подрагивать, пытаюсь встать на доньшко, а я отступал. Десять секунд. Знаете, за десять секунд я испытал такой ужас, какой не испытывал за всю жизнь. Я стоял против силы, почти с нулевого вектора направления силовых лучей. И в то же время, меня тянуло туда как огромным магнитом. А если бы коробочка перевернулась до того, как я вышел, то я оказался бы в волновом радиусе силовых полей. Вы предполагаете, что со мной было бы? — Я мрачно качаю головой. — Думаю, я уже не смог бы сопротивляться, и случилось бы то, что в фантастических фильмах показывают, когда в космосе вдруг маленькая дырочка в обшивке корабля возникает. Команду с невероятной силой присасывает к этой дырочке, а потом через неё вытягивают всего человека.

Я вновь щёлкаю пальцами и говорю:

— Чужие-четыре.

— Типа того, — кивает Стёпка. Его голос и руки дрожат. — Она стоит неподвижно и засасывает в себя всё живое. А неживое не трогает. Ещё, она, кажется, ограничивается одним помещением. За его пределы не выходит. Чёрт!!! — Стёпка крикнул и начал тереть глаза, иначе заплакал бы. — Меня могло засосать в неизвестность через окошко в двадцать сантиметров.

Я снова смотрю сквозь стекло на коробочку, стараясь отметить какие-нибудь особенности, но ничего примечательного. Просто чёрный куб с открытой крышкой, как табакерки, из которых выпрыгивают чёртики.

— Как ты думаешь, куда она девает содержимое? Как так получается, что такая маленькая коробочка может засосать человека? — спрашиваю.

— Включи логику, но только теперь вспомни все фильмы, которые мы смотрели, — говорит Стёпка. — Я вообще думаю, что у этой коробочки нет дна. Там какая-то нейтронная чёрная дыра. Именно нейтронная, потому что она срабатывает только на живое. Думаю, растения тоже затянуло бы. Она засасывает в какое-то другое измерение. Может, там что-то есть, даже такой же мир, как этот, только тебе будет наплевать на всё. Ты в него попадёшь фаршем.

Я хмуро поглядываю на полураскрытую посылку в руках, и тихо произношу:

— Откуда эта тварь?

— А ты не догадываешься, кто её прислал?

Стёпка хватает у меня коробочку и снимает обёртку. Я уже догадался, и мне страшно от его действий. Вдруг он сейчас нечаянно нажмёт кнопку и всё. В фарш.

Но друг аккуратен. Он отбрасывает обёртку и переворачивает чёрный куб дном ко мне.

— Я увидел это, когда отступал, — говорит он.

Теперь и я вижу, и на душе становится мрачнее. Серое металлическое дно сверкает

изображением трёхлистного клевера. Точно такое же лого, как на фургоне и сайте Сомерсета.

— Так! Тайм-аут! — восклицает Серый, размахивая горшочком с сахаром. — Кто мне объяснит? Что? За? Хрень? Здесь? Творится?

Стёпка набирает в лёгкие воздух и задерживает, становясь похожим на лягушку. При этом глаза друга задумчиво бегают по изгороди. Медленно выдыхая, Стёпка произносит:

— Серый, здесь много чего тебе надо рассказать. Ты же мало смотришь кино и совсем не читаешь...

— Я смотрю кино, — недовольно отзывается Сергей.

— Комедии и боевики. Я говорю о мистике и фантастике, которые мы с Артёмом любим.

— Я просто не люблю верить в сказки, — Сергей улыбается только губами.

— Поэтому ты не понимаешь, о чём мы сейчас, — говорит Стёпка.

— Почему. Я понял, что там, в кабинете отца стоит коробка, которая через себя куда-то засасывает всё живое, но, братишка, как мне в это поверить? Я не могу, — Серый пожимает плечами.

— Я бы доказал тебе, — пожимает плечами Стёпка. — Но для этого нужно открыть дверь или окно и кого-то из нас убить.

— Да что за бред ты несёшь!?! — хмурится Серёга.

— Я тебе всё объясню. — Стёпка обнимает брата за плечи. — Но позже. После того, как избавимся от этой проблемы. — Друг указывает пальцем на окно. — Потому что сейчас на слова нет времени.

— А ты знаешь, как эту проблему решить? — спрашиваю.

Стёпка косится на мою посылку, думает, и говорит:

— Поначалу, я думал, что всё. Капец пришёл. Но теперь, кажется, есть идеи.

— Какие?

— Они должны друг к другу притянуться, — Стёпка ткнул пальцем в мою коробку.

— Но ты же сказал, что они затягивают только живое, — возражаю я.

— Да, но в них работают особые механизмы, позволяющие это делать. Возможно, так как сила механизмов одинаковая, они притянутся друг к другу и либо уничтожатся, либо одна уничтожит другую.

Я задумываюсь.

— И всё равно не понимаю. Смотри. Если в космическом корабле сделать два отверстия, людей начнёт засасывать два отверстия, но дыры друг в друга не засосутся.

Стёпка задумывается, а потом улыбается.

— Если расстояние между ними маленькое, то сила вакуума начнёт деформировать перегородку и выбивать её.

Теперь задумываюсь я.

— Хорошоооо, — протягиваю я, примеряя факты и вымыслы. — Но когда перегородка порвётся, мы будем иметь одну большую засасывающую дыру, а не взаимоуничтожение дыр.

— Да, — кивает Стёпка. — Но рассуждая о Космосе, мы говорим о стабильной природной величине. А что здесь? Здесь какая-то непонятная магия. Только всё живое. Короче, чтобы не ломать мозг, отвечу, что мы либо получим положительный результат, либо... — друг вздыхает. — Превратим весь дом в минное поле.

— Погоди-погоди, — я махаю руками. — Но как ты представляешь процесс? Как мы

засунем в смертельно опасную комнату смертельно опасную открытую коробку?

Теперь Стёпка молчит долго, затем поворачивается к Сергею.

— В гараже есть же какая-нибудь тоненькая бечёвка? Типа той, что перевязывали посылки?

— Да вы что, рехнулись что ли? — У Серого глаза на лоб лезут.

— И ещё домкрат захвати, — добавляет Стёпка, и когда Сергей не двигается с места, друг заводит глаза и хнычет: — Ну Серый. Ну если для тебя это игра, поиграй хоть раз в эту игру. Как только она закончится, мы посидим, попьём чай, и я всё тебе расскажу.

Эти слова действуют на Сергея, и он срывается было к гаражу, потом останавливается, смотрит на баночку с сахаром и поворачивает обратно, но, сделав шаг, оглядывает природу, и убегает-таки с горшочком в руке.

Стёпка вздыхает, улыбается и заводит глаза. Несмотря на жестокую обстановку, я успеваю подумать, что глуповатый Серый, как персонаж моей жизни, является очень удобным человеком. Без него моя дружба со Стёпка потускнела бы в разы.

— А ты... — Друг смотрит мне в глаза. — Ты будешь действовать со мной. Опасно, но это всё из-за нас.

Холодок щекочет меня по холке. Сглотнув воздух, я говорю:

— Хорошо. Каков твой план?

Пока Сергей несёт из гаража нужные инструменты, Стёпка объясняет мне наши действия. Сумасшедшие, опасные, и в тот момент я даже самому себе боялся признаться, что если уровень страха поднимется ещё хоть на йоту, я намочу трусы. Это не по школе от дежурной биологички бегать.

— Так, что мне делать? — спрашивает запыхавшийся Серёга, сбрасывая домкрат и бечёвку на траву. В довершение творящегося фарса, он до сих пор сжимает в руке горшочек с сахаром.

— Ты стоишь у окна и смотришь в кабинет. — Стёпка становится серьёзным и даёт указания, как командир армии. — Если с коробочками ничего не случится... да и вообще, не входи в дом, пока мы не выйдем.

Серый немного теряется.

— Это смешно и страшно одновременно, — хмурится он.

— Жди нас у окна, — Стёпка вдруг пристально смотрит в глаза Сергею. — Ты можешь хоть раз в жизни отнестись ко мне не как к ребёнку, а как к брату?

Я замираю, потому что между взглядами обоих моих товарищей проскальзывает невидимая искра, напряжение, решающее исход троянской битвы. Наконец, Серый вздыхает и говорит:

— Хорошо, посмотрю в стекло на ваши игры.

Только он уже не считает наши действия играми, это видно по глазам парня. Сергей, может, и глуповат, но чувствует беду не хуже многих туповатых интуитов.

Стёпка хватает домкрат, бечёвку и несётся к крыльцу. Задержавшись ненадолго возле растерянного Сергея, я неслышно скрываюсь за углом по следам друга, но ещё несколько секунд помню взгляд человека, чей внутренний мир безвозвратно разрушен.

На крыльце мы хватаемся за ручки двери, но не спешим открывать. Стёпка смотрит на меня, его глаза заполняет страх, пальцы немного дрожат.

— Ты готов? — спрашивает он.

Готов ли я? Ну уж человеку, с которым я несколько дней назад плакал в комнате, можно

сказать правду.

— Да я сейчас в штаны наложу при удобном случае, — отвечаю.

— Я тоже, — честно кивает Стёпка, вздыхает, задерживает дыхание и поворачивает ручку со словами: — территория до кабинета отца безопасна.

— Постой! — Я хватаю руку Стёпки, запрещая открывать дверь. — А ты уверен, что там безопасно? Вдруг радиус поля коробки увеличился.

— Всё может быть, — пожимает плечами Стёпка и нервно грызёт нижнюю губу. — Не узнаем, пока не откроем.

И тянет на себя дверь. Я готовлюсь быть затянутым в никуда, в чёрную дыру, быть разбитым на фарш. Но ничего такого не происходит, и Стёпка скользит внутрь гостиной. Я мелькаю следом, оставляя дверь открытой, мне почему-то так безопаснее.

Прежде уютный дом теперь напоминает логового Чужого, — каждая комната будто готова тебя переварить. Мы пересекаем гостиную по косой, и оказываемся в коридорчике между двумя дверями, одна из которых ведёт в кабинет отца Стёпки, теперь — смертельно опасный.

Я смотрю на лакированную поверхность золотистой ручки как осуждённый на палача. И снова тихо признаюсь:

— Я боюсь.

Колени меня не держат, хочется прыгать от страха, а ещё лучше — уносить отсюда ноги. Но, раз уж на то пошло, это я — зачинщик сложившегося конфликта, это из-за моего брата безобидный кабинет превратился в кровавую мясорубку.

— Я ставлю домкрат, привязывай бечёвку к ручке. Привязывай крепко, у нас всего одна попытка, — говорит Стёпка и устанавливает инструмент из гаража отца возле двери в свою комнату.

Мы протягиваем верёвку от ручки до домкрата, шпиль которого висится на том же уровне, выравнивая бечёвку параллельно полу, а потом продеваем её под дверь Стёпкиной комнаты. Теперь, если мы зайдём внутрь и потянем за верёвочку, она откроет проём в кабинет отца Стёпки, окно в смерть. Двери на первом этаже у Герундовых располагаются в шахматном порядке. На одной стороне они открываются наружу, как у кабинета, а на другой — внутрь, как у Стёпкиной комнаты.

Осталось два самых страшных действия. Для начала нужно было повернуть ручку двери в кабинет и чуть-чуть потянуть на себя. Не сделать щёлочку, но сдвинуть дверь с места, чтобы она смогла открыться, если потянуть.

Стёпка встаёт около двери и хватается за ручку. Его руки дрожат, и пальцы медленно поворачиваются. Я закусываю губу, из меня в такт дыханию выплёскиваются тихие стоны.

Сейчас я умру.

Мы как сапёры, обезвреживающие мину. Только сапёры-новички, совсем ещё желторотые.

Ручка поворачивается, и Стёпка чуточку тянет дверь на себя. Мои пальцы впиваются в ладони почти до крови, и я немного отступаю, прячась за спину Стёпки. Спасительная разинутая дверь в комнату друга в шаге. Ещё бы успеть сделать этот шаг.

— Этого хватит, — почти плача шепчет Стёпка. — Теперь действие сложнее.

— Кто будет его делать? — спрашиваю.

— Я.

Пусть проблема сконцентрировалась на доме Герундовых из-за моего брата, пусть я

являюсь источником вины, пусть я потом буду стыдиться и проклинать себя, но я не противлюсь Стёпке и соглашаюсь.

Сжимая проклятую коробочку, друг поворачивается ко мне. Сквозь прищур за стеклом очков льётся его взгляд, кажущийся мудрым, как взгляд древних драконов.

— Слушай, — Стёпка едва произносит слова из-за страха. — Тебе лучше отступить ко мне в комнату. Ну понимаешь. Когда коробочка откроется... Эти силовые линии... Тебе нужно укрыться от них. Будь за дверью, чтобы закрыть её, на случай... если... ну...

Глаза Стёпки забегали, и по моему сердцу словно ледышкой провели. Он хотел сказать: если его затянет в коробочку, если сопротивляться будет бесполезно. Мне вдруг захотелось заплакать, но я понимал: бросать начатое уже нельзя. Можно было поменяться со Стёпкой ролями, но чёртова трусость.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Блин... ты... должен... — я вдруг теряю слова. Что можно сказать в такой ситуации? И Стёпка меня будто понимает.

— Хватит долгих прощаний. Уходи. Я тоже буду отступать.

— А вдруг тебя...

— Не дождётесь, — Стёпка улыбается и подмигивает. Получается плохо, но я всё же пячусь и оказываюсь в комнате друга. Он пятится тоже и встаёт на колени, выглядывая наполовину в коридор.

Одной рукой я сжимаю ручку двери, другую сложил в кулак.

— Запомни, — мычит Стёпкин затылок. — Если меня вдруг утянет из комнаты, сразу захлопывай дверь.

Я слышу, как друг кладёт коробочку на пол, прямо напротив двери кабинета отца, кнопкой вниз. Сейчас он должен долбануть по ней, чтобы крышка отскочила, а потом немедленно заползти в комнату. Думаю, что крышка откроется за четверть секунды. Стёпка будет заползать примерно секунду-полторы. Шансы на удачу плохие. Очень плохие.

Я понимаю нерешительность друга, когда тот медлит. Он отползает в комнату по максимуму, почти по грудь, только плечи высовываются из-за косяка, а левая рука висит над коробкой.

А потом всё происходит очень быстро.

Щелчок.

трах-тах-тах, — открывается крышка.

Стёпка было рвётся назад, но его немедленно притягивает к косяку.

Нет. Не притягивает. Ударяет, как куклу. Слышу его вскрик.

А тут и меня швыряет на дверь, будто мне в спину на огромной скорости врезался грузовик.

Я ударяюсь лбом о срез двери.

По-моему я воплю как бешеный.

А по ушам ножом бьёт крик Стёпки.

И вдруг, я лечу на него, но со мной летит и дверь, желая закрыться.

Я хватаю Стёпку за ремень джинсов и тяну на себя.

В любой другой момент, мы вывалились бы с ним в комнату, тем более он весит кило на пять меньше меня. Но теперь мне кажется, что в моём друге центнеров двести.

Однако мне удаётся втягивать Стёпку внутрь.

Всё это за полторы секунды.

Мозги соображают на автомате.

Стёпка успевает ухватиться правой рукой за дверь, вытянуть в комнату левую, упереться в косяк и вытащить голову из коридора.

Это ещё секунда.

Сила, тянущая меня к косяку увеличивается.

Ещё мгновение, и я дверью отрублю Стёпке руки.

Хватают друга за плечо, тяну на себя.

Ещё одна грёбаная секунда.

У Стёпки руки стопудовые, но он мне помогает.

Дверь захлопывается прямо перед пальцами друга.

Всё.

Сила исчезла, я уже не кричу, вспотевший Стёпка часто дышит и расслабленно валится на спину, поправляя очки. Их-то не засосало. Ненасытная коробочка плотает только органику.

За дверью слышится шорох и шлепок, а Стёпка вдруг начинает тихо смеяться сквозь отдышку.

— Мы психи, — шепчет он.

Мне пипец как страшно, но я тоже растягиваю нервную лыбу.

— Ты в порядке? — спрашиваю.

— Думаю, нет. — Почему-то мы говорим вполголоса. — Грудью ударился, там болит, а ключицу дёрнуло в коробку так, что она чуть не оторвалась. Я ей двигать вообще не могу.

— А очки-то не засосало, — говорю я, и Стёпка хочет было что-то ответить, как раздаётся стук в окно.

От внезапности мы оба вскрикиваем.

За стеклом сверкают огромные от шока глаза Серого. Он машет руками, словно дорожный регулировщик, и... у него в руках всё ещё зажат горшочек с сахаром. Я не выдерживаю, и начинаю ржать как сумасшедший. Стёпка ничего не понимает.

— Думаешь, нам стоит выходить? — спрашивает он меня смеющегося. Я могу только кивнуть.

Когда Стёпка тянется к ручке, смех немедленно обрывается, и страх снова начинает подогревать чресла. Создав небольшую щёлку, Стёпка подождал, а потом распахнул дверь. Никакого притяжения.

Кабинет тоже оказался пуст. Как Стёпка и предполагал, коробочки взаимоуничтожились. Мозг.

А потом со стороны гостиной до нас долетел крик Серого, и мы несёмся ему навстречу.

— Вы это видели?! Вы видели?! — ошеломлённо вопит парень.

— Мы не могли этого видеть, — усмехается Стёпка.

— Они подтянулись друг к другу, потом образовали чёрный ком и их засосало в точку! — Серёга прыгал вокруг нас, как орангутан вокруг бананового дерева. — Что здесь, чёрт возьми, происходит?

— Так! — Стёпка поднял дрожащие руки. — Мне срочно нужно что-то выпить. — Чего-нибудь холодного.

Он разворачивается и вдруг пошатывается, а Серый, как примерный арбитр, ловит брата.

— С тобой всё в порядке? — спрашивает он.

— Да. Просто я сильно испугался, что умру, — отвечает Стёпка и сонно улыбается.

*****

Я взял у Стёпки одну из футболок и оделся. Пока Сергей готовит завтрак, мы не говорим о произошедшем. Тишину кухни нарушает только пара бытовых фраз. А когда поджаренный бекон и чашка сладких гренок расставлены по столу, когда мы втроем усаживаемся друг против друга, зависает неловкое молчание.

Серый чешет подбородок и внимательно поглядывает на нас.

— Ну что, герои, — произносит он. — Кто мне расскажет о той фигне, что вокруг творится?

Мы со Стёпкой обмениваемся взглядами. Теперь никто не хочет говорить о случившемся.

— Я жду, — требует Серёга и пытается придать голосу строгий тон взрослого. — Куда вы вляпались?

Стёпкин взгляд становится невыносимым. Я жму плечами и возражаю:

— Ну чего?

— Рассказывай, — просит друг. — Это же всё из-за Андрюхи началось.

— Ну и что, — качаю головой. — Я буду три часа рассказывать. У тебя лучше получится всё объяснить.

Стёпка отводит взгляд и вздыхает. Через пару секунд он выдавливает из себя слова:

— Дело в том, что Андрей, ну, брат Артёма, он пропал.

— Да что вы говорите? — театрально восклицает Сергей.

— Просто мы знаем, где он, — уточняет Стёпка.

— И где же?

— Он застрял в одном дне. В двадцать третьем июле.

Стёпка ожидает реакции брата, а тот бегаёт взглядом от одного к другому, пытаясь понять что-либо.

— Как можно застрять в одном дне? — спрашивает Сергей. — Это же не как в лифте застрять!

— Ну... примерно, но для Андрюхи теперь один день повторяется по кругу, и пока мы живём дальше, он просыпается ежедневно в одном дне. А мы всё дальше и дальше по времени.

Серый хмурится.

— Погодите-ка. Я вроде где-то это видел. Кина такого не было?

— Было. И не одно, — мрачно киваю.

— Ну это же фантастика, — усмехается Серый и пожимает плечами.

— А коробки, засасывающие канареек сквозь клетки — это не фантастика? — бубнит Стёпка.

Сергей снова хмурится.

— Давайте поподробнее, — просит он.

И Стёпка дал. Рассказав от самого начала, когда Андрюха проснулся с непонятным поведением и закончив сегодняшней посылкой. Серый позволил себе слушать не перебивая, но маленькая морщинка меж бровей то появлялась, то исчезала. Либо мы безвозвратно

рушим его мир, либо он не поверит ни во что, даже если завтра приедет фургон и оттуда выведут тварь из фильма Мгла.

Когда Стёпка затихает, Сергей не говорит ни слова. Он смотрит перед собой в стол. Напряжение достигает апогея, и Стёпка встаёт.

— Я не могу. Я лучше в комнату за телефоном, а ты терроризируй вопросами Артёма. Я сейчас сознание потеряю от происходящего.

С этими словами предатель Стёпка скрылся в комнате, а я остался с Сергеем один на один. Впрочем, почему бы и нет, пока происходящее с самого начала как вол тянет на себе Стёпка. Я — лишь сторонний наблюдатель.

— Ты веришь в его теорию? — внезапно спрашивает Сергей, и я теряюсь. Не ожидал такого вопроса, честное слово.

— Ну... — мнусь и не нахожу слова. — Сначала как-то не верил. Но думал, что это же неважно, правдивая она или нет. Андрюху всё равно не вернуть. Но вот... то, что сегодня случилось. Просто... выбора не оставляет.

Серый хмурится и задумывается.

— А мне оставляет, — говорит он. — Эти коробочки можно было приготовить специально. Канареек Стёпка выпустил... или убил, — последнее Серый предполагает осторожно. — А потом — просто фокус.

Теперь рушится мой мир. Я задыхаюсь и не могу найти слов. То есть, Серый подозревает, будто Стёпка всё это подстроил? Почему-то я злюсь.

— Нет, погоди, то что ты видел, это не доказывает, что Стёпка устроил фокус, — качаю головой. — Я находился в комнате и сам чувствовал, как нас чуть не разорвало антигравитацией или как там его!

— А может и ты со Стёпкой в сговоре? — Сергей прищуривается. Таким я образцового старшеклассника местной школы ещё не видел. Вылитая собака-подозревака.

— Ну, — я пожимаю плечами. — Можешь верить чему хочешь. Истины это не изменит. Я не пойму, для чего нам врать?

— Это вас надо спросить! — восклицает Сергей, и тут появляется Стёпка, сжимая в руке сотовый.

— Нашли консенсус? — спрашивает он.

— Ещё как, — размашисто киваю. — Он просто нам не верит.

Кажется, Стёпка растерялся больше, чем я.

— Эт как? — не понимает он.

— Ладно! Я ещё ничего не подумал! — резко восклицает Сергей и выставляет перед собой ладони, будто отстраняется от сказанных минутой ранее слов. — Мне просто надо подумать!

Стёпка хмуро смотрит на брата и теперь в его взгляде какое-то разочарование даже.

— То есть, ты хочешь сказать, что я вдруг соврал тебе и решил как бы... так идиотски подшутить? Я же никогда так не делал... — в голосе друга сквозит отчаянье.

— Нет-нет, — глаза Серого вдруг становятся виноватыми. — Просто... сразу столько всего навалилось. Я должен подумать.

— Может... тебе легче думать в одиночестве, а мы с Артёмом переместимся в мою комнату? — замечает Стёпка, а в глазах задумчивость.

— Это будет хорошая идея, — кивает Серый. — Только подожди. Стёп, ты не обиделся?

— Нет, несколько, — качает головой друг, но я по глазам вижу, что обиделся.

— Блин, — Сергей откидывается на спинку стула и потирает лицо ладонями. — Как всё неудачно складывается.

— Мы пойдём, — говорит Стёпка и кивает мне в сторону. Когда я поднимаюсь со стула, в моих движениях столько неловкости. Сейчас мне предпочтительнее сквозь пол провалиться, нежели находиться в центре разногласия двух братьев, поэтому спешу к открытой двери комнаты Стёпки.

— Я всё обкумекаю и поговорю с тобой, — звучит позади голос Серого.

— Да-да, — спешно отбивается Стёпка и заходит за мной в комнату.

Я стою посередине как дурак и не нахожу места. Когда лицо друга поворачивается ко мне, медленно подбираю слова:

— Ну как-то... неловко всё так...

— Мне на мыло Сомерсеты ответили, — говорит Стёпка.

*****

Опомнившийся от шока я сижу за компьютером Стёпки и читаю письмо:

Уважаемые Артём Бреус и Степан Герундов, я посчитал, что мальчики, обезвредившие мою посылку, имеют шанс на выживание и право на подарок. Я знаю, в ваших интересах забрать у меня Андрея Бреус, так почему бы не дать вам такую возможность. Я настаиваю на личной встрече со столь гениальными подростками, как вы. Поэтому ожидаю вас завтра в своём офисе по адресу: Линия 17, этаж 2, кабинет 9. Входите, поднимаетесь по лестнице, поворачиваете налево и по коридору до упора. Жду вас в 11.00. Если опоздаете, дверь будет закрыта и Андрей Бреус исчезнет для вас навсегда. Я ожидаю всю героическую троицу, включая товарища Сергея Герундова.

До встречи, юные господа.

Доктор Вечность

Я перечитываю письмо в который раз, и шизею от происходящего. Наконец мой взгляд находит силы, чтобы оторваться от букв и посмотреть на Стёпку.

— Они уже узнали о посылках. Мы уничтожили их час назад, а они уже знают!

— Не удивлён, — пожимает плечами Стёпка, а потом потирает подбородок и начинает с умным видом нарезать круги, а я вновь перечитываю письмо.

— Доктор Вечность, у меня мурашки по коже от этого имени.

— Это ник, — замечает Стёпка как бы невзначай.

— Спасибо, кэп. Я вот о чём думаю. Мы пойдём завтра на встречу или нет?

Стёпка замирает и ошарашено смотрит в мою сторону:

— Вальтанулся, — напирает он. — Конечно же пойдём. Там же твой брат.

— Ты же говорил, что он в двадцать третьем июле.

— Да, — кивает друг. — И там точно не обычная фирма, если они присылают посылки с чёрными дырами. Понимаешь, завтра мы приоткроем завесу в нечто сверхъестественное.

— Опасное и смертельное, — добавляю. — Я понимаю, что говорю как заботливая мамочка, но Стёпка... может позвонить в полицию?

— Плохая идея. Что мы им скажем? Какой-то псих просил нас прийти в свой офис? Они посмеются и скажут: не ходите.

— Мы можем сказать, что эти люди знают что-то о моём брате, который официально в

розыске.

Стёпка остановился и наморщил нос. Вижу, что ему совсем не хочется обращаться к ребятам в синей форме. Почему? Может, хочет стать героем?

— Думаю, полиция тут будет бессильна, — отвечает он. — Почитай письмо. Вспомни, как подобные сообщения пишут бандиты, похитившие жертву: если придёте не один или с полицией, мы... ну а дальше по контексту: уокошим жертву, не дадим денег, убьём вас. А эти? Они даже не заикнулись про полицию. Выводы?

— Ну... — Я правда не знаю выводов, кроме как: дураки и не учли этот пункт, но Стёпка доказывает обратное.

— Значит, у людей под ником Доктор Вечность там всё схвачено. Можно предположить, что они забыли упомянуть полицию, потому что ума не хватило, но если они шлют такие послышки, как нам сегодня... Поверь, у них ВСЁ схвачено. И дураками назвать их вряд ли можно.

Я вздыхаю. Мне страшно, во мне спорят сразу тысячи миров, я не знаю что делать. Но в школе часто оказываешься в ситуации, когда хочешь сделать глупость и боишься. Но если рядом оказывается друг, который подбивает тебя на совершение поступка, — ты срываешься. Пыл и решительность Стёпки меня возбудили. Когда ты один отстаиваешь свою идею, её уязвимость и слабость не дают тебе покоя, но если вас хотя бы двое, то начинаешь верить, будто ты неуязвим.

— Хорошо, — вздыхаю я. — Это вообще, что за адрес? Что там находится?

— Если не ошибаюсь, — Стёпка отодвигает меня, хватается за мышку и открывает спутниковые карты Яндексa. — Это тот офисный двухэтажный дом на окраине нашего района. Помнишь его?

— Такое жёлтое здание, — хмурюсь.

— Оно самое.

— Чёрт, да я там не раз бывал. Там же всякие фирмы! Починка принтеров, компьютеров, какая-то фотостудия. Я там с отцом был. Там народу полно. И как там могут располагаться такие вот... бандиты?

— Они несколько не бандиты, а если и бандиты, то во времени, со сверхъестественными способностями.

Увеличив карту по максимуму, Стёпка включил панораму и я увидел ту самую жёлтенькую гордую двухэтажку, завешенную рекламой.

— В фильмах супергерои всегда работают какими-нибудь журналистами или они ученики-неудачники, — говорит Стёпка, рассматривая фото.

— Это не супергерои, это суперзлодеи, — мрачно констатирую я.

— Какая разница. Во-первых, мы точно ещё не знаем. Во-вторых, суперспособности у них точно имеются.

— Мозг выносит, — вздыхаю я.

Позже я собираюсь домой, и мы спускаемся в гостиную. Видеть Серого не хочется, особенно, после того, как мы сделали из него шизофреника. И только на лестнице я вспоминаю, о наказе Доктора Вечности: прибыть втроём. Каким бы сверхкрутым ни был этот доктор, Сергея брать с собой мне совсем не хотелось. Не потому, что я вдруг разочаровался в нём — нет, он продолжал оставаться в списке близких людей, — а потому, что стало жалко его. Приземлённый разум школьного нападающего по футболу не мог выдержать столько информации, разрушающей его стереотипы.

Серый развалился на диване и скучно переключал каналы.

— Эм... Артём уходит, — говорит Стёпка.

Сергей кивает, чуть прикрыв печальные, как мне показалось, глаза.

— Хорошо, нам надо с тобой поговорить. Возвращайся быстрее.

Холодок страха объял нижнюю половину тела, я глупо машу рукой и неуклюже открываю дверь:

— Я пошёл.

Позже, вечером, в аське, Стёпка рассказал мне суть их разговора, чем вновь удивил меня. Серый попросил больше ни во что не ввязываться, а он выгородит Стёпку с папиными канарейками. Возьмёт вину на себя, сказав, что нечаянно оставил окно и клетку открытыми. Кровь они старательно отчистили.

Я с полчаса лежал в кровати и ошеломлённо глядел в потолок. Если за завтраком Сергей и дал повод усомниться в его авторитете, то сейчас героизм качка-футболиста зашкаливал выше отметки отлично. Я бы никогда не взял на себя ответственность за содеянное, да я вообще лучше бы свалил вину на Андрюху.

Через какое-то время снизу раздаётся пару криков. Отец с матерью опять не поладили. А какой-то вшивый месяц назад у нас была идеальная семья. Я вздыхаю и печально поворачиваюсь на бок, но уже через пятнадцать минут в комнату входит папа.

Попав в мрак занавешенных штор, он изображает растерянное лицо и спокойным — насколько у него это получается — тоном спрашивает:

— Что у тебя тут как в могиле? Свет бы включил.

Прикрыв дверь, он падает в кресло и потирает лицо. В плотном мраке силуэт папы едва заметен. Мне кажется, сейчас состоится серьёзный разговор, но почему-то пофигу. Во мне разливается сонливая и непонятная безнадёга.

— Ну хоть ты что ли с ней поговори, — тихо просит отец.

— А что я ей скажу?

— Давайте уж похороним Андрюшку со всеми почестями.

Я вздыхаю и переворачиваюсь на спину. В глубине души я предполагал, что подобный разговор с отцом рано или поздно состоится, и, к сожалению, я к нему не готов.

— Ну он же числится официально без вести пропавшим, — говорю, вытянув вверх руку и гоняя между пальцами мобилу.

— Тём, ты же понимаешь, что это всё белиберда, — вздыхает отец. — Если жертва не находится в первые три дня, то шансы равны почти нулю.

— Почти, — немедленно замечаю я.

— Не цепляйся к словам, — строго приказывает отец. Чёрт возьми, с ним я ссорится вообще не хочу, но Андрюшка и правда не умер! Теперь, не получив прямых доказательств смерти брата, я больше склоняюсь к теории Стёпки.

Тогда я переворачиваюсь на бок и говорю отцу:

— Пап, нужно ещё какое-то время. Дай нам ещё хотя бы месяц. Поверь, если через месяц Андрея не найдут, я сам уговорю маму похоронить этот... пустой гроб.

Некоторое время отец мучается, взвешивая ЗА и ПРОТИВ. В темноте я не вижу его лиц и не могу точно утверждать, какие эмоции сейчас бушуют внутри главного члена семьи Бреус.

— Две недели, — вдруг говорит он. — Даю тебе две недели, а потом, если Андрюшка не найдётся, ты присоединяешься ко мне, и ломаем маму.

Две недели? Ха, меня может не стать уже завтра, поэтому четырнадцать дней, целых половина месяца, четверть школьной четверти, кажутся мне вечностью.

— Договорились, — киваю. — Две недели, и я твой.

— Ну хоть один человек в нашей семье мыслит здраво, — вздыхает отец и уходит. Ни спокойной ночи, ни пожелания приятных снов. После исчезновения Андрюшки со мной живут чужие люди, раньше я их не знал. Эй, ребята, кто вы? Где стремление отца всё обращать в шутку? Где строгий тон мамы, просивший вернуться к обеду?

Я вздыхаю, иду в туалет, а когда возвращаюсь, замираю на пороге. Тусклый свет из коридора обнажает взгляду пустую кровать-кораблик у окна. Я закрываю дверь, подхожу к ней и ложусь. Как непривычно. Оказывается, вот под каким углом Андрюшка видел комнату, когда просыпался.

Я активирую телефон, экранчик — маленькая точка света, посреди бескрайной тьмы комнаты.

Я: Ты собираешься брать завтра Сергея?

Стёпка: Да.

Я: Ты же обещал больше не вмешиваться ни во что.

Стёпка: Придётся Серому понять, что вмешиваться нужно.

Я: Кажется, мы разрушили мир твоему брату *пугливый смайлик*.

Стёпка: Ему это полезно, пусть поразмышляет, а то так и умрёт спортсменом.

Я улыбаюсь и переворачиваюсь набок. Интересно, что большой брат думает о сегодняшней посылке? Неужели и правда пытается объяснить происходящее с рациональной точки зрения?

Мне его жаль.

А потом я разговариваю с подушкой, как будто это Артём.

— Две недели, — говорю я. — У меня всего лишь две недели, чтобы найти тебя. И я найду. Я знаю, где ты, мне бы только способ отыскать к тебе двери.

Я обнимаю подушку и становится как-то приятно и грустно одновременно.

— Вот увидишь, я верну тебя в семью.

После этих слов сон медленно начинает пожирать меня, и я отрубаясь в кровати Андрюшки. Всю ночь мне снится, будто маленькая чёрная коробочка засасывает меня, и боль раздирает тело. Я часто просыпаюсь вспотевший и почти плачущий, но кошмар не отпускает.

*****

Меня будит телефонный звонок Стёпки. Я с трудом расцепляю веки и мычу в трубку звуки, похожие на алло.

— Ты что, ещё спишь? — голос Стёпки немного суетливый.

— А сколько время?

— Уже десять. Давай поднимайся, мы скоро подойдём.

Связь обрывается, и я сажусь на кровати. Десять? Прямо вот десять ноль-ноль? А почему у меня состояние, будто только недавно рассвело?

Всё ещё потирая сонные глаза, я чищу зубы и только сейчас осознаю Стёпкино мы. Мы на подходе, как-то так он сказал. Значит, всё же уговорил Сергея пуститься в опасное

путешествие!

На мне всё ещё Стёпкина футболка. Надо одеться во всё новое. Я так и поступаю, даже нижнее бельё меняю. Джинсы — только вчера из стирки, белая майка без всяких надписей и имитация рокерской кожанки, так сказать — летний вариант, из тёплой блестящей ткани. Когда солнце печёт, в ней не так жарко, а вот когда холодно, как раз самое то. В сорокаградусный мороз она не спасёт, но предполагаю, что за полярный круг нас не отправят.

Наскоро побросав в себя разные бутербродики, я выхожу на улицу. У ворот уже беседуют Стёпка и Серый. Друг в привычном одеянии: цветная футболка и излюбленные клетчатые рубашки поверх, а вот Сергей, как истинный спортсмен, в белой обтягивающей майке, демонстрирующей его мускулы.

Завидев меня, Стёпка машет рукой, будто я их не вижу.

— Мы можем опоздать, — говорит он. — Бежим быстро.

— Не суетись, — Серёга касается плеча брата. — Здесь пару кварталов, дойти — пять минут.

В принципе, в нашем маленьком районе до любого дома можно дойти за пять минут. Меня вдруг пробивает на сентиментальности.

— Серёг, — говорю. — Ты извини, что так всё получается. А ты вообще изверг, травмируешь своего брата! — строго грожу Стёпке.

— Стоп-стоп-стоп! — Серый перекрещивает руки. — Тайм-аут! Никто никого не травмирует.

— Да, — уверенно кивает головой Стёпка. — Он сам увязался.

— Ну во-первых, не увязался, — хмурится Сергей. — Просто, я просил тебя, идиота, ни во что не вмешиваться. Знаешь, что вчера он устроил мне? — Серый смотрит теперь на меня. — Сказал, что пойдёт в любом случае. Что даже если я запрю его, он вылезет в окно. Мне и так вчера от папы весь вечер доставалось из-за канареек. А тут ещё этот истерики закатывает.

— Я же знаю на что давить, — гордо усмехается Стёпка и обращается ко мне: — К тому же, ты что думаешь, я бы позволил идти только нам двоим, слабакам?

— Вот это верный аргумент, — кивает Серый. — На это мозгов у него хватило. Я могу отправить в нокаут противника почти любой весовой категории.

— Даже весовую категорию с пистолетом? — хмурюсь я и усмехаюсь.

— А что, там могут быть и такие? — теряется Сергей.

— Да даже если будут! Кто решится стрелять в офисах посреди рабочего дня?

— Ну... в общем, идея сумасшедшая, — тут же вставляет Серый. — Но мне бы и самому хотелось разобраться с тем, что я вчера увидел. Да, с полицией сделать это проще, но первую встречу организуем с глазу на глаз, порвём пару лиц, надерём пару жоп, а уж потом в полицию.

Я улыбаюсь через силу. Кажется, Серый даже не понимает, с какой силой мы столкнулись, и Стёпка пользуется тупостью брата. И конечно футбольный нападающий совсем не понимает: стрелять в нас могут кое-чем бесшумным и покруче чем пули. Например: маленькие чёрные дыры.

— Тогда чего стоим? — жмёт плечами Стёпка, и мы несёмся по улице.

К жёлтой двухэтажке прибегаем и правда минут за пять, на часах пока 10.48. На какой-то момент я замираю и внимательно наблюдаю за зданием. С виду милое, утонувшее в

пестроте реклам, фасад окружён венчиком кустиков, и по углам здание охраняют четыре одинокие берёзки.

Пока я смотрю, из единственной железной двери, напоминающей чёрную заплатку, выходит девушка, смотрит на часы и спешит по улице.

— Пойдём же, — торопит Стёпка.

Я качаю головой и пересекаю за ним дорогу.

Чтобы проникнуть в здание не понадобилось звонить в домофон, дверь поддалась. Разжиревший парень на вахте даже не посмотрел в нашу сторону. Заведение гудело человеческими голосами, повсюду сновали офисные рабочие, глуповатые клиенты.

Поднявшись на второй этаж по крутой лестнице, мы попадаем в вестибюль с той же атмосферой. Дверь правого крыла распахнута настежь, сквозь неё можно увидеть людей-муравьёв, суесящихся вокруг своих муравьиных дел. А вот в левое крыло путь нам отрезала бирюзовая дверь. Стёпка потянул, та тоже поддалась.

И мы попали в другой мир.

Одинокие лампы дневного света — единственный источник звука. С обеих стен на нас глядели закрытые двери. За ними не слышно ни звука. Пока мы медленно двигались вперёд, Стёпка даже попробовал открыть парочку, но те оказались запертыми. На гладких деревянных поверхностях висят таблички:

Корпорация «Осень»

Клуб вязания «Красная Шапочка»

Отдел маркетинга «Абордаж»

— Смотри, — Стёпка отрывает меня от чтения, толкнув локтём в бок.

Прямо впереди, в тупике коридора, отличающаяся от всех своим месторасположением, прячется оранжевая дверь. На простеньком листочке формата А4, спрятанного в файл, чернеет:

кабельная компания

СОМЕРСЕТ

Ниже идеальный трёхлистный клевер, а на верхней планке косяке скромная 9, спрятанная в жестяном ромбе.

— Это наша конечная точка.

— Да тут глухо, как в гробу, — хмурится Сергей.

— Спокойно, внизу люди, никто стрелять не будет! — немного раздражённо говорит Стёпка. Он в нашем клине центральный. Делает пару шагов вперёд и тянет дверь на себя. Та поддаётся. Внутри меня обрывается жизнь.

Стёпка оборачивается:

— Мы входим или будем лясы точить?

— Только сразу предупреждаю, — шепчет Серый. — Вы у нас два умника, вот вы и будете там говорить. Я просто постою у двери на случай физической подмоги.

Стёпка улыбается и глядит на старшего брата как на наивного младенца.

— Ты у нас самый старший, поэтому могут говорить как раз с тобой. Хватит философии. Гоу-гоу-гоу!

С этими словами друг входит внутрь. Откуда у него столько энтузиазма? Удивляюсь. Вроде всю жизнь был серой мышкой!

Мы оказываемся в маленьком кабинете, не больше туалета в моём доме. Я понимаю, что папа сделал нам большой сортир, но всё равно, под это дело актовый зал не отведёшь.

Оцениваю площадь клозета в тринадцать квадратов. А если учесть, что правая и левая стены заставлены шкафами, нам остаётся небольшой коридорчик, в котором могло бы поместиться не более пяти человек. Жалюзи на единственном окне, плотно прикрыты, комната погружена в плотный мрак, а прямо перед нами высятся два придвинутых друг к другу стола, на которых спиной друг к другу спят мониторы.

И всё.

Ни одного живого человека.

— Слава те Господи, — вздыхает Серый. — Как я рад. Вот это я понимаю — не опасно.

Стёпка поворачивается ко мне.

— Кажется, нас ждёт онлайн конференция. Сударь, — вежливым жестом друг приглашает меня сесть за первый стол.

Только сейчас замечаю, что комнату нарушает тихое жужжание системного блока под столом. На его морде мигает зелёный огонёк. Компьютер работает.

Осторожно присев на старый скрипучий стул, я касаюсь мышки. Экран тут же озаряется. На всю диагональ раскидано поле скайпа, и в центре три стандартные кнопки, мне нужна та, которая ЗВОНИТЬ. Абонент — Доктор Вечность, время 10.57.

И я звоню.

Отвечают на третьем звонке. Несмотря на волнение, первым замечаю задний план: точь-в-точь такие же жалюзи, плотно закрытые, будто наш монитор пропал, и я теперь смотрю в сквозное окно.

В полумраке, на фоне окна, сквозь которое едва пробивается солнечный свет, сидит человек. Из-за недостатка света не могу разглядеть подробно его лицо, но замечаю белую бородку, тёмные очки, острый нос и чёрную кепку. Судя по иссохшему лицу, человеку лет пятьдесят, может, чуть меньше.

— А вот и мои юные господа, — улыбается человек. Его голос доносится из маленьких колонок, будто из рации. Средняя частота немного режет ухо. — Если вы здесь, значит, желание вернуть Андрея не пропала?

Он сидит спиной к окну, а мы — лицом, несмотря на тусклый свет, он видит нас всё же лучше, чем мы его. Что это? Стратегический ход.

— Здравствуйте. — Единственное до ужаса глупое слово, которое я смог из себя выдавить.

— Ну что, вы готовы к приключениям? — человек улыбается. Иногда изображение на долю секунды замирает, и на экране мелькают пиксели, которые уродуют картину. Возможно, сбой связи.

— А вы можете просто вернуть Андрея? — робко спрашиваю я.

— Конечно не можем, — возражает старик. — Для начала, я хочу, чтобы вы поняли, в какую сложную ситуацию попали. И чтобы это дошло даже до вашего стероидного товарища Сергея Герундова.

За спиной послышалось недовольное шевеление.

— Ту посылку, что мы вчера прислали, — продолжает человек, — это такой маленький портал в некое иное пространство, где царит векторный вакуум. Вы его обезвредили, и мы подумали: ну ничего себе. Какие-то мальчишки обошли нашу ловушку. Ваш ум, признаюсь, поразил даже нас. Поэтому, мы дарим вам шанс по извлечению юного господина Андрея Бреус.

Я вздохнул. Слова и радовали, и пугали одновременно.

— Извините, как вас зовут? — спрашиваю.

— Так и называйте меня: Доктор Вечность.

— Эммм... — мне неудобно, имя кажется глупым. — Доктор Вечность, а правильная ли у нас теория об Андрее?

— Да-да, — кивает доктор, и на долю секунды пиксели отбрасывают его правый глаз почти к краю экрана. — Всё верно, ваш брат, мой юный друг, застрял во времени. В двадцать третьем июле.

— Но как же он его проживает? — вперёд выходит Стёпка. — Он видит нас? По какому принципу прошлое зациклено? Как киноплёнка, или же тут другой принцип?

— О-о-о! — Доктор Вечность грозит нам пальцем. Лучше б он этого не делал. Пиксели тут же превратили руку человека в пугающее смазанное пятно. — Не всё сразу. Приходите сюда, и мы с вами всё обсудим за чашкой чая. После чего я вам подарю ключи от двадцать третьего июля.

— Погодите, — встречаю я. — А почему вы их не можете дать прямо сейчас? Для чего вам тянуть? Вам что-то от нас нужно?

— Именно, мой юный друг, — кивает Доктор Вечность. — Точнее — не совсем нужно. Скорее, я считаю, что вы ещё не достаточно заслужили наше доверие. Испытание со ШВВ, так мы называем шкатулки векторного вакуума, не совсем достаточное для столь эпичного подарка. Вам нужно пройти ещё несколько испытаний. И мы решили совместить их с дорогой.

— С какой дорогой? — хмурюсь я.

— Дело в том, что мы находимся в Питере, мой юный друг. Вам надо приехать к нам. Вы поедете по следующему пути. Покупайте билет до Сызрани, потом поезжайте до Москвы, а от Москвы до Питера.

— Простите... — вставил голос Стёпка. — Но мне кажется, что от нас до Питера есть прямой маршрут.

— Какие же вы непоседливые, — строго ворчит доктор, и на секунду пиксели превращают его лицо в асимметричную гримасу монстра. — Саратов-Сызрань-Москва-Питер. Что непонятно? Мне плевать, какие составы вы выберете, но с указанного маршрута не сходить. Если вы попытаетесь нас обмануть, то мы сразу это поймём и встреча не состоится.

— Хорошо-хорошо, — торопливо отвечаю. — Мы готовы к указанному маршруту, но Питер большой. Где вас искать там?

— Возьмите с собой сотовые, как только вы пребудете в северную столицу вашей родины, мы с вами свяжемся.

— Договорились, — киваю. — Но нам как бы...

— Продолжаем разговор, — Доктор Вечность перебивает меня. — Покинув эту комнату, в коридоре на полу вы обнаружите файл с банковской картой. Это карта Сбербанка. В любом банкомате вы сможете снять с неё деньги. Сумма там достаточно большая для одного человека, но для путешествия троих... вам придётся обходиться немногим. Рационально расходуйте ваши сбережения. Да, обязательно упомяну, для пространственно-временного континуума будет правильнее, если вы приедете втроём. Ты, твой умный друг и стероидный. В этом вопросе у вас выбора нет. Запоминайте, пароль от сберкарты: 1279. Повторяю: 1279. Запишите, если не запомните.

— Я запомню, — мрачно отвечает Стёпка.

— Доктор, а в чём будет состоять испытание? — тут же спрашиваю.

— В том, чтобы добраться до нас! — восклицает тот.

— Разве... это сложно? — я теряюсь. — Две пересадки и несколько суток поезда.

— Ах, ну да, — доктор театрально шлёпает себя по лбу. На экране движение получается столь размазанным, что я даже не сразу понял, что он делает. — Да, вам просто надо добраться, но я думаю, у вас это не получится. Дело в том, что вас всячески будут стараться убить. Попробуйте избежать смерти. Попробуйте выжить в мясорубке, в которую пуститесь, и тогда... Андрюша к вам вернётся, мой юный друг.

Какое-то время мы не в силах произнести и слова. В висках стучит одно-единственное слово: УБИТЬ. Хотя, не знаю, как у Серёги и Стёпки, но у меня стучало.

— Быстро повторю важную информацию: маршрут: Саратов-Сызрань-Москва-Питер, пароль карточки — 1279. Можете приезжать в любое время, но помните, — Доктор Вечность наклоняется ближе к камере, и я вижу его хитрую улыбку, обнажающую кривоватые зубы. — Чем дальше вы будете ехать, тем хуже будет становиться Андрею в двадцать третьем. Я жду вас. До свидания, мои юные друзья.

И Доктор Вечность отключается.

Комната на некоторое время погружается в оцепенение. А потом я поворачиваюсь и говорю:

— И что будем делать?

— Всё просто, — пожимает плечами Серый. — Тут же всё однозначно. Мы никуда не едем.

Я отрешённо устремляю взгляд в никуда и думаю. Поездка в Питер одному... это же невероятно страшно, особенно, если доктор не врал насчёт убийств. А может, подключить к этому вопросу маму и папу? Поверят ли они мне?

— Ты сам посуди! Питер! — Серёга обильно жестикулирует. — Нас будут пытаться убить. Да вертел я такое путешествие!

— Но... Андрей... — слова застревают где-то у губ. Я не знаю, как облечь чувства в привычную звуковую форму. — Если б я думал, что он умер, было б легче. Но теперь я знаю, что он жив. И если я откажусь от этой поездки, то как потом буду спать? Если буду знать, что бросил младшего брата где-то во времени.

Серый и Стёпка смотрели на меня по-разному. На лице друга блуждала печаль, которую он всячески пытался скрыть, а Серёга будто кактус проглотил.

— Ты чего?! — восклицает он. — Да ты Андрюху до самого конца опарышем называл? Да ты его ненавидел! А сейчас ты собираешься жизнью ради него рисковать?

— Я не знаю, — пожимаю плечами. — Когда он исчез, оказалось, что я его не ненавижу. Вот. Впрочем, я вас понимаю. Это же мой брат. Я не хочу вас ни к чему обязывать. Я поеду один.

— Нет! — тут же отрезает Стёпка. — Между прочим, это была моя теория. Я тебя обнадёжил, поэтому, мне тоже отчитываться. Поедем вдвоём, а Серый дома останется.

Теперь Серёга раскрыл рот и выпятил глаза.

— Я не пойму, что тут такое? Выставляют стратегию против меня?! — задыхается он.

— Никто против тебя не выстраивает стратегию, — сухо отвечает Стёпка, не глядя на брата и засовывая руки в карманы. Но я-то знаю, мой друг сейчас умело манипулирует мнением старшего. — Съездим в приключения, вернём Андрюшку, а ты позаботишься об отце в моё отсутствие.

— А кто будет заботиться о тебе?! — восклицает Серый. — Ты хочешь, чтобы отец оплакивал мать и тебя? Ну уж нет! Я просто тебе приказываю: ты никуда не поедешь! Или я позвоню сейчас отцу и всё расскажу.

Теперь Стёпка и злится, и теряется. Да даже я немного пугаюсь, разговор перешёл на серьёзные интонации.

— Давайте вы решите этот вопрос сами. — Мне внезапно не хочется быть центром семейного конфликта. О поездке для себя я уже решил. — Давайте выйдем наружу, посмотрим, какой подарок нам оставили за дверью, и по домам. Я сегодня разузнаю про билеты, и завтра отправлюсь. А вы уж сами решите.

— Тёмка говорит правду, — кивает Серый. — Нам надо расходится. Но я для тебя уже всё решил, ты меня понял? — Он указывает на Стёпку.

— Понял, — ноет тот, опустив взгляд и продвигаясь к двери.

В коридоре на полу мы находим канцелярский файл, в который вложена карта Сбербанка. Но если бы на этом всё. В файле прятались паспорт Сергея и свидетельства о рождении моё и Стёпкино.

Сергей рассматривает документы с выпученными глазами.

— Это действительно мой паспорт. Тут даже первые странички замызганные, потому что я намочил паспорт под дождём. Как они это сделали?

— Думаю, они способны на большее, — мрачно заявляет Стёпка.

— Так! — Сергей вручает мне моё свидетельство и карточку сбербанка. — Делай что хочешь, а мы идём домой.

Кажется, Серому пришёл предел. Забрав файл со своими документами, он хватается за Стёпку за руку и спешит на улицу. Я едва успеваю за ними. У ворот своего дома они даже не оборачиваются и сразу заходят во двор. Я вздыхаю, снижаю скорость и бреду к своему чертогу, что виднеется через несколько коттеджей.

И вот я остался один. Мне страшно и смешно. Я ни разу не пользовался банкоматом, ни разу не покупал билеты, ни разу не был на вокзале даже. Мы выезжали с родителями иногда на море, но летали самолётами. Не всегда хорошо быть сыном богачей, имеющих скудный жизненный опыт.

— Артёёёёёём! — слышу я голос мамы, когда уже почти подхожу к дому. — Артёём! Иди сюда!

Я припускаюсь, минуя изгородь и вот останавливаюсь у ворот. Мать стоит на крыльце в фартуке, руки испачканы в муке. Неужели она вылезла из раковины, в которой спряталась после исчезновения Андрюшки, и вернулась к прежним занятиям???

Но смотрит мама не на меня, а куда-то в угол двора. А потом я вижу мальчика с длинными коричневыми волосами, который бежит к крыльцу и кричит:

— Иду-иду!

У разбрызгивателя он останавливается, приседает и что-то подбирает в траве. На несколько секунд мне открывается его лицо. Мальчик младше меня, может даже года на два.

— Артём, пойдём быстрее! — зовёт моя мама, и теперь подозрительно глядит на меня.

Другой Артём, совсем не похожий даже на Андрея, одетый в детскую футболку, шорты, которые я бы назвал девчачьими, вскакивает и снова бежит к крыльцу. А сквозь сетчатую дверь мать продолжает сверлить меня взглядом, в её глазах оттенки подозрения и недовольства.

Когда другой Артём влетает на крыльцо, мать обхватывает его и вталкивает в кухню;

пока закрывается дверь, её хмурый подозрительный взгляд всё ещё долбит меня. Двор замолкает, в нём никого, а я стою в оцепенении.

Конечно, отдалённо я предполагаю, что произошло, но в это ни черта не верится.

— Что за фигня творится!?! — крик Серёги раздаётся на всю улицу. Он со Стёпкой уже спешит ко мне.

— Вас тоже домой не пускают? — мрачно спрашиваю.

— Там живут другие люди! — Судя по эмоциям Серого, внутри него творится армагеддон.

— Меня заменили на другого мальчика. Мелкого, чуть старше Андрюшки, — хмурюсь.

— Я же говорил, что они могут многое, — хмуро вздыхает Стёпка. — И они не нас заменили. Они заменили реальности. Мы с вами теперь в альтернативном мире, где в наших домах живут другие люди, а нас, может быть, вообще нет в истории.

*****

Для обсуждения проблемы мы выбираем Заводь. Метрах в двадцати от нас ныряет мелкий мальчик в голубых плавках, изрисованных неясным узором. Поначалу мы ни о чём не говорили, а лишь слушали стенания Серого. Поэтому мы и ушли от жилого квартала, чтобы соседи не вызвали на крики полицию.

Стёпка сидел на стволе сваленного дерева, — которого в нашей реальности не было, — подтянув правую ногу к подбородку. Я примостился на корточках у кромки воды. А Серёга орал. В основном, его словарный запас ограничивался ругательствами, а весь поток лился в ключе одного вопроса: что происходит?

Даже мальчик в голубых плавках принялся странно коситься в нашу сторону и вскоре ушёл вдоль берега подальше от нас.

— И что нам теперь делать?! — задаёт вполне конкретный вопрос Серый. В руках он всё ещё сжимает файл с карточкой и документами.

— Думаю, тут всё ясно как день, — пожимает плечами Стёпка. — Они хотят, чтобы мы поехали в Петербург. Они устроили на нас Голодные Игры. И теперь мы на полигоне.

— Зачем?? — Серёга хватается за плечи и встряхивает. Кажется, это первый раз, когда старший брат применяет к младшему физическую силу. Стёпка отворачивается и прикрывает глаза. — Зачем ты ввязался во всю эту фигню!?! — Вместо слова фигня Серый, конечно, заворачивает кое-что покруче. Он снова встряхивает Стёпку так сильно, что очки того съезжают на кончик носа.

— Он ни во что не ввязывался! — вступаюсь я, сжав кулаки. — Пусть это не моя теория, но это я всех вас втянул. Стёпка тут мозг! Он нашёл эту теорию. Мы должны опираться на его разум, а не трясти его! Он — наш мозг. — Получилось криво, но я выкрикивал фразы, которые приходили на ум.

Сергей покосился на меня зверским взглядом, зарычал и отпустил Стёпку, схватившись за свои волосы.

— Теория моя, конечно, я теперь выступаю виновником всего происходящего, — дрожащим голосом выдавливают Стёпка и поправляет очки. — Но всё равно, спасибо, Тёмка.

— Теперь, я думаю, стоит прекратить ныть и подумать о дальнейших действиях, — говорю. — Нам нужно в Питер. Как это сделать?

— Нам не нужно в Питер! — вопит Сергей! — Нам нужно домой!

— СЕРЫЙ! — Я никогда ещё не слышал, чтобы Стёпка так пронзительно кричал. — Ты что, совсем долбанутый?! Неужели ты не понимаешь, с какой силой мы столкнулись??? Или тебе до сих пор повсюду чудятся розыгрыши??? Эти люди, существа, твари, они не отпустят нас, пока мы к ним не приедем!!! Либо мы забиваем на всё и остаёмся навсегда тут, пытаемся выжить в этой реальности, где нас нет и не будет! Но только, знай, ты больше никогда не увидишь отца!!!

Серёга вдруг успокаивается, его лицо напоминает мордочку напуганного лемура. Медленно он садится на землю, упирает локти в колени и прячет лицо в ладонях.

— Послушай, — говорю я. — Ты самый старший из нас. У тебя опыта больше. Нам надо доехать до Питера, по указанному маршруту. Как это сделать? Куда дальше?

Но Серый молчит. Молчит долго, и я уже перестаю надеяться на ответ, как вдруг он обнажает бледное лицо и тоном полным безысходности произносит:

— Алгоритм тут простой. Едем на вокзал и покупаем билеты в указанных направлениях. Документы у нас есть.

— А деньги? Что с карточкой? — спрашиваю.

— Это в банкоматах Сбербанка взглянуть надо. По дороге можно сделать.

— А ты умеешь?

Серый печально усмехается в ответ.

— Ну тогда выход только один. Надо выдвигаться, — пожимаю плечами.

— Надо, — соглашается Стёпка и спрыгивает с бревна. — А ты, Серый, старше нас всех. Ты должен нас защищать. У тебя есть опыт и мышцы. Без тебя, я думаю, мы вряд ли доедем даже до Сызрани.

— Не надо меня уговаривать, — могильным тоном произносит Серёга и встаёт. Я огибаю парня и двигаюсь по тропинке, истоптанной мною в моей реальности. Здесь же подошвы касаются земли всего второй раз, и, надеюсь, последний.

Я уйду вперёд, а братья Герундовы специально тормозят. Стёпка обнимает Серёгу за плечи — ему приходится нехило тянуться вверх — и вполголоса говорит что-то успокоительное.

Они — братья. У них свой способ общения, недоступный другим, даже самым близким друзьям. А был ли у меня свой способ общения с Андрюшкой?

Усердно копаюсь в памяти, предполагая, что ничего не найду.

Но как ведь бывает. В жизни мы не замечаем своих поступков, но если нагрянет беда, прошлое стелется перед тобой, как осенний ковёр охровой листвы.

Ведь я же не всегда спорил и кричал с Андрюшкой. Да наоборот, конфликтов было меньше, чем положительных моментов. Пусть он всячески валил на меня свою вину, пытался сдать меня матери, если застукал за запрещёнными занятиями, но ведь некоторые секретные операции мы проворачивали вместе. Конечно, если мать заставляла нас, то Андрей немедленно облачал зачинщика, но сейчас это даже как-то и не злило.

Когда у него принялся криво расти зуб, когда гнойничок вылез прямо на заднице, когда он ноготь содрал, то пришёл ко мне. А я же знал, что недуги нестрашные. И я ведь ему объяснял, уговаривал, рассказывал подобные случаи из своей жизни.

А сколькому я его научил? Узнаю что-нибудь новое по биологии, и на заднем дворе ему рассказываю, когда мы в траве копались. А он слушал сначала удивлённо, а потом не верил: да хорош заливать, что у травы листья дышат!

Иногда я давал подзатыльник, а иногда даже злился. Но бывало и так, что Андрюха мне верил и слушал, будто я рассказывал ему самую интересную историю. Всё же, был у нас свой братский язык. А теперь на нём и поговорить не с кем.

Я шмыгаю носом и промаргиваю слёзы.

Я собран. Я спокоен. Я иду за тобой, Андрюшка!

На КПК охранник удивлённо косится на нас и произносит:

— Что-то я вас не помню тут. Вы точно местные?

— Мозги прочисти, — огрызается Серый.

— А документики не желаете предъявить? — хмурится военный.

— Вот обратно будем идти и предъявим. А на выход ты не имеешь права спрашивать документы, понял? — с наездом говорит Серый, и мы минуем шлагбаум.

Как он его ловко. Всё же без Серёги нам было бы сложновато.

И вот любимая «Искра Радости» остаётся за спиной. Дом закрыл двери и теперь не пустит на порог, пока мы не выполним задание. Нас ждёт чужой враждебный мир, который хочет нас убить. Мне становится пусто и одиноко.

С поникшим настроением мы устремляемся в сторону вокзала за билетами.

ШИЗОГОНИЧЕСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ

*Эта теория недостаточно безумна,
чтобы быть верной.*

Нильс Бор

*

Солнце светит, мир веселится, но мы не принадлежим этой реальности, мы — лишние элементы. Я и Стёпка сидим возле Сбербанка, Серый скрылся внутри.

— Интересно, они уже следят за нами? Как они будут нас убивать? — спрашиваю.

Стёпка всё время щурится и думает. Притаился на скамейке рядом и изучает жизнь муравьёв.

— Думаю, они видят каждый наш шаг, — говорит он. — А ударят тогда, когда мы меньше всего ждём. Хотя...

Стёпка глядит на отделение Сбербанка, что притаилось возле комиссионки и промтоваров. Из зеркальных ворот банка появляется Серый, машет нам рукой и скрывается в ярких витринах бутиков.

— Куда это он? — хмурюсь.

— Не знаю. Придёт — узнаем.

Мне становится грустно и одиноко. Снующие туда-сюда люди, весёлые ребята нашего возраста и помладше, что недалеко катаются на скейтах, — мы для них чужой материал, инородный объект. Может, они нас и вовсе не видят. Здравствуй, иная реальность, я твой гость. Ещё пару дней, и стану полноправным бомжом. Пока есть дела, я не буду ощущать себя чужим, но стоит плану рухнуть, стоит потерять цель, и всё. Начнётся жизнь уличного бичугана.

— Что ты хотел сказать? — спрашиваю я, отгоняя мрачные мысли.

— Когда?

— Перед тем, как вышел Серый, ты начал говорить хотя... А потом запнулся.

Стёпка, прищурившись, наблюдает за банком, и молчит. Выражение лица у него такое глубокое, что я испытываю прилив тёплых чувств. Хороший всё-таки друг Стёпка. Ввязался во всю эту авантюру, хотя, его она особо и не касалась.

— Мы знаем, что доктор Вечность и его команда сильны, — говорит Стёпка. — Но даже я не могу представить, что они умеют. Мы должны понимать, что как бы не продумывали свои ходы, какой бы план не строили, всё может рухнуть. Мы никогда не сможем предугадать каждый шаг, потому что у доктора Вечности в рукавах может оказаться неведомые нам джокеры.

Я сжимаю кулаки и губы.

— Вот доберёмся до него, и я ему всю его бородёнку пообрываю, — шиплю.

— Посмотрим, — скептически усмехается Стёпка.

Из бутиков выныривает Серый, уже в лёгкой летней куртке, и возвращается в банк.

— О, оделся, — хмурюсь. — Холодно ему что ли?

— Не, — качает головой Стёпка. — Думаю, что на карточке лежит очень большая сумма. Он хочет её всю снять, похоже.

Я задумываюсь.

Долгое время мы молчим, пожалуй, омрачают солнечный день только наши лица, а потом возвращается Серёга, и Стёпка оказывается прав.

— Там немеряно бабла, — с ходу выпаливает старший. — Я решил, что не стоит такие деньги таскать в джинсах...

— Поэтому купил куртку, — заканчивает Стёпка.

— Ага, — согласно кивает Серый. — Пойдёмте на вокзал и закончим уже со всей этой белибердой побыстрее.

До вокзала доехали на маршрутке. Всю дорогу молчали, мою голову терзало одиночество. Разум по кругу проигрывал картинку параллельного Артёма. Длинноволосый смазливый пацанчик, который, вероятно, собирает коллекцию фантиков от жвачек, увлекается ботаникой и слушает Колю Баскова. Этот пижон теперь заменяет меня. И мама его обнимает, и папа сажает рядом, когда смотрит Блудливую Калифорнию. Горько.

Наверное, Серый со Стёпкой тоже думали о своём доме.

На вокзале я бываю впервые. Просторный павильон со стадом крупнорогатого скота, стремящегося уехать в другие города, психологически давит. Первую минуту мы ведём себя как овечки, впервые попавшие в торговый комплекс.

Жилка здравомыслия остаётся только у Сергея, который твёрдо ведёт нас за собой в поисках касс. Если бы не было старшего друга, то догадка искать продажу билетов пришла бы ко мне через час, а ещё час я бы искал эти долбаные кассы. С Серым мы обнаружили положенное место за минут десять. Хорошо всё-таки, что мы взяли его с собой.

Выбрав свободные места в ближайшем зале ожидания, Сергей усадил нас на два свободных места, а сам понёсся к штуке, напоминающей терминал. Нахождение старшего товарища в десяти метрах от нас уже пугало.

Я хмуро и, наверное, испуганно оглядывал сидящих в зале ожидания людей. Ранее при фразе зал ожидания я представил бы аккуратные сиденья, как в аэропорту, интеллигентных людей, читающих газету или копающихся в недрах айфона, впрочем, именно так и было в аэропортах. Здесь стереотипы рушились.

Металлические сиденья занимала разношёрстная публика. Были и деревенского вида пары с выводком детей, которые носились между рядами и беспардонно кричали матом, и тройка подвыпивших парней в нестиранной одежде; на трёх сиденьях соседнего ряда развалился спящий обросший старик, судя по виду — бомж. А уж нерусских индивидуумов, кричащих понятную только им тарабарщину, не счесть. Хотя, среди этого паломничество я отметил и нескольких вполне адекватных людей аристократичного вида. Я старался концентрировать внимание на молодой девушке, сидящей с краю соседнего ряда и читающей книгу. Очень надеюсь, что не милицейский роман.

Кажется, Стёпка тоже растерялся и утерять способность логически думать. Его перепуганный взгляд сновал от одного человека к другому. В глазах горел единственный вопрос: эти люди хотят нас убить?

Уверен, что друг являлся зеркальным отображением меня, потому что тот же грёбаный вопрос не оставлял и мою голову как только ноги ступили на территорию вокзального балагана.

Серый копался у терминала очень долго. Прошло, видимо, минут тридцать. Я уже успел

поворачивать на него. Но вот он двинулся к кассам и занял очередь. Человек пять стояло перед ним, а это опять на полчаса.

За это время к нам успел подбежать бомжеватого вида мальчик лет восьми, протянуть руку и заговорить на чужом языке.

Я растерялся и пожал плечами, а он продолжал балалакать, протянув руку.

— Стёпка, чего он хочет? — хмурюсь я.

— Денег он хочет, — ворчит друг.

Чёрт, как же я сразу не догадался. Я опять жму плечами и громко восклицаю:

— Нет денег! Нету!

То ли мальчишка меня не понимает, то ли ему вообще плевать, потому что он продолжает выпрашивать монеты. Но внезапно, увидев вокзального полицейского, скрывается в толпе.

Я предполагал, что охранник, увидев этот балаган, начнёт кричать и выгонять всех подозрительных личностей, но тот лишь прохаживал вдоль рядов, скучно поглядывая на толпу, и зевал.

— Боже мой, Стёпка, я в аду, — стоною я.

— Ад только начинается, — отвечает друг. — Тебя ещё убивать не пробовали.

Я шурюсь. А вдруг в толпе спрятались агенты доктора Вечности? Например, тот самый бомж. Может, он лишь притворяется, что пьян и что спит. А мальчик, выпрашивающий деньги? Скрылся сейчас где-нибудь в толпе и следит за нами, готовый перейти в наступление, стоит одному из нас пойти в туалет.

Мои мысли прервал Серый. Он вернулся и сел рядом.

— Это какой-то кошмар, — простонал он, разглядывая билеты.

— Я полностью с тобой согласен, — говорю.

— В общем, билеты, твари, очень дорогие. У меня ушла большая часть денег. Взял до Сызрани купе и до Питера. От Сызрани до Москвы поедем на плацкартах. Там купе вообще за поднебесные цены. Ещё время неудобное, чёрт меня дери. Кто только придумал такие переезды!

Сергею приходится кричать, чтобы его хоть чуть-чуть было слышно в толпе.

— Сейчас у нас самый лучший поезд, — говорит он. — Кисловодск-Новокузнецк. Номер 059. Но отправляется, падла, только в 22.14.

— Это аж в одиннадцатом часу??? — у меня глаза на лоб лезут. — Только же обед.

— Знаю.

— А пораньше маршрутов не было? — спрашиваю.

— Иди и поищи, — зло ворчит Сергей. — Это расписание составлял какой-то козёл! Это ещё не самый худший вариант. В Сызрань мы приедем в половине четвёртого утра. А следующий поезд в половине третьего дня.

— Что? — Я задыхаюсь. — И что мы будем делать почти двенадцать часов в незнакомом городе?

— Похоже, танцевать и плясать! — опять ворчит Сергей. — Из Москвы в Питер куча поездов, но билеты раскуплены, хотел взять на четыре дня, так там одни сапсаны ходят. На них денег в два раза больше надо. Взял на шестьдесят четвёртый поезд. Но тоже придётся ждать долго. Часов четырнадцать.

— Это капец! — я хлопаю себя по лбу. — Теперь у доктора Вечности точно будут шансы нас убить!

Я злюсь на Серого. Понимаю, что он совсем не виноват, но он покупал билеты, а значит, злиться надо только на него.

— До поезда ещё больше шести часов, — говорит он. — Предлагаю слинять отсюда.

— А это целесообразно? — спрашивает Стёпка. — Нас хотят убить, помните? Здесь народу полно. Никто не рискнёт. А сейчас уйдём, и нас схватят где-нибудь в пустой улочке.

Сергей хмурится.

— Ну значит, будем держаться поближе к народу, — говорит он.

С одной стороны Стёпка прав, но с другой — я не хотел оставаться в этом чёртовом вокзальном балагане. И мы уходим. Рядом с вокзалом тусоваться негде, разве что только на стадионе Локомотив, который сейчас закрыт. Поэтому мы поехали по городу. Поужинали в кафешке. Держаться близ толпы — несложная задача, пока не наступило девять вечера и народ начал редеть.

Тогда решили выдвигаться обратно на вокзал. Тем более, наш поезд отходил уже через час с четвертью.

Народу в павильоне поубавилось, но не намного. Бомж продолжал спать на сиденьях, подтверждая мои подозрения насчёт шпионского заговора. В зале ожидания мы задерживаться не стали. Поезд уже подали на первый путь — Серый сверился с табло, — и мы отправились на перрон.

Смеркалось.

Снаружи вокзал гудел угнетающими звуками: двигались локомотивы, с едким шипением вырывались пары. Техногенный пейзаж обволок душу депрессией. Лица небольшой кучки людей на перроне пропитаны безысходностью, будто они пустились в последнюю поездку их жизни. В десяти метрах от нас старушка обнимала молодую парочку и плакала.

— СОСТАВ ПОЕЗДА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ, КИСЛОВОДСК-НОВОКУЗНИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ С ПЕРВОГО ПУТИ! — сообщил холодный женский голос из динамиков, а мы уже мчимся по перрону в поисках одиннадцатого вагона.

Хмурая толстенькая проводница проверяет наши билеты и паспорта, объясняет, что у нас пятое купе и пропускает внутрь.

Я будто попал в тюрьму. Узкие проходы, мрачный свет, спёртый воздух. Через пять секунд я уже хочу вырваться наружу, но меня сзади подталкивает Серёга. Пятое купе встречает меня разъявленной дверью. Внутри полумрак, а в воздухе будто витает смерть. Я осторожно сажусь и испуганно прислушиваюсь к звукам.

В соседнем купе кто-то переговаривается, слова размываются, долетая до ушей невнятицей, пугая ещё больше.

— Где-то здесь должен быть свет, — проворчал Серый и принялся обыскивать стены. Его торс занял почти весь проход между кроватями. Как же здесь тесно. Неужели народу так нравится ездить на поездах? Мы же живём в двадцатом веке, изобрели самолёты!

Когда щёлкнул выключатель, и едкий свет залил наше купе, сгущая мрак за окном, Стёпка произнёс:

— И лучшего способа нас убить нету.

— В смысле? — хмурюсь.

— Посмотрите, купе рассчитано на четверых, а нас трое. Покупаешь билет в наше купе, и накрываешь как котят.

Холодный страх на секунду остановил сердце. Стёпка, как всегда, прав.

— Будем надеяться, что они до этого не додумаются, — говорит Серёга.

— Уж кто-кто, а доктор Вечность как раз может, — вздыхает Стёпка и потирает плечи.

Через какое-то время поезд трогается. За окном едва мелькает станция, внутри туда-сюда снуют люди, даже не обращая на нас внимания.

— Думаю, стоит запереться, — вздыхает Серёга и прикрывает дверь в купе. Мы остаёмся в тишине. Слов нет, только пустое одиночество, страх и предчувствие смерти. — Хорошо, что к нам больше никого не посадили. Может, до Сызрани так и будем ехать одни, — пытается поддержать разговор Серый.

Кровати уже застелены, от белоснежного белья исходит запашок крахмала. Предполагаю, что на этих простынях поездил не один десяток человек.

В ближайшие два часа знакомлюсь с устройством поезда. Туалеты кажутся тесными и грязными, а когда узнаю, что все какашки летят на дорогу, живот сковывает смех.

Если поначалу сердце сковывал страх, то теперь мы выходили свободно. Хотелось есть, однако забыли купить что-либо в дорогу. Если бы не проводник, у которого продавались чай и разные сладости, погибли б с голода.

— Перед следующим поездом надо будет обязательно закупить жвачки, — деловито замечает Стёпка.

Мы говорим мало, слова дрожат, не показываем вида, но каждый думает, что следующего поезда может и не быть. Да ещё сраное одиночество. С каждой минутой за спиной оставались новые километры, а дом становился всё дальше и дальше.

Ближе к полуночи поезд остановился, тьма за окном пронзилась десятками ярких фонарей.

— Стоянка, — вздыхает Стёпка, откидывая занавеску и выглядывая наружу. — Может, кто-то подсядет.

Меня колет страх.

— Может, выйдем отсюда? — спрашиваю.

— Да я думаю, долго стоять не будем, там за окном какое-то село, — хмурится Стёпка.

— Но я спрошу, — мне становится не по себе. Представляю, как открывается дверь, за ней мужик с дробовиком, а мы в тупике... И я выхожу из купе. По изжёванному коврику я топаю к тамбуру, где почёсывает живот парнишка лет восемнадцати, в шортах и сетчатой майке.

Миную её и поглядываю на перрон. Проводница у двери сонно рассматривает билет стройного старикашки, придушенный свет бьёт прямо в глаза. Спускаясь по крутым ступеням мимо проводницы, слышу её голос:

— Пятое купе у вас, три мальчика там едут. Проходите.

— Я ещё чуточку на воздухе постою, — сухо отвечает старик, и я боязливо кощусь на него. Багажа нет, впрочем, как и у нас, не исключено — шпион Доктора Вечности. — Отправляемся скоро?

— Здесь большая остановка. Двадцать минут стоим, — отвечает проводница.

Прежде чем отодвинуться от нового постыльца пятого купе, успеваю заметить узкие очки на переносице, нос большой, прямой, чуть горбатый, как будто лицо старика сошло со статуи Моаи.

Я не слышу свои шаги, не слышу мыслей, которые стучат в висках. Мой убийца за спиной, возможно, сейчас он сверлит взглядом мой затылок. Или не взглядом, а дулом

дробовика.

— Тёмка!

Я вздрагиваю и почти вскрикиваю. Позади Стёпка и Серый.

— Ты куда ушёл? — хмурится старший.

— Короче, — шепчу я, приближаясь к своим друзьям. — Видите того старикашку? Он с нами едет. Я подслушал, когда выходил. У него пятое купе.

— Чёрт... Он на нас смотрит, — шепчет Стёпка, отворачиваясь. — Я же говорил, что дорога будет короткой.

Серёга хмурится и оценивает старика надменным взглядом.

— Этот дедок? Вы шутите? Да я его сломаю до того, как он достанет оружие.

— Оружие может быть необычным, — шипит Стёпка. — Например какой-нибудь фотонный размолекулятор.

— Да хоть ионовая чёрная дыра, — заявляет Серый.

— Ионная, — поправляет Стёпка.

— Мне интересно другое, — Серёга оглядывает окрестности. Кажется, его несколько не волнует шпион доктора Вечности. — Помост странный, станция очень странная.

Теперь оглядываюсь и я. Действительно странно: перрон деревянный, а не заасфальтированный, фонари, бьющие светом в тёмное небо, напоминают фашистские, я видел подобные в одном из фильмов.

— Что за станция такая? — хмурится Сергей.

— Колтупановка, — раздаётся позади голос.

Мы оборачиваемся и видим пожилого работника РЖД в соответствующей робе. Он опирается на железный лом и достаёт из кармана сигаретку.

— Никогда на этой станции поезда больше четырёх минут не задерживались, сейчас заминочка из-за сто пятнадцатого. Видите?

Рабочий указывает в сторону, откуда мы приехали, и тут же мимо, за нашим поездом с рёвом проносится другой состав.

— Вот сейчас он отъедет, и вы поедете! — кричит рабочий.

— Тогда нам стоит возвратиться, — улыбается Серый и приветливо кивает головой.

— Стоит, — раздаётся третий голос из темноты. Позади рабочего пряталось уютное здание-станция, и оттуда из-за открытой двери вышел он.

Оранжевый работник компании Сомерсет, которому я дал кличку Буратино.

**

Речь парализует, язык отнимается. Растерянный Стёпка не сразу догадывается, кто выходит к нам из мрачного проёма. Мимолётная встреча с Буратино двадцать третьего июля уже верно забылась моим закадычным умником. А вот Серый, не видевший до этого оранжевого сотрудника кабельной компании ни разу, смело спрашивает:

— А вы кто такой будете?

— Тот, кто вас в конце концов убьёт. Надеюсь сделать это сей ночью. Уж больно вы отнимаете время у нас.

На Буратино уже нет формы, однако рубашка всё равно оранжевого цвета. А на носу ещё сидят круглые тёмные очки, хотя даже фонари не в силах победить тьму, и света не

доставало.

Теперь и Серёга чуточку бледнеет.

— Мы ещё посмотрим чьи мышцы крепче, оранжевый баран, — говорит он.

Буратино улыбается, обнажая ряд идеально белых зубов.

— Теперь убить вас для меня дело чести. Особенно вас, Сергей Герундов.

— Кишка тонка, — улыбается в ответ Серый, но даже я чувствую блеф сквозь уверенные нотки голоса старшего товарища, а значит, Буратино и подавно услышал.

— Так! — внезапно восклицает работник РЖД, который растерянно переводит взгляд то на нас, то на Буратино и крутит в руках замученную сигарету. — Ишь чего устроили. А ну живо все четверо в вагон! Поезд сейчас отправится.

Думаю, этот небритый дядька хотел защитить нас, но испугался впутываться в неизвестную ему историю и решил нейтрализовать конфликт своим способом: отстранением, моя хата с краю, как когда-то двадцать третьего июля я поступил с Андрюшкой.

Буратино швыряет в мужчину испепеляющий взгляд и грозит нам пальцем:

— Я загляну к вам в гости.

С этими словами оранжевый подонок рысцой несётся к одному из задних вагонов.

— Он что, с нами поедет? — шепчет Серёга, приближаясь к вагону, где у входа проводница скучает уже одна.

— Похоже на то, — чуточку испуганно произносит Стёпка. И эта ночь впервые кажется мне холодной.

Мы забираемся в вагон, как раз когда механический голос за окном через динамики оповещает, что поезд отправится через пять минут. По дороге к купе мы активно шепчемся о Буратино и его преимуществах. Стёпка утверждает, что до Сызрани мы не доедем, потому что оранжевому монстру стоит только войти в наше купе и нас накроет как крыс в мышеловке. Дискуссия резко обрывается, когда мы вваливаемся к себе и немедленно вспоминаем: едем-то уже не одни. Старик с бородой сидит на левой нижней полке и копается в своей небольшой походной сумке. На столе перед ним притаился стакан с ложкой.

Заслышав нас, бедовый старичок отрывается от занятия, приветствует и снова углубляется в сумку. Умерив болтологический пыл, мы втроём присаживаемся напротив. А ведь мы думали, что именно этот дедок и будет шпионом доктора Вечности, вот дураки-то.

Я стараюсь не смотреть на спутника, но время от времени взгляд срывается в его сторону, кусками выхватывает потёртую белую сумку, растрёпанную седую бороду, птичьи лапки морщинок у глаз. В тишине купе шуршание пакетов в сумке кажется оглушающим.

Наконец старик достаёт коробку с чаем, а Серёга, сидящий у окна, отодвигает занавеску и едва слышно шепчет:

— Тронулись.

Замечаю несколько коротких заинтересованных старческих взглядов, брошенных в нашу сторону. Распаковав худенький пакетик с чаем и бросив его в стакан, старик поднимается и выходит из купе.

— Я думаю, с этим стариком нам будет проще, — шепчу. — Буратино не рискнёт нас убивать при свидетелях.

— Не удивлюсь, если нашему Буратино срать на свидетелей, и он уберёт их вместе с нами, — хмыкает Стёпка.

— Давай без драм, — строго хмурится Серый. — Ты этого доктора Вечность слишком... боготворишь.

— Идеализируешь, я бы сказал, — поправляю старшего. — Кто знает, насколько он силён.

— Полагаю настолько, что... — но Стёпка не успевает договорить. Возвращается старик. Кипяток в его руках медленно окрашивается в оранжевый цвет.

— Чайку не хотите, ребятки? — бодрым голосом спрашивает он.

— Нет, спасибо, — сухо качает головой Стёпка.

— Да у нас и кружек нет, — добавляет Серый мягким тоном, сквозящим добром и уютом.

— Так и у меня нет, — вздыхает старик, усаживаясь напротив нас. — Я у проводника взял. Проводник кружки выдаёт. Обязан по правилам РЖД.

— Ну мы тогда в другой раз, — морщится Серый.

— Другого раза может и не быть, — отвечает старик. — Если через пару минут не закроем купе, ваш оранжевый нагрет не постучав.

Кажется рот раскрыл не только я, но и мои товарищи.

— А вы... откуда его знаете? — мямлит Стёпка.

— Так вы точно чаю не будете? — спрашивает дедок.

— Да не будем, не будем, — нетерпеливо отвечает Стёпка. Его тон чуточку грубоват, что, признаться, случалось редко с моим умником товарищем.

— И нет у нас чая, — пожимает плечами Серый, и каким бы дружелюбным ни казался его голос, в глазах сверкают тревога и недоверие.

— Да я бы с вами поделился, — отвечает старик. — Но если не хотите, быстрее закрывайте дверь.

Стёпка не заставляет себя долго ждать и задвигает вход в купе.

— На замок закрой, — просит старик. — Вон там вот пипочку поверни.

Стёпка выполняет все указания, и я немного успокаиваюсь. Если великий логик нашей компании не чувствует в старике опасности, значит, не стоит особо беспокоиться.

Стёпка возвращается на кровать слева от меня, а старик уже размешивает в стакане сахар, который появился из той же потёртой белой сумочки.

— Теперь к нам никто не зайдёт, кроме проводницы, — задумчиво произносит старик.

Ощущаю напряжённость тела Сергея, готового рвануться вперёд, если дед начнёт себя вести неадекватно. Жаль, что Серый сел у окна и заблокировал себя столом, но разве предугадаешь все действия наперёд.

— Так он к проводнице зайдёт и попросит открыть, — заявляет Стёпка.

— Ему это не нужно, — качает головой старик. — В этой реальности агент Вечности будет вести себя незаметно, тихо как мышка, не поднимая суеты. Думаю, ограничится проходом по вагонам, в надежде, что вы не заперлись.

Теперь у меня холодеют все конечности. Старик прекрасно знает доктора Вечность, Буратино и, вероятно, кучу всяких полезностей, которыми поделится с нами. А не захочет, так Серый его заставит.

Диалог продолжил холодный и решительный Стёпка. Нет, ну он, конечно, всю жизнь был логиком, но каким-то тихим, молчаливым. А сейчас в него будто капитанский дух вселился.

— Вы не хотите нам ничего рассказать? — спрашивает он.

— Ну а для чего я здесь, в вашем купе, — насмешливо смотрит на друга старик. Смотрит как на наивного ребёнка.

— Ну так начинайте, — нисколько не смущается Стёпка.

— Начну я, пожалуй, с представления, — старик медленно откидывается на стенку, сжимая в руках горячий чай. — Называйте меня Шаман. Можете считать меня революционером, членом сепаратистского движения. В любом случае, в нашей неформальной организации я занимаю не последний пост и неотъемлемо участвую в борьбе.

— Против кого? — хмурюсь я, хотя уже знаю ответ.

Шаман смотрит на меня немного другим взглядом. Я бы даже сказал уважительным.

— Против доктора Вечности, конечно, — кивает старик. — Мы обычные люди, хотя... как вы понимаете, не совсем обычные, если следим за такими существами, как доктор Вечность и его агенты. Но я к тому, что никакими сверхъестественными способностями мы не обладаем. Мы, скорее, рука мести, топор обиды, который вызвал Вечность своими аморальными действиями.

— А точнее можно, — просит Стёпка.

— Примеры. Примеры, — требует Сергей, которому, надоело молчать в словесной дуэли.

— Мы те, кому доктор насолил в своё время. Примерно так же, как и вам с Андрюшкой.

— Вы знаете про Андрюшку? — восхищённо задыхаюсь я.

— Конечно. Мы следим за каждым шагом доктора. Честно говоря, не думали, что один из вас догадается раскусить ситуацию.

— Это всё Стёпка, он у нас очень умный, — гордо заявляет Серый, и, несмотря на сосредоточенность, мой друг кротко улыбается. Правда, только губами.

— Да, но другие же Стёпки не догадались, — пожимает плечами Шаман.

— Какие другие? — хмурится Стёпка.

— Неважно. Слушайте дальше. Прознав, что с вами связался Его Величество, мы связались с вами, чтобы предупредить и подготовить.

— Как вообще выглядит этот доктор Вечность, — не унимается Стёпка.

— Не представляем, — качает головой старик. — Никто из нас его не видел.

— Почему? Он от вас скрывается.

— Нет. Многим из наших доктор давал такие задания, как и вам, но никто до него не доезжал.

— Значит, у нас нет шансов, — вздыхает Стёпка. — Их убивали?

— Единицы погибли, — отвечает старик. — Большинство не выдержало испытаний и затерялись в шизогонических реальностях.

— Каких реальностях? — хмурюсь.

— Об этом чуть позже. Затерянных находили мы, и они примыкали к нашему движению, впрочем, как и вы примкнёте, если эта дорога сломает вас. Но единицы и добирались до него, только мы уже потом ничего не могли у них спросить.

— Почему? — шепчет Стёпка.

— Потому что они бесследно исчезали.

Серый бледнеет, Стёпка закусывает губу.

— Вы хотите сказать, что доктор их убивает?

— О нет, мы просто теряли их след. Это легко. Поверь, Артём, если бы твоего брата похитили разбойники и продали бы в рабство в Таиланд, ты бы тоже его не нашёл. Потому

что не хватило бы возможностей. А сколько так пропадает в год людей.

— То есть, вы хотите сказать, что у вас просто не хватило возможностей? — уточняет Стёпка.

— Так точно.

И вдруг кто-то дёргает нашу дверь. Стёпка, сидящий к ней ближе всех, испуганно отшатывается, что чуть не разбивает головой мне нос, а Шаман прикладывает палец к губам. Мы замираем и прислушиваемся. Тишина в купе резала уши, впрочем, казалось, будто за дверью никто не шевелится. Но я вроде фантомно слышу дыхание Буратино, притаившегося в полуметре от нас.

Дверь ещё раз дёрнулась, а потом лёгкие шаги удалились дёргать соседнее купе.

— Ну вот, — шепчет Шаман. — Опасность пока позади, можем продолжать разговор.

— Он точно не вернётся с ключом и проводницей? — хмурится Стёпка.

— Поверь, малыш. — Шаман отхлёбывает чай. — Так вот. Да, у нас не хватает возможностей понаблюдать за теми единицами, которые добиваются-таки до доктора, но это не исключает тот факт, что с людьми происходит что-то плохое. Я склонен с равной вероятностью утверждать, что герои как получают положительное достижение цели так и умирают.

— Вы думаете, что доктор Вечность промозглый злодей? — спрашиваю.

— Не исключено, — кивает Шаман. — Могу вкратце рассказать о вашем путешествии. Сейчас он погонит вас по шизогоническим реальностям... Да, что это такое. Вы уже попали в одну из них, когда возвращались по домам и обнаружили, что вас заместили другими детьми. Шизогоническая реальность, это реальность, похожая на реальность персонажа. Если вы всю жизнь жили в одной ветке реальности, то все другие, отличающиеся от вашей, будут шизогоническими.

— Типа, альтернативными, — уточняет Стёпка термин, который вертится в моей голове сразу, как только зашла эта тема.

— В точку, — кивает Шаман. — Вы будете часто переходить из одной в другую. И всякий раз доктор Вечность будет стараться загнать ваши жизни во всё большую задницу. С тех пор как вы покинули свою реальность, вы совершили ещё один переход.

— Где? — удивлённо воскликнули мы со Стёпкой.

— В поезде, — улыбнулся Шаман. — Он любит перекидывать людей в поездах. У вас часто будет меняться обстановка, исчезать люди. Колтупановка, такой деревни нет ни в вашей реальности, ни в той, в которую вы потом перешли.

Опять мне становится страшно.

— Вариантов почти нет, — вздыхает Стёпка. — Нас будут испытывать как солдат до самого Питера, а в конце ещё неизвестно что нас ждёт. Возможно Доктор Вечность укокошит всех троих как котят. Что он вообще может? Я хочу знать потенциал его силы.

— С одной стороны, у него не так уж и много способностей, — говорит Шаман. — Но те, которые есть, дают доктору преимущества над нашими в сотни баллов. Он живёт вне времени.

В купе повисает пауза. Если я и Стёпка примерно понимаем, что это значит, то Серёга напоминает деревенского идиота, поэтому спрашивает:

— Это что значит?

— Это значит, что доктор может прийти завтра в 1945-ый год, послезавтра заглянуть в 2016-ый, и так далее. При этом ещё, он может посетить любую из шизогонических

реальностей. Эта способность позволяет ему вести разные манипуляции со временем. Например, заикливать его, перемещать обычных людей по пространству и времени. Понимаете, о чём я?

В купе снова повисает задумчивая тишина. Не знаю, о чём соображают спутники, но меня терзает единственный вопрос, который я спешу задать:

— А как же Андрюха. Зачем он заиклил его в двадцать третьем июле? Почему именно Андрей?

— Не знаю, — пожимает плечами Шаман. — Пока мы заметили лишь, что доктор оставляет в заикленном времени чаще людей в интервале от Единичек до Пятёрок. Реже — от Пятёрок до Восьмёрок. Но зачем он этой делает, мы пока не разобрались.

— Что значат Единички и Пятёрки?

Шаман задумчиво отхлёбывает чай и пропускает вопрос мимо ушей.

— Я могу вам помочь, — говорит он. — Возможно, вы тоже бесследно исчезнете для меня, когда доберётесь до доктора Вечности, но зато я могу обеспечить вам проездной билет. Ксиву, по которой резко поднимется вероятность благополучного исхода. Предполагаю, что если у вас всё получится, то доктор Вечность может запросто отдать вам Андрюшку.

— Давайте! — восклицаю я. — Давайте же!

— У меня такой ксивы нет. Я вам расскажу как её достать. Сначала я хочу поведать вам о Глобусе Эфира. Семь артефактов, единые во всех шизогонических реальностях. Глобус Эфира — это нечто, помогающее читать пространство и время как... обыкновенный глобус помогает найти любой город на планете. Доктор Вечность растерял все семь.

— Разве он сам не может управлять пространством и временем? — задумчиво хмурится Стёпка.

— Может, но его работа без Глобуса сильно замедляется. Всё равно что вам надо решить кучу примеров с умножением семизначных чисел, но вы потеряли калькулятор и все вычисления производите на листочках бумаги. Работа замедлится в разы, плюс существует вероятность на ошибку. То же сейчас и с доктором Вечностью. Ему необходим один из семи Глобусов, но он не знает, где они находятся.

— Дайте догадаюсь, — вдруг произносит Серёга, чем удивляет нас. — Вы знаете, где находятся Глобусы.

— Один из, — отвечает Шаман. — И сейчас я расскажу вам очень важные конфиденциальные сведения. В ваших же интересах не болтать их, ибо к вашему приезду любой злоумышленник уже попробует забрать Глобус. Но не это меня пугает. Информация может дойти до агента доктора, и он перепрыгнет Глобус.

Мохнатые брови Шамана сдвинулись к переносице, и выражение лица впервые превратилось в серьёзную маску человека, решающего важные стратегические задачи.

— Конечно, мы никому не скажем, — торопливо проговорил Стёпка. — Поведайте нам правду.

Шаман строго обвёл нас взглядом и заговорил:

— В Москве, по указанному адресу, который я напишу позже, находится музей. Им владеет тот самый человек, который минуту назад пытался проникнуть к нам в купе.

— Буратино, — говорю.

— Что?

— Мы называем его Буратино, — уточняю. — Из-за длинного носа.

Шаман чутка улыбается только губами, затем продолжает:

— Ваш Буратино — агент доктора Вечности, но он же и предатель доктора. Он-то и спёр последний Глобус у доктора. Если вы вернёте артефакт, доктор точно расщедрится. Буратино спрятал Глобус в своём музее, защитил его особым силовым полем, и приставил к Глобусу охрану из двух человек, которые меняются каждые четыре часа. Дядьки тоже особенные. Эти существа только с виду люди. В реальности — они роботы. Их не берут пули, огонь и другие вида оружия. На двери висит кодовый замок. Вам нужно выкрасть этот Глобус и притащить его доктору.

В купе в очередной раз повисла тишина. В голове царила каша.

— Подождите, — хмурится Стёпка. — Вы хотите, чтобы мы вошли в музей монстра, который за нами охотится, дошли до заветной двери, прошли сквозь неубиваемую охрану, силовое поле, поборолись с кодовым замком... Вы хоть код знаете?

— Код постоянно меняется, — отвечает Шаман. — Мы не можем узнавать код с подобной частотой.

— Ах, да, — пожимает плечами Стёпка. — Это действительно очень сложно. Но мы, трое мальчишек, с этим, конечно, справимся. Раз плюнуть.

— У вас есть козырь, — говорит Шаман. — Козырь, которого нет у нас и который мы ждём годами. Ни у кого, кроме вас, нет большего шанса проникнуть к Глобусу.

Мне становится интересно.

— Если этот козырь сделает нас суперменами, то я соглашусь с вашими утверждениями, — говорит Стёпка. — Так какой у нас козырь?

— Он. — Шаман внезапно тыкает в меня пальцем, и я теряюсь. — Вы, два брата, никогда не смогли бы забрать Глобус. Причём, моё никогда нисколько не утрированное. Это самое настоящее никогда! Наше же сепаратистское движение не может одолеть этот музей, хоть штурмом его бери.

— А что такого в Тёмке? — хмурится изумлённый Сергей.

— Он — Девятка.

— Да что за цифры, вы можете объяснить? — требует Стёпка.

— У человека... как бы девять уровней ауры что ли. Мы их просто называем человеческие энергетика. Каждая энергетика отличается чем-то особенным. Пусть каждая имеет свои преимущества, но энергетика Единичек, например, слабее Двоек и так далее. У доктора и его агентов энергетика Девяток. Люди с энергетикой Девятки рождаются очень-очень редко. Единица на десятки тысяч людей. Доктор немного боится Девяток. Почему? Потому что он не может подмять под себя свою же собственную энергетику. Я не знаю, почему он рискнул запереть в двадцать третьем июля именно Андрея. Он должен был учесть Девятку Артёма, но вот... его пути неисповедимы. Вообще, Девяткам часто везёт. Я не удивлён, что вы догадались о запертом в одном дне мальчишке, потому что повторю: Девяткам действительно везёт.

— Это я придумал, — тут же парировал Стёпка. — А я, верно, не Девятка.

— Не Девятка, — соглашается Шаман. — Но общаешься с Девяткой. Девятки — это вообще такие люди, которые в купе с другими цифрами дают очень интересные сочетания. Ты такой умный благодаря своему другу. Без него ты тоже был бы умным, но чаще терялся бы и допускал неудачи. Да. Видимо, это и есть ключевое слово Девяток: удача. Девятки — это универсальная энергетика.

Пока старик это говорит, он часто смотрит на меня. Я краснею, но мне чуточку гордо.

— Берд какой-то, — вздыхает Сергей.

— Отнюдь, молодой человек, — качает головой Шаман. — Артём сможет уничтожить все преграды в музее, кроме силового поля.

— А что с ним делать? — спрашиваю.

— Тебе — ничего. Ты просто пройдёшь через него. Через него проходит, вероятно, ваш Буратино, — а я уверен, что агенты Вечности — сущие Девятки, — с лёгкостью пройдёт и доктор. Понимаешь, о чём я?

— Силовое поле пропускает Девяток? — спрашиваю.

— Именно. Люди от Единичек до Восемёрок не смогут пройти сквозь это поле или убрать его. Но Девятки — с лёгкостью.

— Ну хорошо, хорошо, — кивает Стёпка. — А как устранить охрану, как подобрать код?

— Вот теперь поговорим об оружии, — отвечает Шаман и отодвигает пустой стакан, доставая свою сумочку. — Я могу показать вам такую вот штуку. — Старик достаёт аппарат похожий на пистолет. — Такого оружия у нас полным-полно. Некоторые действуют для всех, некоторые только для той или иной ауры. Некоторые стреляют светом, другие — огнём, кислотой, даже обычными пулями. Понимаете?

Стёпка прищуривается.

— Кажется, понимаю. Ничего это не возьмёт охранников и дверь.

— Точно.

— Но у вас, вероятно, есть оружие, которое может активировать только Девятка.

— В точку, — кивает Шаман и убирает подобие пистолета. — Оно сможет разнести охранников в клочья, выбить кодовый замок, что не понадобится никакого кода. А через силовое поле вы... ты, Артём, пройдёшь и без него. Это оружие может убить даже Буратино, и, возможно, доктора Вечность.

— Это уже мне нравится больше, — кивает Стёпка. — Давайте же его.

— Не могу, — улыбается Шаман. — Оно чуточку громоздкое. Не рыцарские доспехи, но и не поместится в эту сумочку. К тому же, стоит произвести некоторые... хм... небольшие операции с Артёмом в лаборатории.

Я слегка пугаюсь, и Шаман замечает по моему лицу.

— Ничего страшного, — спешит заверить он. — Ничего хирургического. Маленький прокол кожи. Ты его и не почувствуешь. Проверено. В Сызрани у нас есть лаборатория. По крайней мере, в некоторых шизогонических реальностях. Когда приедете туда, вас встретит наш агент. И если на тот момент доктор переместит вас в реальность, где не будет нашей лаборатории, агент переведёт вас на нужный уровень. На этом у меня всё. Есть вопросы? Только задавайте побыстрее, ибо мы уже подъезжаем, а чай просится наружу. Через несколько минут начнётся санитарная зона.

Долго висела тишина. О каких вопросах вы говорите, дедушка, у меня голова опухла, как будто я только что узнал все тайны мироздания, и пытаюсь разобраться в их концепциях.

— Вижу, нет вопросов.

— Нет, — вздыхает Стёпка. — Всё предельно ясно.

— Тогда, с вашего позволения, — Шаман встаёт и выходит, не забыв прихватить сумочку. — Вернусь через пару минут.

С открытой дверью, в душу врывается чувство опасности. Где-то там, извне, бродит Буратино. Что если он стоит недалеко возле окна? Но старик, кажется, уже не боится его и исчезает за углом, оставив купе открытым. Стёпка немедленно исправляет это и падает на

кровать Шамана.

— Ни в какие рамки не лезет, — ноет он, схватившись за голову.

— Что здесь вообще творится? — нервничает Сергей. — Я половину не понял из слов этого деда.

— Я понял всё, — отвечает Стёпка. — Но это так...

— Огромно, — заканчиваю за друга.

— Что-то типа того.

— Тогда может, вы мне объясните, — просит Сергей.

— Что мы будем тебе объяснять, — недовольно отзывается Стёпка. — Задавал бы вопросы Шаману. Вот вернётся и спроси что непонятно.

— Да ну. Я как-то стесняюсь, — потупил взгляд Серый.

На несколько секунд меня охватывает мерзкое предательское желание бросить все эти походы в Питер, мой чёртик в подсознании как бы взвыл: ты взвалил на себя непосильную ношу для тринадцатилетнего парнишки. Но я постарался заткнуть его. И даже не из-за совести перед младшим братом. Я слишком далеко зашёл, чтобы отступить. Вернуться домой — вот теперь цель. Или умереть от руки таинственного доктора Вечности. Но остаться в хаосе шизогонических реальностей, стать сумасшедшим стариком, который охотится за недоступными для людей вершинами — нет. Влачить существование бомжа с плюшками. Увольте.

— Ну кто что думает по сложившейся ситуации? — спрашивает Стёпка, оглядывая меня с Сергеем.

— Сидеть тебе надо было дома и не высовываться, ворчит старший.

— Это интересно, — кивает Стёпка, и в его голосе я слышу неудовольствие. — Только мне нужны факты, а не стенания о прошлом.

— Всё это так сложно, что я боюсь, что мы не справимся, — говорю, стараясь перевести тему, дабы между братьями не разразилась ссора.

— Хорошо, а что делать? — шипит Стёпка. — Давай, сейчас старикашка вернётся, а мы ему скажем: ох, извините, для нас это так сложно, хочу остаться с вами и стать вашим агентом.

— Ни за что. Это убого, — хмурюсь.

— Погодите, а кто сказал, что у этого Шамана есть какое-то движение? — вдруг спрашивает Серёга. — Мне кажется, что у него ничего нет, кроме бубна.

— Старичок статный, — пожимает плечами Стёпка и задумчиво глядит в никуда. — Хотя, может, и нет, но вот в Сызрани мы же и проверим. Я так понимаю, что каждый из нас склонен идти дальше. До победного конца?

В общем, так мы рассуждаем ещё некоторое время, поезд начинает тормозить, и только тогда мы замечаем, что Шамана нет уже почти двадцать минут.

— Что же такое, — хмурюсь я. — Может, его Буратино встретил? Давайте я схожу и проверю.

— Стой, — Серёга хватает меня за плечо. — Опасно это. Не вернулся, так не вернулся.

— Но он же нам не дал адрес этого гадского музея, — возмущаюсь. — Где нам его искать?

Стёпка внезапно выходит на поверхность из размышлений и говорит:

— Если нас действительно встретит его агент, то, думаю, проблема решена. А вот в туалет, думаю, можешь не ходить. Ты всё равно не найдёшь там нашего старикашку.

— Почему? — хмурюсь.

— Предполагаю, что нас снова переместили в другую реальность.

Я холодею, а Серый вдруг вскрикивает:

— Вы посмотрите, что за окном!

Мгновенно сорвавшись с мест, мы липнем к стеклу, и я вижу пейзаж меня пугающий. Состав проезжает мимо здания, видимо, вокзала. Обшарпанные жёлтые стены больше напоминают тюрьму, на окнах массивные ржавые решётки, перрон огорожен противотанковыми ежами с протянутой между ними колючей проволокой. И вдоль здания вокзала, в зловещем свете фонарей, высятся часовые в зелёных пограничных куртках, с оружием в руках. Некоторые держат на цепи овчарок. Их глаза хмуро наблюдают за проносимыми окнами, а во взгляде читаются холодность и враждебность.

Прежде чем поезд остановился, я заметил, как один из таких солдатиков тащит за волосы пожилую женщину, а та упирается и вопит. Картинка пронеслась мимо меня за три секунды, заставив сердце сжаться.

— Неуютная реальность, — хмурится Стёпка.

— Ох, сидеть бы сейчас дома и попивать чай, — заныл Серый.

— Нам нужно выходить. — Стёпка пропускает слова брата мимо ушей и направляется к двери.

— Стой! — Серый резко отталкивает меня и хватается за руку Стёпки. Я больно ударяюсь о рамку с сеткой над кроватью и шиплю. — Там может быть опасно. Первым выхожу я.

— Ну ладно, — качает головой Стёпка. — Вперёд, герой.

Наступив мне на ногу, Серёга обходит младшего брата и выглядывает наружу. Поезд уже несколько секунд стоит, мимо нашего купе двигаются люди с багажом. За окном беспокойные выкрики. Тревожную атмосферу перрона пронзает голос из динамиков:

— ПОЕЗД ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ПРИБЫЛ НА ПЕРВЫЙ ПУТЬ. ВНИМАНИЕ В ПРИБЫВШИМ, ВЫ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ДОСМОТР В ПАВИЛЬОНЕ ВОКЗАЛА ПЫТАЙТЕСЬ БЕЖАТЬ. ПОПЫТКА К БЕГСТВУ НАКАЗЫВАЕТСЯ РАССТРЕЛОМ.

Вот теперь мне совсем страшно. Здравствуй, реальность-ужастик.

— Пойдёмте, — тем временем зовёт Серый и машет рукой.

Втроем мы выходим из купе и двигаемся по блёклой ковровой дорожке. Прямо перед нами широкая спина парня в сетчатой футболке. Мне в спину упирается молодая пара. При выходе я успел заметить их тревожные лица.

Вот и тамбур. Внизу возле двери стоит всё та же проводница, только теперь с холодным лицом, а рядом высится один из солдатиков. Он беспардонно светит ярким фонарём на лестницу. Луч ударяет меня в лицо и слепит. Спускаюсь я почти на ощупь, но с последней ступеньки всё же падаю.

Меня подхватывают крепкие руки и швыряют в сторону. Едва успеваю перебирать ногами, чтобы не упасть.

— Двигаем! Двигаем! — слышу позади грозный голос и теперь могу различить полупустой перрон, мощёный помост, людей, стремящихся к выходу.

— Тёмка! — чувствую, как в мою руку забирается ладонь Стёпки. — Пошли. Давай не будем никого провоцировать.

Я немедля нагибаю голову и шагаю, куда меня тащат. Краем глаза замечают Серого, который оглядывается по сторонам, как бешеный кролик. Ближе к входу человеческая толпа сгущается, превращаясь в однородную массу. Пограничники — или кто они там —

скопились у боков дверей и порою подталкивают прикладом зазевавшихся.

А потом я вообще теряю все органы чувств, потому что меня сминают в комок. Я ничего не вижу, дядька сзади сильно упирается в затылок, и моё лицо размазывается по спине идущего впереди парня. На какое-то время я теряю способность видеть и иногда даже вдыхать. Лишь рука Стёпки всё ещё крепко сжимает мою ладонь.

Звуки, витающие под потолком, напоминают базарный гам. Иногда я выхватываю из невнятицы понятные мне слова, но их смысл расстраивает, и я едва держусь, чтобы не описать.

— Ловите эту женщину! — крикнул чей-то высокий голос. Слышу выстрелы. Потом в воздух взлетает гамма визгов. Я стою в спину парня впереди, а Стёпка крепче сжимает руку.

Внезапно лицо обдаёт ветерком, опора исчезает, и я открываю глаза. Мы стоим перед аркой-металлоискателем. Впереди два крупных солдата ощупывают парня, в которого я только что упирался носом. Чтобы не привлекать к себе внимания, опускаю голову, но Стёпка внезапно сдавливает мою руку до боли, что мне приходится вскинуться.

Я вижу глаза друга, огромные, изумлённые, наверное, это самый удивительный взгляд, который я видел на Стёпке за всю жизнь. Он смотрит куда-то вперёд, и его губы беззвучно шепчут:

— Мама?

***

Я ничего не понимаю.

Слежу за взглядом друга, и внезапно застываю сам. Справа от металлической регистрационной стойки кучкуются три солдата, с вынюхивающей овчаркой. Фигура в центре оказалась женщиной, и разорвите меня напополам как Алесса Кристабеллу, если в чертах лица не прячется знакомый профиль тёти Марины. Тот же ровный нос как у Стёпки, брови, глубокий взгляд моего друга, только вот вместо золотистых кудряшек у неё теперь крупный ёжик, выглядывающий редкими волосами из-под каскетки.

Я смотрю на женщину несколько секунд, а она уже замечает нас, и в то же время понимаю, что уже битую минуту грозный голос то ли охранника, то ли таможенника просит меня пройти под аркой. Он кричит.

Лицо тёти Марины меняется со строгой едва ли не жестокой маски на изумленную гримасу. Её губы шепчут то ли беззвучно, то ли столь тихо, что голос поглощается гамом толпы. Я не слышу, но вижу эти слова. Они материализуются в воздухе: Стёпка-сын.

А потом меня грубо дёргают в сторону и несильно бьют чем-то по пояснице. Боль заставляет отвлечься от тёти Марины. В ухо орут:

— Если ты не глухой, то лучше тебе оглохнуть немедленно! Иначе я тебя пристрелю как бешеную собаку! Где багаж?! Что у тебя под одеждой! На полный досмотр сейчас пойдёшь!

Теперь перед глазами разъярённая морда полицейского-таможенника.

— Я... я... — пытаюсь что-то сказать, но страх заставляет забыть все слова.

— Где багаж?? — вопит таможенник, и лицо у него искажается гневом донельзя, вот-вот лопнет. А по моему телу уже снуют руки молодых таможенников. Лезут в карманы, проверяют подкладки куртки.

Успеваю краем глазом зацепить тётю Марину. Стёпка и Серёга уже рядом с ней, обнимаются. Обо мне не забудьте, ребята!

— Без багажа, — выдавливаю, наконец таможеннику. — Я приехал...

— Что ты мямлишь? Что ты мямлишь??? Можешь говорить громче???

— Я с ними, — тыкаю в сторону тёти Марины. На секунду гневная рожа таможенника отрывает от меня взгляд, чтобы лицезреть обнимающуюся семью. А потом мужик снова орёт: — Тут таких блатных каждый второй! На полный досмотр его!

Меня хватают сильные руки, но я в сердцах кричу:

— Стёпка!

Не вижу друга, надеюсь, в базарном гаме вокзала мой вопль не потерялся. Мы проходим шага два, а потом останавливаемся. Нам кричат, и голос я уже ни с каким другим не перепутаю. Именно он уже столько лет взывал из недр соседнего дома: Стёпка, обедать!!!

— Идите сюда! — кричит тётя Марина.

И вот меня уже подвели к ней. Стёпка и Серёга прячутся за плечи матери и испуганно выглядывают, словно котята, сбежавшие от взрыва петарды. Строгий взгляд тёти Марины бегло оценивает меня с ног до головы, а потом женщина, чуть повернув голову, но не отрывая от меня колючего взгляда, спрашивает у сыновей:

— Он?

— Да-да, он, — лепечет Стёпка.

Твёрдая рука тёти Марины хватается за плечо и тянет к себе. Ничего так сила, неуверен, что у матери моих друзей из нашей реальности такая же хватка.

А потом мы идём. Толкаемся в толпе приезжих и движемся в неизвестном мне направлении. Замечаю в походке тёти Марины армейскую выправку, ещё одно отличие от той женщины, которую я знал всю жизнь.

— Может, я совершаю глупость, — говорит она. — Но материнское чутьё не обманешь. Я чувствую своих детей. Я чувствую... Пусть это и странно. Я сама же хоронила вас. Видела мёртвые тела в гробах. Кидала первых ком земли на вашей могиле...

Тётю Марину перебивает выстрел из центра зала. Казалось бы здесь, в этой реальности, люди уже должны привыкнуть к взрывам и огню, но слышатся новые вскрики, тётя Марина притормаживает и оборачивается. А потом я слышу ещё один голос, который знаю и не так давно, но не спутаю ни с каким другим:

— Внимание! Это оранжевый патруль! Всем оставаться на своих местах!

Крик Буратино усиливает громкоговоритель. Я вижу парочку человек в оранжевых костюмах и с автоматами наперевес, но владелец голоса остаётся за кадром.

— Мы разыскиваем нескольких беглецов-оппозиционеров. Мы проведём патрулирование зала, и до тех пор, пока не закончим, отсюда никто не выйдет!

Оранжевые ребята уже проникают в толпу, а Стёпка начинает дёргать мать за руку.

— Мама, пошли быстрее, это за нами.

За нами??? В сложившейся куралесице, кажется, я потерял способность мыслить. А ведь это и правда за нами, кто ещё мог понадобиться доктору Вечности и его прихвостням.

На лице тёти Марины растерянность.

— Это не могут быть за вами. Вы террористы?

— Нет, — шёпотом хнычет Стёпка, утаскивая мать за собой. — Но это и не совсем полицейские.

Да почему же никто из таможенников не выгонит Буратино? Почему его не скрутят и не

арестуют? Почему все, чёрт возьми, слушают его? Вопросов больше, чем ответов, и я просто позволяю себе двигаться за вереницей своих друзей.

— Ладно, я попробую протащить вас через один из чёрных входов, если оранжевые ещё не перекрыли их, — шепчет тётя Марина. — А уж потом вы мне всё расскажете. Двигаемся как можно тише и быстро.

Под лёгкую панику и негромкий шум голосов, мы пробираемся к колонне, что возвышалась в каких-то нескольких метрах от нас, и я вдруг испытываю непревзойдённое чувство одиночества. Чужая реальность, мать с отцом в неизвестном где, тут можно было держаться только за Стёпку и Сергея, но теперь, когда нашлась тётя Марина, они немедленно образовали своеобразный костяк, где я — чужак.

Да-да, не иначе.

Вы только посмотрите на лицо Стёпки: и страх, и бурная радость, и безграничное удивление. А уж на гримасе Серёги бестолковый восторг читается как на ладони. Что тётя Марина прикажет сделать, то они и сделают. И плевать, что никакая это не тётя Марина, а солдафон из параллельной реальности, которая, судя по недавним словам, уже похоронила своих детей. Красивый финал трогательной мелодрамы: детишки теряют единственную мать, а в альтернативной вселенной она же теряет своих детей, но вот семья воссоединяется. А Артёмка Бреус? А что он? В любом художественном фильме должны быть жертвы. Санта Барбара заканчивается. Спасибо за внимание. Минута молчания в честь погибшего Тёмки.

Когда мы проникаем в коридор за колонной, я почти злюсь.

Здесь народа почти нет, поэтому мы быстро минуем мрачный старомодный павильон и вот я уже вижу арку металлоискателя и чёрный ход, ведущий в город. Дорогу нам преграждают два солдафона.

— Женя, Андрюша, нам надо выйти, — не останавливаясь произносит тётя Марина.

— Марина, стоп! Мы не можем вас выпустить. Приказ оранжевых, — растеряннс произносит молодой солдат блондинчик.

— Женя, — хмурится тётя Марина. — Они со мной. Мы торопимся. У нас нет времени ждать окончание досмотра.

— Ну... я... — теряется Женя.

— Мы не выпустим! — вдруг твёрдо произносит второй солдат, которого, судя по всему, зовут Андрей, и его ладонь ложится на рукоять пистолета. — Быть может ты ведёшь в город террористов. Нам не нужны такие проблемы.

— Какие террористы! — восклицает тётя Марина. — Это же дети! Мои дети! Андрюшка, приглядиись, вот Стёпка, а вот — Серёженька.

Тётя Марина выставляет напоказ ребят, подталкивая их в спины.

— Они же вроде как подорваны, ты похоронила их в прошлом году, — хмурится солдат.

— Я сама многого не пойму, но, кажется, здесь всё гораздо запутаннее, чем мы с тобой видим. Но поверь, это моя семья! Неужели ты думаешь, что я — солдат выше тебя званием — могу быть террористкой? Или кто-то из моих детей.

На лице Андрея блуждает замешательство, и вдруг его глаза падают прямо на меня.

— А это тогда кто? — строго спрашивает он.

— Друг сыновей. Мы его и встречали! — не менее строго отвечает тётя Марина.

— Адрюх, ну ты чего? — шепчет солдат Женя. — Это ж наши. Выпускаем их.

— Я б выпустил. Но подставу чую пятой точкой, — хмурится второй солдафон. — Вот что я вам скажу. Ты, Марина, и твои дети сейчас выдут отсюда, а вашего странного спутника

я оставляю в здании вокзала, пока не кончится досмотр.

У меня ноги холодеют. Мурашки перед глазами подсказывают, что я вот-вот хлопнусь в обморок. Кажется зря я написал в голове столь правдивый сценарий сложившейся истории. Вижу, что и тётя Марина в замешательстве.

— Как тебя зовут? — спрашивает женщина.

— Артём, — едва слышно выдавливаю я.

— Господи, она даже не знает его имени. — Солдат Андрей заводит глаза и хлопает себя по лбу той рукой, что не лежит на пистолете.

— Может, он посидит на вокзале, пока досмотр не закончится? — ворчат губы тётки Марины.

И что же мои друзья?

Что они?

Серый, похоже, готов на всё, лишь бы вырваться. И молчит. А вот Стёпка изумлён.

— Мам, нет, — громко шепчет он. — Его нельзя здесь оставлять. В нём-то вся суть. Если его найдут...

Потом Стёпка вдруг закусывает губу, а солдат Андрей немедленно достаёт пистолет.

— Всё понятно! — вскрикивает он. — Я не знаю, что у вас на уме! Может вы и не террористы! Но ситуация дурная! — Он наводит ствол НА МЕНЯ. — Всем отойти на шаг назад!

— Андрей! — кричит тётя Марина.

— Марина! Ты выходи. Я даже детей отпущу с тобой! Но этот тип никуда отсюда не уйдёт.

Санта Барбара закончилась. Спасибо за внимание. Я хоть и отхожу назад, хоть и почти падаю без сознания от ужаса, но усмехаюсь. Усмехаюсь почти со слезами на глазах.

— Дети, пойдёмте, — шепчет тётя Марина.

— Нет, — упирается Стёпка.

Серый молчит.

— Дети, пойдёмте! — Слова тётки Марины звучат как приказ. — Серёжа, бери брата.

Растерянный Серый смотрит на меня, потом на мать.

— Тёмка, извини, я не могу послушаться маму, — лепечет он.

— Да никакая она не мать вам! — злобно вскрикиваю я и почти бросаюсь на Серёгу.

— Назад! — кричит солдат Андрей.

— Артём! — кричит Стёпка.

Тётя Марина тоже хватается за пистолет.

Этот фарс мог продолжаться долго, в конце, возможно, меня даже убили бы, но нас прерывает голос:

— Мальчики пойдут со мной и немедленно.

Когда я вижу говорящего, меня охватывает непреодолимое восхищение. За нами пришла почти копия молодого Арнольда Шварценеггера, что-то из раннего терминатора. Тёмные очки, кожаная куртка, только лицо другое. Образ, на который я всю жизнь молился и на который так стремился быть похожим. Мне даже кажется, что передо мной взрослый я.

В руках парень сжимал два пистолета, которые нацелил на таможенников.

Первой среагировала тётя Марина. Она молниеносно вытащила оружие и вскинула его в сторону молодого Арнольда. Прогремел выстрел. Андрей, не успевший вытащить пистолет, хватается за ногу и с криками валится на пол. Теперь дула Арнольда сверлят таможенника

Женю и тётю Марину.

— Извини, парень, — обращается человек к Андрею, — руки у меня не три.

— Бросай оружие! — кричит тётя Марина, а Женя бледнеет и теряет.

— Я никого не хочу убивать, — говорит Арнольд. — Иначе я бы пристрелил уже вашего товарища. Мы воюем не с вами. Отдайте мальчиков и разойдёмся, иначе мне придётся убить, — ударение на слово придётся.

— Бросай оружие! — повторяет тётя Марина.

— А ты что скажешь? — спрашивает Арнольд у Жени. Таможенник медленно поднимает дрожащие руки и отступает.

— Мне мало платят, чтобы я рисковал жизнью, — мямлит он.

— Какой хороший мальчик, — улыбается Арнольд и переводит оба ствола на тётю Марину. — Давайте оставим дуэль, дамочка.

Я восхищаюсь новым персонажем, а Стёпка вдруг поражает меня следующей выходкой. Он выскакивает вперёд и прикрывает тётю Марину своим телом.

— Не стреляйте в неё! — выкрикивает он.

— Не буду, если она отпустит вас со мной, — отвечает парень.

Уже догадываюсь, что молодого Арнольда послал старик Шаман, как мои мысли сбивает шум из главного павильона. Тётя Марина внезапно опускает пистолет и тихо говорит:

— Я иду с ними.

— Тогда нечего стоять и лясы точить! Вперёд-вперёд! — вопит Арнольд и освобождает нам проход.

Под кряхтящие крики Андрея, наш квартет скользит на улицу. Слышу позади, как раненый таможенник пытается орать:

— Сюда! Они здесь!

У выхода я мешкаю, но молодой Арнольд хватает меня за плечо и толкает вперёд.

— Давай-давай, — шепчет он. — Нам нужен только ты. Не задерживайся.

Его слова прибавляют энтузиазма и в темноте ночи я бегу по чужому асфальту в неизвестное мне вперёд. Но свист пули заставляет меня вздрогнуть и автоматически пригнуться.

Вдоль фасада вокзала, с чёрного хода пробирается взвод оранжевых. Опоздали, ребята.

— В машину! — командует Арнольд и кивает на чёрную Хонду у обочины. Пригибаясь, мы спешим к автомобилю, что сливается с ночью в десятке метров от нас. А по нашему уже квинтету открывают огонь.

Ну не сказать, чтобы посыпался град пуль, но редкие выстрелы засвистели над головой. Одна пуля сверкнула возле ноги, царапая искрами асфальт, ещё одна врезалась в обшивку седана. А мы уже забираемся на заднее сиденье.

Уши оглушают выстрелы Арнольда. Тётя Марина, засунувшая нас на заднее сиденье, лишь коротко спросила:

— Этому человеку стоит доверять?

— Да, он от Шамана, — тут же отвечает Стёпка.

Кажется, он тоже догадался, хотя чего это я, это ж Стёпка, а вот на лице Сергея немедленно нарисовалось удивление: откуда ты знаешь?

Да и тётя Марина не поняла ни слова, лишь недовольно хлопнула дверцей и тоже открыла огонь по оранжевым, пробираясь к переднему сиденью.

В общем, как в голливудских боевиках, взрослые, отстреливаясь, забрались в машину, и Арнольд дал газ. В зеркале заднего вида высвечивалось холодное сосредоточенное лицо парня. И лишь когда одна из пуль задела стекло и то покрылось паутиной трещин, Арнольд выплюнул грозное ругательство: твари. Ну... почти. Эквивалент этого слова, только пожестче.

Автомобиль мчался по ярко освещённым улицам Сызрани, а я с облегчением откинулся на сиденье и смотрел, как за окном проносятся шокирующие меня картины. Впрочем, что описывать, всё происходящее на вокзале будто перенеслось за его стены. Кучки людей, испуганно бегущие рысцой вдоль фасадов зданий; много солдат, кого-то арестовывающих; парочка парней, бьющих стёкла.

На лице Серого читается лёгкий шок, Стёпка вроде чуть напуган, но в глазах вечная задумчивость. Тишину салона нарушает голос тёти Марины.

— Так! — говорит она. — Давайте разберёмся.

— Да... мне бы тоже хотелось, — осторожно произносит Серёга.

— Что ты хочешь понять, мама? — устало вздыхает Стёпка.

И только Арнольд молчит. Когда перестрелка осталась позади, он снял очки и теперь я постоянно ловлю его взгляд в зеркале заднего вида. Ему интересен я. Только я.

— В прошлом году, двенадцатого октября, оппозиционеры взорвали школу, погибло триста детей. Среди них — вы. Ваши тела нашли под обломками. Хоронила вас я. Мы с отцом долго не могли найти себе места, но сейчас, когда жизнь более-менее встала на рельсы, появляетесь вы. Как, чёрт возьми?

Стёпка вздыхает.

— Это долгая история, и, мне кажется, тебе не обязательно знать всё до последнего факта. Боюсь, ты можешь не понять.

Взгляд Арнольда снова мелькает в зеркале заднего вида, но смотрит уже на Стёпку.

— Скажи только одно, — тётя Марина оборачивается, я замечаю пистолет, который она всё ещё сжимает. — Ты — мой сын или не мой?

— И да, и нет, — отвечает Стёпка.

— Не может быть либо ДА, либо НЕТ, когда речь заходит о материнстве! — выкрикивает тётя Марина и вновь откидывается на сиденье.

— В нашем случае может, — кивает Стёпка. — Нас родила ты, но другая ты. Из другого мира.

— У меня голова взорвётся сейчас! — восклицает тётя Марина.

— Можно сказать, у нас две мамы, или даже больше, — говорит Стёпка.

— Ещё раз повторю, такого быть не-мо-жет!

— Ну тут вы ошибаетесь, — наконец произносит Арнольд. — Вы пока не представляете, с чем столкнулись.

Тётя Марина возмущённо хмурится, дескать что это за насекомое тут пищит, а вслух спрашивает:

— А вы вообще, кто такой? Мозг террористической банды?

— Меньше всего нам хочется вникать в ваши террористические банды. Мы — организация разряда повыше.

— Вы только скажите мне: вы правые или левые?

Арнольд наивно улыбается и произносит:

— Мы средние, мадам.

Восхищение этим парнем достигает невероятных высот.

— Никакая я не мадам. Просто объясните мне, что здесь происходит?

Взгляд Арнольда вновь скользит по мне, и я читаю в его карих глазах вопрос: кто будет всё рассказывать?

Ох, кто угодно, только не я. Это мама Стёпки, вот пусть он и отдувается. С безразличным видом я отворачиваюсь к окну, а Стёпка вздыхает.

— От тебя, мам, нам тоже нужна кое-какая информация. И давай ты начнёшь первой.

— Ну уж дудки, — тётя Марина оборачивается. — Мои дети погибли. Кто такие вы, я не знаю. Поэтому не собираюсь, поддаваясь только лишь материнскому инстинкту, рассказывать военные тайны...

— Никто не просит рассказывать военные тайны, — вздыхает Стёпка. — Скажи просто, что вокруг происходит? Почему люди друг в друга стреляют, что за военное положение?

— Вы что, телевизор не смотрите...

И Арнольд вдруг вздыхает.

— Даааа, — протягивает он. — Если я не вмешаюсь, эта белиберда будет продолжаться ещё очень долго, а мы уже скоро, между прочим, подьдем. Ребята, думаю, вы догадываетесь, что попали в одну из шизогоческих реальностей.

— Мы поняли, — отвечает Стёпка. — Вы от Шамана?

— От него, — кивает парень за рулём. — Думаю, он рассказал вам дальнейшие наши действия. Вы же попали в ту связку миров, где введено особое положение. В стране введено положение КТО. Сначала были бунты против существующего правительства, пытались уладить дело внутренней дипломатией канонерок, не получилось и ввели режим КТО.

— А это как? — спрашиваю я.

— Контртеррористическая операция. В общем, сражаются тут против повстанцев. За проведение операции следит особый правительственный отряд оранжевой бригады. Или, в народе, просто оранжевые.

— Что по мне, так они вылитые СС, — ворчит тётя Марина.

— Короче, у нас гражданская война, — вздыхает Арнольд. — Есть вопросы, молодёжь?

Мы молчим, наверное, сложно переварить ситуацию, тогда наш спутник обращается к тётя Марине:

— По сути, это и ваши сыновья и не ваши сыновья. Они пришли из параллельного мира, где нет вот такого вот положения. У них своя цель.

— Чего? — хмурится тётя Марина. — Что за лапшу вы мне на уши вешаете?

— А вы думаете, ребятам из мира, где солнышко светит и никто никого не убивает, легче осознать ужасы окружающего их нового мира?

Как бы в подтверждение слов Арнольда, кто-то швырнул на асфальт бутылку, и та разлетелась зелёным фейерверком почти у колёс машины. Арнольд резко вильнул вправо, отбрасывая нас друг на друга.

— Господи, что за день, — взмолилась тётя Марина. — Расскажите подробнее об этом, потому что пока плохо верится.

— Не расскажу, — отвечает Арнольд. — Потому что дальше вам будет вериться ещё хуже.

Несколько минут тётя Марина зависает, а потом вздыхает:

— Нет, ну творящийся вокруг хаос, конечно, изменил моё мировоззрение, но чтобы настолько.

— Я попробую вас сейчас познакомить с людьми, которые объяснят вам лучше, — говорит Арнольд.

— А куда мы, собственно, едем?

— В нашу штаб-квартиру. Нам нужно провести операцию над одним молодым человеком.

— Мой сын?! — восклицает тётя Марина, даже не уточняя, какой из.

— Нет-нет, успокойтесь. Это я про другого молодого человека.

Лицо тётя Марины просветляется, она будто вспоминает про меня и оборачивается.

— Да, кстати, а ты кто вообще такой? — спрашивает она.

— Я... — теряюсь и не нахожу ответ, но Стёпка меня выручает.

— Это наш друг из нашей реальности, — выпаливает он.

Вздох тётя Марины разливается по салону и звенит в ушах.

— Это какое-то сумасшествие, — шепчет она.

Следующие пять минут мы едем молча, а потом машина начинает тормозить.

Здание, возле которого застывает автомобиль, напоминает маленький атриум, окружённый редкими тополями. Света в ночной мгле разлито мало, и молчаливый полумрак пропитан таинственностью. В этой точке вселенной так тихо, что даже деревья не шумят на ветру.

— Выходим, — коротко командует Арнольд и выбирается в таинственность.

Машина упирается в широкий съезд вниз, скорее — подземный гараж. Возле ржавых металлических ворот тьма сгущается столь плотно, что я боюсь в ней задохнуться. Пока Арнольд не подошёл к домофону, я слышу биение наших сердец.

Код парень набирал воровато, нарочито закрыв домофон спиной. Тётя Марина, наверное, не спускает руки с рукояти табельного оружия. Я не вижу, но предполагаю, что так оно и есть.

Кнопки тоненько пискнули шесть раз, а потом дверца приоткрылась и мы попадаем в мрачный подвал с бетонными стенами. Дверь позади с грохотом закрывается, и Тёмка в ловушке. Уйдёшь ты отсюда уже каким-нибудь генномодифицированным.

В отличие от могильной тишины снаружи, в коридорах штаба оппозиционеров доктора Вечности витает призрачная невнятица. Судя по шуму, людей здесь немного, но хотя бы они есть.

Один раз, петляя в лабиринтах пыльных коридоров, мы прошли мимо открытой двери, из которой лился яркий свет и внутри, в помещении цехового типа, возле монитора толпилась троица мужчин.

Как-то страшновато. Благо с нами — взрослая, с оружием, которая в случае форс-мажора выведет нас отсюда, хотя, кому я вру. Тётя Марина скорее спасёт своих сыновей, я же для неё чужой мальчик.

Арнольд открывает дверь, обитую малиновым драпом, и мы попадаем в просторную комнату. Если бы не трубы отопления, торчащие из-под стендов и шкафов, комнату можно было бы назвать уютной. За круглым столом в центре восседал мужчина лет сорока, вальяжно закинув ноги на поверхность стола, и попивал, судя по запаху, кофе. Другой парень возился с куллером.

— Вот и они, — беззаботно бросает Арнольд.

— Отлично! — хлопает в ладоши мужчина с кофе. Один хлопок. Громкий. Моя судьба предрешена. — Кто из них идёт к Русланке?

Парень у куллера оборачивается и хмурится.

— Вот он, Артёмка, — Арнольд указывает в мою сторону.

— Тёмка, — улыбается мужчина. — Я очень рад знакомству с тобой. А... кто эта чувиха? — дядька тыкает пальцем в тётю Марину.

— Какая чувиха? — возмущается тётя Марина. — Я, между прочим, представитель власти.

— И что здесь делает представитель власти? — ехидно усмехается мужчина.

— Тут запутанная история, Витя, — говорит Арнольд. — Она является матерью других двух ребят, но из иной шизогонической реальности. В общем, они знают обрывочную информацию, оставляю их на тебя. Разберись с ними, а я пока отведу Артёмку к Руслику.

И всё.

Я остаюсь один. Когда дверь позади захлопывается с печальным скрипом и Арнольд уводит меня вглубь пыльных коридоров, мне кажется, выхода нет. Не покину я это здание. Новый персонаж моей жизни мне симпатичен, но оправдает ли он моё доверие?

Через тройку пролётов мы оказываемся в месте совсем не гармонирующем с унылыми подвальными кельями: кафельные стены, операционный стол, пару кресел и медицинские тележки с разными инструментами. Замечаю в основном шприцы. В целом комната напоминает просторную процедурную. А в воздухе витает лёгких запах спирта.

— Руслик, бей в колокола, я привёл Артёмку! — восклицает Арнольд.

Сгорбленная фигура у одной из тележек оборачивается и я вижу старика в резиновых перчатках. Грушевидная голова с лысиной и круглыми очками на тоненькой переносице придавала мужчине сходство с доктором Нефарио.

— Оооо, я рад видеть нашего юного героя, — хриплым голосом произносит доктор. Не нравится мне этот человек, очень не нравится. — Присаживайся на кушетку.

Я не решаюсь сделать и шага. Можете отпилить мне ноги, но я не подойду к чёртовой подозрительной кушетке. И Арнольд замечает мой страх.

— Не бойся, Тёмка, — смеётся он. — Всё будет хорошо. Тебя никто не будет резать, а когда ты узнаешь мощь своего оружия, ты нам спасибо скажешь, — и подталкивает меня в спину. — Садись, а я пока расскажу тебе суть операции.

Куда деваться? Отсюда не сбежишь. Доктор со шприцами и накаченный парень у двери прибьют меня, стоит мне и шаг в сторону сделать. Я сажусь на кушетку и испуганно кошусь на шприцы.

— Ты действительно не бойся, — хрипит доктор Руслан. Его голос напоминает последние стенания умирающего. — Я не буду ничего резать, что ты. Я просто приклею к тебе проводок. Раздевайся до пояса.

Пока я снимаю куртку и футболку, Арнольд объясняет:

— Оружие испытаешь один раз. Больше не стоит. Оно слишком мощное. О музее. Здесь, в кармане у меня адрес. В общем, думаю, вам надо до него доехать в дневное время, когда внутри водят экскурсии. Тогда ты сможешь проникнуть незаметно. Заветная дверь на втором этаже в конце восьмой галереи. Впрочем, в бумаге всё написано. Когда увидишь чёрную дверь с двумя мордоротами, доставай оружие, и вперёд. Ты всё понял?

Честно говоря, я плохо что понял, следил за действиями доктора Руслана. Действительно, никаких шприцев, скальпелей или щипцов. Доктор приблизился ко мне с длинным красно-чёрным проводком и неизвестным аппаратом в руке. Штуковина напоминала монтажный степлер.

Доктор ласково повернул кисть моей левой руки вниз и поднёс к основанию край провода, заканчивающийся двумя маленькими гнёздами. Затем к коже приникает шпиковина-степлер. Я готовлюсь к разряду вонзающейся в меня скобы. Но вместо боли ничего не почувствовал. Аппарат щёлкнул, в кожу чуточку пахнуло воздухом, а потом доктор уже убирает чудо-степлер, а провод оказывается крепко-накрепко приклеен к коже.

— Ого, — восхищаюсь я. — А его можно будет отклеить?

— Только вместе с верхним слоем эпидермиса, — сипит доктор.

— Артём, ты слышал, что я тебе только что сказал? — серьёзно спрашивает Арнольд.

— Да, я всё понял, — безучастно киваю, наблюдая, как доктор Руслан Нефарио присобачивает ко мне провод. Он предусмотрительно оставил петельку на локте, чтобы я мог свободно сгибать руку.

— Повтори, что вам нужно сделать? — требует Арнольд.

— Мммм, прийти в музей днём и войти внутрь, когда ходят экскурсии, — говорю, отрывая внимание от действий подпольного докторишки. — На втором этаже найти двух охранников возле двери и всех убить.

— Ну что-то типа этого, — улыбается Арнольд. — Какой музей? Какая галерея?

Копаясь в мозгах, но ничего не помню, зато помню другую фразу парня и озвучиваю её:

— У вас в бумажке всё написано.

— Обязательно изучите её. Покажи своему товарищу. Этому Стёпке. Он быстро всё сообразит.

Доктор Руслан тем временем обклеил предплечье и уже заканчивал с плечом. Я успеваю заметить, что на втором конце провода остренькая пимпочка, напоминающая наконечник стрелы, только гораздо уже.

— Последняя процедура, — сипит доктор. — Тёма, наклони голову. Мне нужно проткнуть кожу на затылке. Не бойся, это совсем не больно. Ну... больно, но чуточку прямо. Как укольчик шприцем.

Холодок обвивает ноги. Во-первых, как любой нормальный человек, особенно тринадцати лет, я боюсь любой боли, даже той, которая чуточку. Во-вторых, жизнь научила меня, что если говорят будет не больно, значит ожидай жутких мучений.

Но отступать поздно, и я нагибаю голову. Пальцы в резиновых перчатках ощупывают ямку на затылке, и я сжимаю кулаки. Что же ты копаешься, доктор хренов, давай уже быстрее. Потом пахнет спиртом, на затылке что-то мокрое, и я зажмуриваюсь.

Боль оказывается короткой, но и правда сильной. Как будто мне в голову шило воткнули. Я даже чувствую неприятный хруст на затылке и даже думаю, что мне пробили кость. Я успеваю только зашипеть, как успокаивающий голос доктора зашептал:

— Тихо-тихо, всё позади.

Но глаза под линзами хмурые и серьёзные. Он чем-то обрабатывает кожу на затылке, постоянно давит на рану пальцем, отчего хочется прикрикнуть ему, чтобы остановился.

— Ну вот, Тёмка. Ты становишься супергероем.

Голос Арнольда доносится из другого мира, настоящий мир пульсирует больной точкой, сосредоточившейся на затылке.

Доктор Руслан выстрелил своим аппаратиком над ухом и отступил на шаг. Он рассматривал меня как художник только что написанную картину.

— Ну вот и готово. Кровь не течёт. Немножко поболит, пока ранка свежая. Но могу тебе кое-что дать.

Мужчина принялся копаться в маленьком шкафчике на стене, а я с трудом поднимаю голову. Мне кажется, что любое движение головой вызывает конец света.

— Это было-таки больно, — сиплю я на манер толстенького доктора.

— Терпи. Ты же мужчина, — ободрительно улыбается Арнольд.

— Мне показалось, будто кость проткнули.

— Что?! — Я не думал, что у доктора Руслана мог быть такой высокий насмешливый голос, как у клоуна. — Какую кость?! Ты что! Я под кожу датчик загнал — не больше.

— Что-то хрустело, — пытаюсь улыбнуться я.

— Ну что там может хрустеть? Это просто я кость царапнул иглой. Ну сам посуди, как иначе. Толщина-то миллиметров шесть, кожа плотно прилегает. Если бы я кость пробил, так ты бы ходить уже не смог. Там же верхушка позвоночника.

Доктор подходит ко мне, сжимая в руках пластинку с таблетками.

— Выпей одну, и потом пей, но не больше двух раз в день.

— А это что? — спрашиваю.

— Да обычный темпалгин. Обезболивающее.

В мою ладонь падает крупная зелёная таблетка, и внезапно нарисовавшийся Арнольд протягивает бутылку с водой. Я выпиваю таблетку и смотрю на двоих то ли мучителей, то ли спасителей.

— Что теперь? — спрашиваю.

Лицо Арнольда глубокое, задумчивое. Он чуть поворачивает голову к доктору и говорит:

— Руслан Дмитриевич, доставай девятку.

Доктор скрывается за моей спиной, и я слышу щелчки кодового замка. Оборачиваться боюсь. Задняя сторона головы превратилась в сгусток боли.

— Провод скоро отклеится, — говорит Арнольд, поглядывая на мою руку.

— Пару дней будет держаться, — сипит доктор.

— Но этого времени достаточно, чтобы спасти вселенную, — улыбается Арнольд.

Я хмурюсь. Откуда ни возьмись появляются смутные мысли о моей значимости в действующей операции.

— И всё-таки, зачем вам это? — спрашиваю. — Зачем вы помогаете мне спасти брата?

— Эх, — вздыхает Арнольд и поглаживает металлический край кушетки. — Знаешь сколько мы мечтаем проникнуть к доктору Вечности? Любой член нашей оппозиции скажет тебе, что всю жизнь мечтает взглянуть в глаза этому старикашке. У нас тут сложилась целая философия по поводу существования доктора Вечности.

— То есть, вы думаете, что его может и не быть? — хмурюсь я, и в поле зрения появляется доктор Руслан с красивой металлической шуковиной.

— Почему бы и нет, — пожимает плечами Арнольд. — Всё возможно. Никто никогда не видел его. Может, это коллективный разум. А может вообще искусственный интеллект.

— Я его видел! — продолжаю общаться с Арнольдом, но не отвожу взгляда от красивого прибора в руках Руслана. Начинаю догадываться, как пользоваться незамысловатой шуковиной. Она напоминает нарукавник Шредера. Два маленьких когтя, поручень, чтобы удобно держать.

— Когда же тебе получилось его увидеть? — усмехается Арнольд.

— У нас была видеоконференция по скайпу, — объясняю. — Такой старик с бородёнкой...

— По скайпу ты мог увидеть кого угодно. Даже программу. Вот когда увидишь в живую, придёшь и расскажешь. Собственно, на это мы все и надеемся. Что единственная Девятка, который попал к нам в руки, прольёт свет на интересующий нас вопрос. Взгляни на оружие.

Арнольд протягивает было руки к красивой штуковине, но доктор не даёт её.

— Позволь уж я сам, — говорит Руслан. — Тёма, возьми это.

Чуточку обиженный Арнольд отступает, а я перенимаю из рук доктора металлическую когтистую лапу. Чёрт, она такая компактная, что полезет, скорее всего, даже в карман. Не ожидая объяснений, я надеваю штуковину на кисть и обхватываю перекладину внизу.

— Всё правильно, — кивает доктор Руслан. — Гляди, справа есть кнопка для большого пальца. Нажимай её.

Нажимаю. Ничего не происходит.

— Это курок, — поясняет доктор. — Любое нажатие делает выстрел. Сейчас оно не стреляет, потому что оружие должно понять, что ты Девятка. Для этого рукав надо подключить к проводу.

Но мне уже не надо объяснять, я всё понял. Конец проводка, болтающийся у кисти, заканчивается двумя гнездами. Я даже уже вижу, куда их втыкать и даже протягиваю руку.

— Не здесь. — Доктор Руслан мягко обхватывает своими руками мою правую ладонь. — Лучше на полигоне и уже в самом музее. Ну и если по дороге случится какая оказия. Но не используй его по любому поводу. Помни, оно хоть и мощное, но с отрядом со стрелковым оружием ты вряд ли справишься, особенно, если тебя окружают.

— Понял, — киваю. — Что теперь?

— Теперь, — Арнольд снова приближается ко мне. — Испытаем его и в путь.

— Что я должен увидеть в той комнате, в которую проникну? Ну... в музее. Как я узнаю Глобус Эфира.

— Его сложно не узнать. Он выглядит как обычный глобус небольших размеров. Предполагаю, что он спрятан в небольшой камерке. Возможно, на нём либо ещё одно силовое поле, которое минует любая Девятка, либо сигнализация. Если второе, то не раздумывай, разноси её вдребезги. Опасность всё же есть. Комнату могут переполнить ловушками. Сделать её большой и напихать туда всяких стрел, срабатывающих механизмом.

— Знаю-знаю, — киваю. — Видел в фильмах подобное.

— Здесь я уже ничем помочь не могу, — пожимает плечами Арнольд. — Кроме как советом: будь осторожен.

— Буду, — киваю второй раз. — Тогда надо двигаться. Я не помню, во сколько у нас поезд. Как бы не опоздать.

— Да, пойдём.

Прискакивающей походкой Арнольд отступает к двери. Ну ведёт себя совсем как я. С восхищением поглядываю на парня, надевая одежду.

— Спасибо, Руслик. Зайду к тебе потом.

— Пожалуйста.

Доктор улыбается так широко, что его улыбка становится почти зловещей. Когда мы выходим, он медленно снимает перчатки.

Обратный путь я уже не запоминаю. Попавшихся нам по дороге пару человек — тоже. Перед глазами маячит чёрная спина Арнольда. Издалека слышу спорящий тон тёти Марины. Значит, мы почти на месте.

— Я уже позвонила человеку. Всё. Он сейчас подъедет. С оранжевой бригадой им

нельзя садиться на поезд. Эти мрази точно оккупировали все вокзалы и аэропорты. Знаю я их!

Возле малиновой двери высятся мать моих друзей и тот самый мужчина, что попивал кофе. За их спинами, не в состоянии пройти в узкие двери, жадно выглядывают наружу Стёпка и Серёга.

— Да я с вами не спорю, но мне кажется, что вы слишком утрируете, — молящимся тоном произносит мужчина.

— Нет, он будет уже через десять минут. Я должна заботиться о безопасности моих детей! Пусть и из параллельного мира.

— О чём спор? — спрашивает подоспевший Арнольд.

— Она считает, что детям нельзя на вокзал. Оранжевые могут их там караулить.

— Всё правильно говорит, — кивает Арнольд.

— Да и я не спорю. Я предложил эскорт до Самары, но она договорилась с каким-то своим человеком...

— Довезёт, и денег не возьмёт, — кивает тётя Марина.

— Так а в чём проблема? — пожимает плечами Арнольд.

— Ну как... — мужчина теряется и приближается к моему спутнику. Говорит вполголоса, но я слышу: — Мы можем гарантировать безопасность детей с этой женщиной?

У Арнольда округляются глаза.

— Поверь! Можем! Ты скажи, тут недопониманий никаких не было? Вы объяснились?

— Ну как... — брови мужчины неловко взлетают вверх, он пожимает плечами. — Кажется, эта мадам не совсем верит нам, но вроде бы ради детей готова на всё.

— И готова! — с укором кивает тётя Марина. И лицо у неё такое, будто прямо сейчас в пасть ко льву ради Стёпки и Серёги.

— Ну что ж, — усмехается Арнольд, и его глазки сверкают. — Пойдёмте со мной. Тут недалеко.

Мы пересекаем вдоль широкий коридор и оказываемся у огромной двустворчатой металлической двери.

— Подключай оружие, герой, — говорит Арнольд, усмехаясь, и отворяет дверь.

И вот мы уже секстет. К нам присоединяется тот мужчина, что пил кофе. Мрачное помещение заставлено стендами, старой мебелью. Весь пыльный инвентарь жался к стенам обрыдлого павильона. Я вставляю гнёзда в нужные штырьки; проделать это оказалось просто, видимо, доктор Руслан спроектировал оружие с удобствами. Он же понимал — подключать его придётся одной рукой.

Ожидания, что после подключения оружие завибрирует или зажужжит, не оправдались. Нарукавник не подавал признаков жизни. Так — несколько огоньков сверкало, впрочем как и в отключенном состоянии.

— Наводи на любую цель и жми курок, — просит Арнольд.

— А не надо там сосредотачиваться или думать о чём-нибудь? — спрашиваю.

— Не надо. Датчик в голове подумает за тебя, — усмехается парень.

Я выбираю стенд с уродливым изображением дракона. Кажется плато бетонное, да и шпукovina огромная, в полтора моих роста. Уж лучше попробовать на чём-то массивном, чтобы потом не облажаться.

Направив оружие, я нажимаю кнопку. Идёт небольшая отдача и стенд разрывает на кусочки. С громким звуком БАХ по залу разлетаются осколки камней, поднимается пыль от

шпаклёвки, я даже голову пригибаю, чтобы в меня не попало.

— Ничего себе, — срывается с губ. Замечаю восхищённый взгляд Стёпки, а Серёга вообще в ступоре. Кажется, старший брат моего друга оставил рациональное мышление сразу после разговора с Шаманом.

— Да, стену он пробивает с лёгкостью, — кивает Арнольд.

— А я так и не понял, чем он стреляет? — восторженно вполголоса произносит Стёпка.

— Подем, — отвечает Арнольд. — Только в мирное время убирай его и прячь.

В нос попадает запах старой штукатурки.

— Теперь все всё поняли? — пожимает плечами мужчина с кофе. — Инструкции получили?

— Я рассказал Артёмке, — кивает Арнольд и достаёт из кармана конверт. Я пока отключаю оружие и прячу его во внутренний карман куртки. Оно помещается с лёгкостью.

— На всякий случай, озвучиваю план ещё и при Степане, потому что он у нас тут самый головастый, — Арнольд подмигивает Стёпке и тот слабо усмехается. — В конверте адрес музея. Москва. Операцию проводите днём, когда по музею водят экскурсии, тогда можно будет проникнуть незаметно. В конце восьмой галереи на втором этаже единственная запертая дверь с двумя мордovorотами. Это тоже написано в конверте. Вот её надо открыть и взять спрятанный Глобус Эфира.

— Понял, — кивнул Стёпка. — Как он выглядит?

За Арнольда ответил я:

— Обычный глобус средних размеров.

— Смотри-ка, молодец, — усмехается Арнольд и треплет меня по волосам. Кожа на затылке болезненно дёргается, но я терплю и улыбаюсь в ответ. Теперь все улыбаются, кроме тёти Марины. Она слишком сосредоточена. — Что ж, пойдёмте наружу.

****

Тишина, разливающаяся по природе вне подвала, достигла апогея и превратилась в звенящую, но поток свежего воздуха после затхлых катакомб штаб-квартиры оппозиционеров покорял любой страх перед зловещим. Мужчина с кофе остался позади, и наш отряд вновь превратился в квинтет. Арнольд встал перед нами, хлопнул в ладоши и ободряюще воскликнул:

— Ну что, господа, пора прощаться. Очень надеюсь, что у вас всё получится. Очень надеюсь и на вас, — Арнольд подмигнул тёте Марине. — Охрана в виде человека с боевой подготовкой ребятам не помешает.

— У меня сегодня все шаблоны разорвались, — вздыхает тётя Марина. — Да что там, чёрт возьми. Я до сих ещё толком ни во что не верю.

— Мам, ты точно описала моё состояние, — говорит Сергей. Не знаю, мне не нравится, что он называет мамой женщину из другой реальности, которая лишь является близнецом его родной матери. Я слышу в подобном обращении беду.

На площадку въезжает зелёный джип с яркими фарами.

— Это за нами, — хмурится тётя Марина.

— Удачи вам, ребята. — И Арнольд пожимает мою руку. — Обязательно прочти содержимое конверта, прежде чем приступишь к операции.

Я согласно киваю, и восторг Арнольдом снова щекочет нервы. Затем он пожимает руки другим ребятам, а тётё Марине отдаёт честь. Она могла бы сказать что-то типа: к пустой голове руку не прикладывают, но вместо насмешки отдаёт честь в ответ. Значит, тоже прониклась уважением к оппозиционерам доктора Вечности.

— Ну, побежали, нас ждать не будут. Это не такси, — строго приказывает тётя Марина и уже несётся к джипу. Стёпка и Серёга не заставляют себя ждать, а я на время задерживаюсь.

— Слушай, — спрашиваю Арнольда. — Как тебя зовут? Я же даже не знаю твоего имени.

— А зачем тебе оно? — добро улыбается Арнольд.

Я немного смущаюсь. Мысли, терзающие меня с первой эффектной встречи, кажутся глупыми, наивными.

— Ну не знаю. Хочу кое в чём убедиться.

— В чём же?

— Блииин! — Я пританцовываю на месте от ненависти к себе и терзающего смущения. — Ну я вдруг подумал... Можешь ли ты в этой реальности... как бы... являться мной?

Ни один мускул на лице Арнольда не дёргается. Так и застывает на лице.

— Ну а почему бы и нет, — пожимает плечами он. — И неважно, как меня зовут. Шизогонические реальности — это та ещё шизофрения.

Я вдруг смеюсь. Открыто и легко.

— Почти в рифму, — говорю.

— Тёмка! — окликает голос Стёпки.

— Беги к своим, а то опоздаете, — кивает Арнольд. И я убегаю, но прежде застенчиво дружески хлопаю Арнольда по плечу.

И вот я уже в джипе. Я и мои друзья на заднем сиденье, тётя Марина спереди. Шофёром оказывается парень в форме цвета хаки, небритый, с выпирающими скулами и суровыми мохнатыми бровями. Голос у него тоже зычный. Пока он говорит с тётёй Мариной, успеваю испугаться этого качка: слишком жестокие слова он изрекал. Сразу видно — военный.

Тётя Марина не вникала в подробности, и уж тем более не говорила о шизофренических реальностях. На нас мужлан не обращал внимания, поэтому я позволил себе упереться лбом в стекло и уставиться на проносящуюся ночную дорогу. Хотя, кажется, небо на горизонте уже светало. Не мудрено, должно быть уже шесть утра.

Теперь я всегда буду называть всю эту белиберду шизофреническими реальностями. Они этого заслуживают.

В пропитанной запахом бензина машине я засыпаю.

*****

— Меня сейчас стошнит.

Беспокойный сон, сопровождаемый какофонией голосов и тихими песнями, прерывается стоном Стёпки. Открываю глаза. Джип подбрасывает на неровной дороге, из динамиков льётся Би-2 и их Муза из Евросоюза, тётя Марина переговаривается с шофёром. Шепчущая паскудная какофония, терзающая мой сон.

В окна бьёт яркий свет только что взошедшего солнца, жизнь прекрасна, если бы не другая реальность.

— Илья, останови машину, — просит тётя Марина. — Ребята, вам надо чуточку передохнуть и выбраться.

Замечаю, что Серёга спит мёртвым сном, а вот Стёпка, кажется, не сомкнул глаз. Джип останавливается, а мои сонные нервные окончания продолжают включаться в этот мир. Боль в затылке слабая, ноющая, пульсирующая, ноги затекли, левая рука, на которой я заснул, ничего не чувствует. Ужасное состояние.

Не дожидаясь приглашения, открываю дверцу машины и выбираюсь наружу. Ну как выбираюсь, скорее — вываливаюсь. Ноющие колени не хотят разгибаться.

Утробный голос шофёра Ильи возвещает позади меня:

— Только не больше получаса, а то опоздаем на поезд.

Оглядываю окрестность: степи с редкими деревьями, и прямо перед нами разлапистый карагач. То, что нужно. Валюсь в заросли клевера под деревом и по привычке откидываю голову, но тут же ощущаю укол в затылке и со стоном поворачиваю шею.

Жизнь — кошмар. Я в аду. Убейте меня. И чёрт с ним, с Андрюшкой, зачем я только пустился в это путешествие.

Рядом, со вздохами облегчения валятся два тела моих друзей. Серёга, кажется, ещё не проснулся, а у Стёпки воспалённые глаза, красные как у вампира. Смотрят, широко распахнувшись, прямо в небо.

Чувствую, нам много чего нужно сказать друг другу, но мысли разбрелись по закоулкам сознания.

Молчим.

Слушая невнятные переговоры тёти Марины и шофёра Ильи на заднем плане, я придумываю самый идиотский вопрос:

— А сколько уже времени?

— Около девяти утра, — тут же отвечает Стёпка.

— Ты спал?

— Нет. Тут уснёшь. Вы меня прижали с двух сторон, музыка играет, машину шатает, бензином воняет.

— И люди болтают, — добавляю я в рифму и улыбаюсь. Стёпка серьёзен.

— Он вечно очень чуткий ко сну, — мычит Серый, не открывая глаз. — В комнате даже если системник работал, не мог никогда уснуть из-за жужжания.

— Зато ты спишь там, куда положат, — отвечает Стёпка снова без тени улыбки.

Надо же. А я не знал этого факта. Вот лежу и становлюсь свидетелем братской жизни. Всё же, в который раз убеждаюсь, как бы ты не относился к своему близкому родственнику, ты всегда будешь знать о нём больше, чем другие. И внезапно чувствую себя скотиной.

— Вы меня, если что, извините, — лепечу я. — Андрюха мой брат, и я должен был эту проблему решать сам, а не вас втягивать.

— Наконец-то до него доехало, — ворчит Сергей, но Стёпка, как я и полагал, настроен иначе.

— Мы сами в это ввязались, — говорит он. — Нас никто не просил, мы придумали теорию, и мы же разыграли эту партию.

— Вот не надо обобщать, Стёпочка, — язвительно отвечает Сергей.

— А что? — пожимает плечами тот. — Ты бы не помог своему другу в сложной

ситуации?

Серый внезапно открывает глаза.

— Почему же помог бы, но ситуация ситуации рознь. С одной стороны ты одалживаешь денег или бьёшь морду кому-нибудь, а с другой — рискуешь своей шкурой ради человека, который тебе даже дальним родственником не является. Да и ты в нашей игре не совсем добрый самаритянин.

— Что ты имеешь ввиду? — хмурится Стёпка по-прежнему разглядывая облака.

— То и имею. — Серёга переворачивается набок и подпирает голову рукой. — Когда мы все шагнули в эту бездну, отступить было уже поздно. Подумай. Ты выдвинул теорию, написал на майл какой-то фирме. Всё выглядело как игра. Ты думал, что она опасная, но это знаешь. Как в школе. Прежде чем подложить кнопки учителю на стул, ты думаешь, что тебя накажут, но предполагаешь, что никто не пронюхает. Ты совершаешь поступок, а потом вдруг оказывается, что тебя кто-то видел, что кнопки были только у тебя и что вообще ты засветился на камеру. И учитель вдруг вместо того, чтобы отправить тебя к директору, начинает поднимать вопрос об исключении тебя из школы. И родителей твоих вызывает. Вся твоя жизнь летит к чертям, и ты начинаешь думать, что совершил глупость. И уже молишься вернуться назад во времени, чтобы не совершать эту дурацкую выходку. Сегодня вечером ты написал письмо каким-то там Сомерсетам, думая, что далеко от них. Что они тебя не найдут и просто ответом пригрозят пальчиком. Но вместо этого, на следующее утро ты просыпаешься и получаешься посылку. И уже безвозвратно втянут в эту игру. Всё как с кнопками. Неужели, ты бы снова так поступил, если б время повернулось вспять? Зная, что придётся оказаться в другой реальности, терпеть выстрелы неизвестных террористов и дрожать за свою жизнь? Стал бы ты отправлять письмо сейчас, вернись ты на пару дней назад?

Пожалуй, это была самая длинная тирада, которую Серёга когда-либо произносил. Я лежу между братьями, и мне становится неловко. Будто при мне решают вопросы чересчур деликатные, которые мне лучше не слышать.

Стёпка молчит пару секунд, а потом отвечает:

— Почему бы и нет. Стал бы. Я бы и сейчас отправил письмо Сомерсету, если бы представилась возможность повторить.

Серый долго глядит на брата, потом на меня, потом снова на Стёпку, и выдаёт:

— А по-моему ты просто рисуешься.

— Чего? — младший переводит взгляд на брата.

— Перед Тёмкой вон рисуешься. Типа, чтобы он подумал, что ты такой преданный. А в душе явно желаешь...

— Вот это поворот, — обиженно восклицает Стёпка и тоже переворачивается набок и подпирает голову рукой. Теперь я действительно между Сциллой и Харибдой. — Да будет тебе известно, что с тех пор, как мы вышли из кабинета доктора Вечности вчера, до этой секунды, я ни разу не пожалел, что ввязался в эту игру. Во-первых, это увлекательно. Во-вторых, я теперь похож на героя, я помогаю другу. В-третьих, мне... блин... забей. Тебе срать на мои доводы.

— Нет-нет, ты говори, — с наигранным любопытством просит Серый. Атмосфера напрягается, и я прячу голову в плечи.

— В-третьих... Чего мне терять? Всё равно, мама умерла. Жизнь уже не будет прежней. Она такая несправедливая, я про жизнь, что нет разницы, когда ты умрёшь. Кто-то говорил

там из мудрых, что жизнь — это болезнь, и всегда с летальным исходом.

Серёга вздыхает и вновь откидывается на спину.

— Дурак ты, Стёпка. То есть, вот об отце ты ни разу не подумал? А он, между прочим, тоже человек.

— Ну... — Стёпка теряет. — Я верю, что наша авантюра вся пройдёт успешно.

— Но риск большой, и ты выбрал своего друга, а не благополучие нашей новой семьи. Дурак ты всё равно.

— Блин. Ты меня не понял. — Стёпка тоже падает на спину.

— Ребята, — вступаюсь я. — Не надо спорить. Да, я чувствую себя козлом. И вот ты говоришь, Серый, исправили бы мы ситуацию, вернись мы в прошлое. Я тебе отвечаю, что я бы исправил. Я бы никогда не посылал теперь письмо с вашего компьютера. Я бы написал его дома, чтобы вас не втягивать. Но раз уж такая ситуация сложилась, что я оказался козлом, я буду рисковать, а вам этого не позволю. Потому что я вам очень благодарен за поддержку. Что вы до сих пор мне помогаете во всём.

— А у нас выбора нет, — отвечает Сергей. — Назад уже не повернёшь.

— Мальчики! — вопит тётя Марина. — Давайте обратно в машину.

И вот мы опять внутри пропитанного бензином салона джипа. Серёга снова вырубается. Стёпка хочет уснуть, у него закрываются глаза, но стоит подбородку коснуться груди, как голова тут же вскидывается. Уснула и тётя Марина, прислонившись к стеклу машины, а мрачный шофёр Илья счёл неинтересным болтать с сопляками.

В голове крутятся неприятные мысли, которые убили надежду на сон. Я по кругу прокручиваю в голове разговор братьев Герундовых. Мрачная туча, зависшую над сознанием, я не в силах рассказать словами или представить картинками. Иррациональная гадская обида не пойми на что. Хочется войти в доверие Серёге, может, как-то объяснить ему всю необходимость нашей экспедиции... но опять не нахожу слова.

Так целый час мы и едем молча. Вот за окном вырастают многоэтажки, мы въезжаем в Самару. Ещё полчаса, и джип возле футуристического здания вокзала. Признаться, никогда бы не подумал, что вокзал может оказаться таким красивым... снаружи.

Тётя Марина проснулась, разбудила Сергея, и мы спешно покинули машину. Шофёр тепло попрощался с женщиной, а нас даже не заметил.

— Значит, слушайте меня внимательно, — говорит тётя Марина, вышагивая по мощёной площади. — Если увидим оранжевую бригаду — сворачиваем. Если они перейдут к активным действиям — бежим, но держитесь меня. Сейчас идём к кассам. Я попытаюсь вас посадить на тот же поезд.

Мы молчим и внимательно слушаем, хотя Стёпка иногда спотыкается. Кажется, ему совсем нехорошо.

Внутри вокзал напоминает торговый центр: всюду суetyщийся народ, эскалаторы. Кассы находим быстро. Тревожный взгляд тёти Марины немедля сканирует зал на наличие свободных мест, и, найдя такие, она кивает в их сторону.

— Следим за оранжевыми, — требует Серый, как только опускается на серое металлическое сидение в сеточку.

Да я и без него знаю, что нужно следить, и постоянно верчу головой. Стёпке следится плохо. Он часто зависает на одной точке и надолго закрывает глаза. Бедняга, мне его жалко.

Наш поезд прибывает в 11.00 по московскому, часы над холлом показывают 10.40. Точно успеем. Но тётя Марина слишком долго задерживается у кассы, и, судя по

рукоплесканиям, с кем-то спорит. Через несколько минут она всё же отходит и смотрит в нашу сторону. Её рука и два раздвинутых пальца взлетают к глазам, а потом обводят павильон.

Понятно. Она велит нам следить за оранжевыми, а сама убегает на второй этаж.

Без неё тут же становится страшно, хотя, Самарский вокзал не столь беспокойный, как Сызранский. Со стороны города мы прошли через арку металлоискателя, и нас даже никто не остановил, и два брутальных охранника что-то весело обсуждали в стороне. Может, мы опять в иной психотропической реальности?

Тётя Марина возвращается к нам в 10.55.

— Я не могу, — вздыхает она. — Уж я и ругалась. Не хотят они сажать вас по тем же билетам. Говорят — просрочены. И значок полицейского их не колышет. Точно, что РЖД живёт по своим законам. Я даже к администратору поднималась. Ничего не дало. В общем, я выкупила нам целое купе.

— Нам??? — удивляется Стёпка немедленно проснувшийся.

— Нам-нам, — кивает тётя Марина. — Не могу же я своих детей отпустить на растерзание в никуда. — Вижу на лице Стёпки безграничную радость, Серёга тоже восторжен, а мне почему-то не нравится эта идея. — А теперь живо на поезд, а то опоздаем.

И мы бежим.

Орский состав пребывал на третий путь, и пока мы до него добрались, локомотив уже остывал на рельсах. В очередной раз тётя Марина напомнила следить за оранжевыми: особенно сейчас, возле поезда.

Девятый вагон, молодая мрачная проводница. Окинув взглядом цифры на наших документах, она сухо декламировала:

— Второе купе.

В вагоне душит жара, первое купе открыто, на пороге стоит заспанный мужчина в серой футболке, трениках и носках. Он смотрит на нас столь отрешённым взглядом, будто впервые видит людей.

В пустом втором купе нас ждут застеленные кровати и пустой стол. Всё же есть плюсы в сопровождении тёти Марины. Никакая тварь не займёт свободное место.

Мы запираемся и рассаживаемся по кроватям. Я — один, напротив семьи Герундовых. Маленький коврик под ногами делит наш квартет на два лагеря. Я, конечно, рад за друзей, но теперь снова чувствую себя одиноким и чужим. Поэтому, пока семья напротив шушукается о своих семейных делах, я отодвигаю немного занавеску и наблюдаю за снующими по перрону пассажирами и медленно расхаживающими работниками железной дороги. Их оранжевая форма то и дело заставляет вздрагивать.

Выяснилось, что еды не у кого нет, поэтому тётя Марина выбежала и закупила всякой отравы, заваривающейся кипятком. Оказывается, я голоден.

Когда состав тронулся, мы устроили настоящий химический пир. Серёга то и дело ходил заваривать картошку, на столе разрезался хлеб, нарисовались четыре фирменных гранённых стакана РЖД. Тётя Марина разделявала копчёную курицу.

В общем, поели на славу. За поздним завтраком в основном шутили, но как-то сухо. Мне кажется, тётя Марина сама держала незримую дистанцию между собой и моими друзьями, будто понимала, что перед ней не её дети, а просто похожие мальчики из другой реальности.

Зато Серёга со Стёпкой навязывались женщине параллельного мира каждую секунду. Пофигу на Серёгу, он тупой, но Стёпка. Какого чёрта он поддался чувствам, так ему не

свойственным?

После завтрака я сообщил друзьям, что пойду в туалет, и вышел из купе. Вагоны повторяли друг друга до каждой мелочи, только из Саратова мы выезжали в зелёном, а этот — чёрный с огромными буквами РЖД на боку.

Я быстро справил нужду, а когда вышел — увидел на крышке отсека для мусора Серёгу.

— Тоже сюда? — усмехаюсь я.

— Своим я так сказал, — ответил парень хмуро, скрестив руки на груди. — Но я хочу с тобой поговорить. Пойдём туда.

Он кивает на дверь в тамбур, и я пожимаю плечами. Опять мне на душе неприятно. Мы выбираемся в пустой прокуренный тамбур, где стук колёс становится в два раза громче.

Серёга опирается спиной на пепельницу и смотрит в окно на проносящиеся поля.

— Я хочу кое-что тебе сказать. Даже не знаю, как правильно сформулировать! — почти кричит он, стараясь пересилить стук колёс.

— Да говори как есть! — пожимаю плечами, и холодок страха лижет ноги.

— В общем, я думаю, ты понимаешь, что мы... как бы стоим с тобой на разных берегах реки. Понимаешь?

— Наверное, — тихо произношу я, глядя на товарища снизу вверх. Он же на голову выше меня. — Смотря о чём ты.

— О ситуации, в которую ты нас втянул! — отвечает Серый. — А наша река — это Стёпка! Он как бы и твой друг и мой брат! Понимаешь?

— Ну приблизительно, — киваю. — Ближе к сути!

— Я дал обещание защищать его. Я дал его родителям и самому Стёпке!

— Ну это здорово! — вновь киваю. — Защищай! — Внутри меня вздрагивает невидимая струна, когда я слышу слово обещание.

— И буду! Но только не осложняй мою работу, хорошо!?

— Эм, не понял, — я чуточку ощетиливаюсь.

Серёга вздыхает.

— Стёпка ещё глупенький! Он видит в нашем путешествии какую-то романтику. Я вижу только опасность! Понимаешь?

Я молчу. И Серый продолжает:

— Стёпка может предлагать тебе любые глупости, но не втягивай его в опасности! По возможности — действуй один! Не забудь, что мы с тобой в этой связке только для того, чтобы выбраться из этой жопы! Я всё понятно изъяснил?!

— Не совсем, — качаю головой. — Что значит: не втягивай!?

— Ты совсем тупой! — Теперь мне обидно, но я лишь поджимаю губы. — Если завтра Стёпка решит перейти минное поле вместе с тобой, оставь его на моём берегу и иди один, понятно?!

— Но я не могу ему приказывать, он...

— А ты смоги! — перебивает Серёга.

— Но друзья так не поступают, — я мямлю едва слышно, но Серый понимает каждое слово. — Он обидится и...

— Да плевать мне! — восклицает Серёга. — Мне важна безопасность брата! Тебе лучше играть по моим правилам! И не таскать его по минным полям!

— Погоди, — я задумчиво шурюсь. Меня осеняет догадка. За окном проносятся освещённые солнцем стога. — Ты хочешь сказать, что завтра в этот музей я должен пойти

один?!

— Умница! — кивает Серёга. — Я буду ждать снаружи. Стёпка — тоже!

— Но если он...

— Стёпка будет ждать снаружи! — повторяет Серый, подчёркивая интонацией каждое слово.

— Хорошо, я понял, — смиренно лепечу я.

— Играй в моей команде! — просит парень и хлопает меня по плечу. — Иначе я расстроюсь, и ты попадёшь под поезд!

Серый улыбается, но хищно. Интересно, с Егором, прежде чем набить ему морду, он так же улыбался?

— Ты угрожаешь, да? — шурюсь я и стараюсь выглядеть смелее.

— Нет, — пожимает плечами Серый. — Просто, если завтра начнут стрелять, я буду спасать задницу брата, а не твою, сечёшь? Ты мне — приятель, он — брат. Думаю, для тебя мой выбор очевиден, да?

Дверь громко распахивается и в тамбур вваливается толстый лысоватый мужчина в майке и с сигаретой в руках. Бросив на нас короткий взгляд, он подходит к окошку напротив, а Серёга кивает мне на дверь.

Мы возвращаемся в купе. Настроение на нуле. Серёга улыбается как ни в чём не бывало, а у меня на душе кошки скребут. Мне только что угрожал человек, которого я всю жизнь любил. Ну... не так как родителей или Стёпку, но, скажем, считал его положительной личностью.

Стёпка уже на верхней полке, его морит сон. Я взбираюсь на соседнюю, и пока лезу внезапно откидываюсь в прошлое: тот самый дуб, тот случай с Андрюшкой. Мысли цепляются за воспоминания, как электрик крючками за высоковольтный столб.

Ловлю под очками усталый взгляд Стёпки. Он улыбается, и с его улыбкой взлетают вверх брови. Кажется, что они тоже смеются. У моего друга яркие толстые брови, раскинувшиеся над ресницами идеальной дугой, совсем как на детских рисунках, когда малыши изображают лица людей.

Я улыбаюсь в ответ и тут же закрываю глаза. Боюсь, мысли об угрозах Серёги читаются во взгляде. Лежу я так недолго. Сон уносит меня в тёмную пучину, сотканную из обрывков фраз прошлого, и самый громкий голос Андрюшки и эти его слова, произнесённые с нажимом: ты мне обещаешь???

Первый раз я просыпаюсь от тихих переговоров Серёги и тёти Марины внизу. В окна светит солнце, Стёпка уже без очков плющит подушку, его губы смешно искривлены, и оттуда вытекает слюна. Улыбаюсь сквозь сон и вновь проваливаюсь во тьму.

Второй раз я открываю глаза, когда купе погружено в сумерки, под потолком повисла относительная тишина. Относительная, если не считать мерный стук колёс: та-дад-та-да, та-дад-та-да.

Боль в затылке выносимая, но слишком уж ноющая, как в дырявом зубе. Видимо, я слишком сильно давлю на рану подушкой. Хочу в туалет, поэтому слезаю вниз. Серёга, мой палач, сопит, лёжа на спине. Пытаюсь подавить в себе секундную ненависть к стероидному спутнику. А вот тётя Марина не спит. Я слабо улыбаюсь ей и во мраке пола среди хаотичной груды обуви пытаюсь найти свои кроссовки. Тётя Марина скупо улыбается в ответ. Если даже со своими параллельными детьми она держит дистанцию, то я для неё совсем чужой человек.

Сходил в туалет, покачиваясь на уставших от сна ногах, возвращаюсь в купе и скорее из вежливости спрашиваю тётю Марину:

— Времени сколько?

— Девять вечера по Москве, — говорит она и снова смотрит в окно.

— В поезде всё спокойно? — спрашиваю.

— Как видишь, — равнодушно отвечает женщина, и я взбираюсь обратно на свою полку. Когда подтягиваешься, провод на ключице правой руки чуточку натягивается, но клей скорее оторвёт кожу, чем позволит отцепиться проводу. Неизвестные технологии посторонних миров. Виват.

Снова засыпаю.

— Ты обещаешь?

*****

Я только что спустил Андрюшку с дерева. Ну так, случайно, иду по просёлочной дороге нашей «Искры Радости», вдруг слышу знакомый голос брата. Лето, год назад дело было. Поднимаю голову, а Андрюшка на ветке висит и пыхтит.

— Высоковато, — усмехаюсь я.

Андрюха смотрит вниз и вдруг теряется.

— Ой, Тёмка. Ты чего здесь делаешь?

— Гуляю.

Вообще-то, мы в тот день со Стёпкой подземный шалаш строили в подлеске, замучались весь день, так и не доделали. В итоге Стёпка к себе домой пошёл с лопатами, а я к себе. Но решил, что не стоит вникать в подробности Опарышу.

— Я с дерева слезаю.

А там прямо на краю подлеска дуб стоял мощный. Когда у дерева неохватный ствол, может показаться, что по нему взобраться легко, но это ошибочное мнение. Если вы были мальчишкой и лазали по деревьям, вы можете подтвердить мои слова. Особенно, если ствол вертикальный и кочек мало.

— Вижу, у тебя это плохо получается, — снова усмехаюсь.

Тогда я не задумывался над ситуацией. Ну Опарыш. Ну на дереве повис. Сейчас сниму его и домой приведу. Но во сне, смотрю на себя со стороны и вспоминаю. Мне же смешно, а бы сказал даже потешно. Мелкий брат мой висит на дереве, болтает ножками с ободранными лодыжками.

Во мне приливы нежности.

Я же ведь люблю его.

— Блин, да я сейчас слезу, — пыхтит Андрюшка.

— А. Ну если так, то я пойду, — театрально пожимаю плечами.

— Ну иди, — как бы беззаботно отвечает Андрюшка и пытается нащупать нижнюю ветку. Плохо получается. Вижу, что не достанет до неё. Когда забирался, видимо, подпрыгнул, а сейчас не дотянется даже носочком.

— Ну я пошёл, — снова пожимаю плечами и медленно удаляюсь от дуба.

— Ну иди, — слышу позади голос Андрюшки. — Скажи маме, что я сейчас приду. Я вот уже почти слез. Чёрт. Тёмка!

— Чего? — оборачиваюсь.

— Помоги слезть, — стыдливо просит брат и строит на лице печальную гримасу.

Снимаю Андрюшку с дерева. Когда спускался на самый последний ярус, попросил брата обхватить меня за спину. Отчётливо помню его сопение. Такое серьёзное и сосредоточенное. Ведь тогда и не замечаю особо, а сейчас опять...

Я же ведь люблю его.

Идём по дороге, а он долго молчал, а потом спрашивает:

— Мамке расскажешь?

— Конечно. Специально расскажу, — киваю.

— Ну не надо, — Андрюха опять строит грустную гримасу. — И вообще никому не рассказывай об этом.

— А что мне за это будет? — шурюсь я. Знаю, что Андрюшка всё равно не может дать мне того, чего у меня нет, но хочу поиздеваться над братом. И ведь незлобно. А так, шутки ради.

— Ну хочешь я всё-всё сделаю, чего попросишь, — глаза Андрюшки расширяются, а его надежда цепляется за эмоции слабыми ручонками.

— Ну... я подумаю, — киваю.

— Но ведь никому не скажешь.

— Не скажу.

— Ура, — Андрюшка продолжает путь вприпрыжку. — А всё-таки хорошо, что ты меня спас. Я бы всем рассказал, какой ты герой, только мне стыдно будет, что я на дереве застрял.

— Ну мне положено тебя защищать, — говорю.

— То есть, ты меня прямо всегда будешь защищать и выручать из любых ситуаций? — спрашивает брат.

— Ну конечно.

В тот день я отвечаю почти на автомате, мысли где-то со Стёпкой и с нашим подземным шалашом. А вот сейчас вспоминаю и представляю, как сильно мои слова впечатались Андрюшке в сердце.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Вот! Вот оно! Я тоже пообещал брату, что буду защищать его! Я не могу отступить назад. И пусть год назад я ответил механически, но Андрюшка это запомнил, поэтому я должен достать его из июля.

Ведь, он всегда находился рядом в комнате, мы пользовались общими вещами, мы делили один компьютер. Он неотъемлемая часть мозаики моей жизни. Неотъемлемая, я сказал!

И я люблю его. Только...

*****

...почему, чтобы понять это, должны были случиться такие жестокие события.

Сажусь на верхней полке. Аромат летнего подлеска сменяется затхлостью вагона. Вытираю слезы и снова плачу, а в затылке пульсирует адская боль. Снимаю с крючка над головой куртку и запускаю руку во внутренний карман.

Я не виноват, что какой-то профессор Вечность решил зациклить братишку в одном дне, но разве мне не стыдно, когда я вспоминаю, с какими мыслями обо мне Андрюшка застрял в другом мире? Стыдно.

Нащупываю в кармане своё оружие и таблетки, выданные доктором Русланом. Вытаскиваю обе штуковины.

Может, Андрюха уже и забыл о том моём обещании, а вдруг помнит? Я не смогу себе простить, если оставлю брата гнить в одном дне. И пусть я сам погибну, но обещанию выполню, я же — настоящий мужчина! Жалко, конечно, что Андрюшка не узнает о моих геройских поступках.

Я опускаю руку вниз, нащупываю на столе минералку — заметил бутылку во время прошлого пробуждения — и выпиваю таблетку. Затем бросаю бутылку на подушку и изучаю своё оружие. Да, детка, с тобой меня ничего не остановит. Хана всем! Я лично размажу голову доктору Вечности, если он откажется возвращать брата.

Некоторое время рассматриваю огоньки на нарукавнике. Просто две пульсирующие точки по бокам и... странно, внутри небольшой индикатор, похожий на батарейку в сотовых телефонах. Сейчас индикатор заполнен не до конца. Если бы я держал в руках сотовый телефон, то определил бы уровень заряда восьмидесятью процентами.

А вдруг это и правда зарядка? Что же, ребята из штаба оппозиционеров не предупредили бы меня? Вздыхаю и прячу оружие обратно, а куртку вешаю на крючок.

И вдруг замечаю, что Стёпки нет.

Страх колет сердце, да ещё в темноте ничего не видно, сплошные неясные силуэты. Нагибаю голову и вглядываюсь в нижние полки. Вон, вроде, спящее тело Серого, а мной в форме мерно сопит тётя Марина.

Может, Стёпка отправился в туалет? Слезаю и выхожу из купе. Свет коридора поначалу слепит, и я, щурясь, двигаю по ночному вагону. Тишина, нарушаемая лишь стуком колёс, отсутствие людей почему-то пугают.

Стёпка вон он. Далеко впереди через стекло двери, ведущей в предбанник перед туалетом, вижу клочок его рубашки. Друг сидит на отсеке для мусора, где днём меня встретил Серёга. Неприятные ассоциации. Окошко открыто и ветер щекочет Стёпкины волосы, перебирая их невидимыми лапками.

— Вот ты где, — облегчённо вздыхаю. — А то я уже подумал все самые худшие варианты.

— Какие же? — спрашивает Стёпка без тени улыбки, сверля глазами тьму за окном.

— Ну, что тебя забрали, убили, расчленили и выбросили по кускам через очко унитаза.

Наконец, Стёпка вяло улыбается и смотрит на меня, но глаза печальные.

— Давай я схожу в заветную комнату, ты меня подожди, — говорю и на пару минут скрываюсь в туалете. Выхожу, а Стёпка всё там же, глядит во тьму и размышляет о вселенной.

— Зачем мы встретили именно её? — спрашивает Стёпка.

— Ты... про... — до меня начинает доезжать.

— Ну... эту нашу параллельную маму.

Я вздыхаю и потираю лоб. Мне даже нравится, что Стёпка поднял мучившую меня тему. А то начало казаться, что он совсем покинул мою компанию и всецело увлёкся новой мамой.

— Понимаешь, Стёпка, ну... ты же умный. Ты же ведь должен понять... — я не нахожу слов.

— Что она совсем мне не мама? — мрачно говорит друг.

— Ну да. Это женщина из очередной шизофренической реальности.

Стёпка вздыхает и откидывается на металлическую трубу позади, легко ударяется о неё затылком. Моя больная голова, которая чуточку начала успокаиваться, фантомно заскрежетала черепом о датчик под кожей. Пришлось сжать зубы.

— Да. Я всегда это знал, но не хотел верить. Только сейчас, выпавшись, понял, как жестоко играет с нами доктор Вечность, — вздыхает Стёпка.

— Думаешь, это его проделки? — спрашиваю.

— А как же. Он хочет нас сломать. Он пустил нас по препятствиям. И хочет, чтобы мы бросили всё к чертям.

— У тебя возникало такое желание? — хмуро спрашиваю.

— Меня не так легко сломать, — Стёпка косится в мою сторону и улыбается. — Но всё равно жестоко. — Улыбка немедля сползает с лица. — Он украл мой мозг. Я снова думаю о маме. Я не могу ни о чём больше думать, как во время смерти матери. Знаешь... — Стёпка замолкает и сжимает губы.

— Что?

Внезапно дверь из тамбура открывается. Я чуть в штаны не наложил от страха. В предбанник входят двое мужчин в форме, судя по всему, из дорожной полиции.

— Чего не спим? — беззлобно спрашивает первый, открывая дверь в вагон.

— Бессонница, — отвечает Стёпка без тени страха. Полицейские ничего не говорят и удаляются. На секунду я проникаюсь к ним симпатией. Ведь взяли же и уши, а могли бы придраться, документы просить.

— Помнишь тот день, когда я рассказал тебе об Андрюшке, что он застрял в двадцать третьем июле? — спрашивает Стёпка, вырывая меня из мыслей.

— Ну конечно.

— Когда мы расставались, ты уходил домой, у нас сложился такой разговорчик... Я сказал тебе, что мир вокруг несправедлив, что я стал абсолютно пустым... ну и ты мне ответил, что тоже стал пустым и готов на всё что угодно, лишь бы спасти Андрюшку.

— Да-да, — я спешно киваю и вызываю мелкие молнии боли в затылке.

— Потом я ночью лежал и долго думал. Я же тоже стал пустым. Знаешь, вот так умирает человек, грустишь по нему, и не знаешь, то ли его душа жива после смерти, то ли нет. Мне вообще сложно судить. Я люблю логику, и она не даёт ответ на такой сложный вопрос. Но в ту ночь появился доктор Вечность. И я начал верить во что угодно. Не удивлюсь, если есть жизнь после смерти. И вот тогда у меня стали появляться плохие мысли.

— Какие? — хмуро шепчу я.

— Ну... Я например был бы не прочь шагнуть под несущийся локомотив.

— Да ты что, дурак. — Я заикаюсь, слова запинаются, о пересохшее горло. Ярко вспоминаю разговор с Серёгой, который грозил меня бросить под поезд.

— погоди, дослушай. И когда на следующий день я отправил письмо в Сомерсет, я точно знал, что ввяжусь в любую авантюру. Догадываешься, почему?

— Догадываюсь, но лучше сам скажи.

— Ну. Я же был пустым. Если человек готов прыгнуть с небоскрёба, ему терять уже нечего.

— Аааа, — киваю, но думаю о другом, однако Стёпка продолжает.

— А ещё знаешь, я подумал, что это лучший способ борьбы с пустотой.

Моё лицо озаряется.

— Да! — восклицаю я. — Всё, что мы сейчас делает помогает отвлечься от мыслей о смерти. Тебе — твоей мамы. Мне — Андрюшки.

— Именно, — печально улыбается Стёпка. — Но этот гад свёл меня с мамой снова, и я снова... — друг закусывает губу и замолкает, глядя в окно. Его глаза увлажняются, я чувствую себя неловко.

— Ну не знаю даже, что тебе посоветовать, — говорю.

Стёпка внезапно прячет голову в коленях и шмыгает носом. Я вздыхаю и кладу руку ему на плечо.

— Если... вдруг вместо Андрюшки они забрали бы Серёгу, — говорю. — И ты поехал бы его спасать, я бы тоже поехал. Я бы тебя не бросил. — Не знаю, зачем я всё это говорю, но я горжусь своими словами.

И как после этого доказать Серёге, что не могу вот я останавливать Стёпку и не брать с собой. Может, впереди ждёт смертельная опасность, но как приятно будет встретить её с близким человеком.

С другой стороны, рациональной стороной рассудка понимаю: с Серым лучше не спорить. Если я защищал Андрюшку, то за Стёпку Серёга вообще порвёт, и не далёк час, когда я действительно окажусь под поездом.

— Серёгу никогда не заперли бы, — усмехается Стёпка и поднимает красные глаза. — Он слишком тупой для должности застрявшего в одном дне.

Я улыбаюсь в ответ.

— Тебя он не напрягает в нашем путешествии? — осторожно спрашиваю.

— Ну есть немного, — жмёт плечами Стёпка. — Просто, это для него уж слишком. Это мы с тобой воспитаны крутыми фильмами, готовы ко всему.

— Уж точно, — киваю.

— Но он молодец, — вдруг говорит Стёпка. — Он сильно помогает. Мы с тобой можем натворить глупости, а его чрезмерное оберегание спасает нас от неправильных поступков. Если бы со мной случилось что-нибудь эдакое, Серый бы всех завалил. Он бы свою жизнь отдал, чтобы меня спасти. Он меня любит. А я его.

Хмурюсь и заявляю:

— Я понял, что я тоже очень-очень люблю Андрюшку. Просто раньше не замечал эту любовь, так что, поверь, я теперь за Андрюшку тоже порву.

Стёпка открыто улыбается и смотрит на меня глазами полного обожания.

— Видишь, — говорит он. — Из всего в жизни можно вынести урок, даже из такого смертельного путешествия как это. Давай пойдём попытаемся уснуть?

— Пошли, — киваю.

И мы возвращаемся в купе. Тётя Марина спит, положив руку на кобуру; знаток своего дела. Стёпка бросает на неё лишь мимолётный взгляд и забирается наверх. Я двигаю следом.

В темноте движущегося поезда мы долго молчим, но потом Стёпка шепчет:

— Постараюсь думать о ней, как о чужой женщине.

— Правильно, — отвечаю я после долгой паузы.

— И ещё мне одна мысль пришла о докторе Вечности, но я лучше расскажу завтра. Сейчас я ещё не полностью всё додумал.

— А она может нам помочь? — спрашиваю.

— Вряд ли.

Опять молчим.

— Спокойной ночи, — шепчет Стёпка.

— Спокойной.

Боль в затылке вновь утихает. Действие таблетки доктор Руслан описал без прикрас. Я проваливаюсь в состояние глубокой беспокойной дрёмы.

Теперь мне снится Андрюшка в сарае с окровавленными губами. А я стою напротив и держу бревно. Взгляд у брата злой, испепеляющий.

— Тварь, — шепчет он. — Козёл. Я знал, что ты не приедешь.

А потом в его руке появляется молоток, и он протягивает инструмент мне.

— На! Докончи уж начатое.

Я беспокойно ворочаюсь с боку на бок и перед пробуждением вижу совсем страшный эпизод. Тётя Марина на кровати в больнице. И лицо! ЛИЦО! Оно аккуратно забинтовано наружу торчат только красные губы. Как страшно. Это напоминает Слендермена, но только я боюсь совсем не его.

Открываю глаза, когда утреннее солнце бьёт в окно.

*****

Мы подъехали к Москве.

До того как поезд остановился, позавтракали химикатами. Я не произнёс ни слова и постоянно косился на Серого. Тот вёл себя обыденно, будто вчера между нами ничего не произошло. Стёпка тоже не особо бросался словами. Зато старший часто трещал с тётей Мариной, но в основном на бессмысленные бытовые темы.

За полчаса до подъезда мы сдали постель, а за пятнадцать минут я надел куртку. Поезд остановился на Казанском вокзале. Помнится, бывал я тут как-то в восьмилетнем возрасте. Отец взял меня в командировку и встречался на Казанском с человеком по работе.

Огромный вокзал тогда запомнился мне грязным, переполненный нерусскими людьми. Может, в этой реальности всё иначе?

Как только поезд заехал под накрытие, погрузив купе во мрак, и замер на рельсах, мы троём ринулись наружу.

— Не торопитесь, — приказала тётя Марина. — Вдруг нас там поджидает оранжевая бригада.

Однако мы всё же высыпали в пустынный коридор вагона, не собираясь выходить. Впереди светился тамбур с открытой дверью. Нам туда, но мы не рискуем. Военный здесь тётя Марина, пусть она и идёт первой.

И вдруг.

До моих ушей доносится знакомый вой. Вряд ли я, пересмотревший по несколько раз обе части Сайлент Хилла перепутаю с чем-либо сигнал воздушной тревоги.

Замираю и прикладываю палец к губам.

— Стёпка, ты слышишь? — шепчу.

— Ага, — кивает тот, немного напуганный.

Нас отвлекает громкий голос Серого:

— А! Пацаны! Что случилось?!

Он вернулся в купе, и теперь мы бежим на его зов. Купе нисколько не изменилось,

только вот... оно пустовало. Тётя Марина исчезла.

— Что за фигня?! — вопит Серый.

Я теряюсь, но догадка приходит уже после того, как Стёпка озвучивает мрачную истину.

— Мы снова переместились, — говорит он. — Это другой мир.

Ошарашенный взгляд Серого носится от брата к столу и обратно. Да, стол пустовал, а мы ведь оставили на нём недопитую бутылку минералки. Я вздыхаю.

— Это судьба, — говорю. — Значит, её роль была сыграна, и её удалили. Надо выходить. И теперь во все глаза наблюдать за Буратино и его командой.

Стёпка вздыхает вроде облегчённо, но на лице вновь появляется пустота. Внезапно поджав губы, он кивает головой на коридор и говорит:

— Пошлите. Мы так просто этому доктору не сдадимся!

И с этими словами решительно двигается к тамбуру. Я спешу за ним, а обалдевший Серёга замыкает шествие. Решительность друга пропадает, когда он останавливается у открытой двери. Проводница та же, но будто чуточку потрёпанная и постаревшая.

— Выходите уже быстрее, — требует она.

И мы не заставляем себя долго ждать.

Оказываемся на грязном перроне. Мрак, разлившийся вокруг, сковал пространство вовсе не из-за навеса. Небо затянуто столь чёрными тучами, что солнечному свету не пробиться. Казалось, сейчас не утро, близящееся к полудню, а глубокий вечер вот-вот готовый перетечь в ночь. Фонари на платформах горят, усиливая действие холодного мрака.

А в небе продолжает витать вызывающий мороз на коже глубокий вой воздушной тревоги.

Бросаю взгляд на здание вокзала впереди и становится ещё страшнее. Оно полуразрушенное. Навесов нет потому, что их кто-то уничтожил, левое крыло вокзала погребено под обломками. Следствие воздушной атаки, думаю.

Пространство перронов внезапно заполняет голос из динамиков, и не тот безразличный тон девушек, возвещающих о прибытии новых составов, а холодный механический баритон невидимого мужчины:

— ВНИМАНИЕ! ВСЕМ МОСКВИЧАМ И ГОСТЯМ СТОЛИЦЫ! В СВЯЗИ ОБЪЯВЛЕННЫМ ВОЕННЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ ПЕРЕДВИГАЙТЕСЬ ПО ГОРОДУ! КРАЙНЕЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ! НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПРЕДМЕТАМ, КОТОРЫЕ ВАЛЯЮТСЯ НА УЛИЦАХ И КОТОРЫЕ ВАМ НЕЗНАКОМЫ! ПОВТОРЯЮ!

И голос повторил.

Кажется, у меня мурашки бегут перед глазами от страха. На лице Стёпки бесконечная подавленность, глаза, переполненные протрацией, глядят в одну точку: куда-то на асфальт. Серый втянул голову в плечи, как перепуганный кролик.

Добро пожаловать в новую шизофреническую реальность.

— Пойдёмте, — говорю. — К выходу. Надо найти такси.

*И стою, и тебе сказать боюсь,
Что с тобой мы на самом на краю!*

В. Самойлов, На краю у Неба

*

Когда мы садились в Самаре, вагоны кишели людьми, в Москве из поезда вышло не более десяти человек. Ни один из них не напоминал туриста. На лицах светилась непонятая решимость: я приехал сюда по делу, и я буду выживать!

По грязной платформе только мы плелись словно изумлённые приезжие из Понаехаловска. Настроение на нуле, смесь изумления и страха возбуждает одиночество и желание вернуться домой.

Павильон вокзала пустовал, но народу здесь прибавилось. В основном — ребята в форме. Когда мы прошли через рамку металлоискателя, тот предупреждающе пискнул, но никто не обратил на нас внимания. Двое охранников в метре переговаривались об известных только им тревожных новостях.

Свет не горел, люстра покосилась, справа в стороне разрушенного крыла зияла дыра, ведущая прямо на улицу. Пол в той области заспали пыль, штукатурка и обломки стен.

А воздушная тревога продолжала выть, что хотелось плакать.

Выйдя из главных ворот, мы оказываемся на площади трёх вокзалов. Она сохранила прежний вид, разве что замусорена немного, а главное — всего три человека. Помнится, таксисты стоят чуть левее, поэтому я зову друзей в ту сторону.

В совокупности с воздушной тревогой плотный мрак действует совсем угнетающе. Перекрёсток, слева здания, хорошо его помню, справа — мост, впереди выход к междугородним электричкам. Обычно здесь тусуются таксисты... в моей реальности.

А в этом мире мост разрушен, валяется на шоссе хаотичной грудой, движение перекрыто, зато с других улиц всё же заворачивают редкие автомобили. Таксисты сохранились и здесь, только машин пять-шесть — не больше. А вот зазывали в свои салоны они по-прежнему бодро.

— Я возьму машину, а вы подождите меня здесь, — сказал Серый, но тут же сбился. Вдалеке звучит грохот, будто землетрясение начинается.

— Вы слышали? — шепчет Сергей.

— Скорее всего, взрыв, — хмуро озвучивает Стёпка мои мысли.

— Что же это так громко могло взорваться?

— А ты что, не слышал никогда, как здания взрывают? — усмехается Стёпка.

— Как будто ты слышал, — парирует Серый.

— Нет, но в кино видел, и грохот представляю. Лучше беги, такси заказывай.

Старший ещё несколько секунд тревожно глядит в сторону взрыва, будто ожидает увидеть в небе вертолёты, самолёты или машины похуже, а потом убегает.

— Разворачивай конверт, — сухо просит Стёпка и ёжится.

— А?

— Конверт вскрывай, какой адрес ты сейчас скажешь водиле?

— Точно! — хлопаю себя по лбу. Совсем забыл, вот болван. Достаяю из внутреннего кармана конверт таинственного Арнольда и разрываю его. На секунду жуткая уверенность, что внутри чистый лист бумаги, но оппозиционеры не обманули. Вот он — адресок. А внизу небольшой текст о двери в конце восьмой галереи и двух охранниках.

— Всё есть, — говорю. — Можем ехать.

А к нам уже бежит Серый и машет руками.

Он нашёл парня лет двадцати восьми в оранжевом мать его Рено. Не мог другой цвет подобрать. Из-под потёртой шляпы водилы торчали немытые кудрявые волосы. Морщинки в уголках губ и глаз смеялись, зато взгляд мне не понравился. Подленький какой-то.

На переднее сиденье забираюсь я.

— Далеко вам надо, люди молодые!?! — весело прикрикивает парень.

Прежде чем назвать адрес, ощущаю неприятный запах затхлости в салоне, да и от водителя несло нечистотами, и среди благоуханий чувствовался запах вчерашней вечерней пьянки.

Я называю адрес и хмуро отворачиваюсь к окну.

— Далековато, конечно! — восклицает шофёр, заводя машину. — В старое доброе время со старыми добрыми пробками плелись бы не меньше четырёх часов, сейчас домчим за минут тридцать. Устраивайтесь поудобнее!

Мы выплываем на пустынную проезжую часть. Некоторое время едем молча, из магнитолы льётся неизвестная мне группа. Ничего не имею против, очень похоже на рок, если бы не гадские для нынешней ситуации слова:

Время ошарашено носится,

Время как жвачка не тянется,

Время не растрачивают те, кто

Знают то, что временем надо платить.

Полагаю, Стёпка хмур как и я, а Серый вдруг задаёт вопрос:

— Это же с кем вы сейчас воюете?

Во дурак.

— Что значит чьих? — усмехается водитель. — Парень, да ты с Чукотки приехал? Хотя и там знают с кем мы воюем. С фашистами ж.

— Так мы ж с ними уже в сороковых отвоевали ж?

Вот идиот. Я терпеливо прикрываю глаза.

— Ребят, да вы что, из другого мира?! — восклицает водитель, внимательно поглядывая на дорогу. Шутки шутками, а попал он в яблочко.

— Не обращайтесь внимания, — вдруг говорит Стёпка. — Это мой брат, он немного больной на голову.

— Ааааа, то-то я вижу, видок у него глуповатый! — восклицает шофёр и поглядывает в зеркало заднего обзора.

Не представляю, какое лицо сейчас у Серёги, но едва сдерживаю улыбку. Уголки губ всё же немного растягиваются.

— А чо это я? — бубнит Сергей. Ох, лишь бы он понял сценарий, а то сейчас, похоже, его самолюбие всё испортит. Но Стёпка затыкает рот брату следующей фразой:

— Они на нас снова напали. Я же тебе говорил сто раз.

— Всё верно! — кивает шофёр, поворачивая на неизвестную нам улицу. — А что же вы его одного отпустили такси ловить? Сейчас время такое, что умных-то обманывают. — С этими словами водитель как-то чересчур добро косится в мою сторону.

— А мы рядом стояли, — тут же отвечает Стёпка. — Вы лучше расскажите ему, кто с кем воюет, он любит это слушать.

Вот Стёпка. Вот молодец.

И вдруг Серый подхватывает:

— Да, я люблю! Очень люблю!

Только делает это слишком уже дурацким голосом, как будто резко превратился в мальчика-дауна. Переигрывает.

— Да что там рассказывать. Третью Мировую они развязали, фрицы эти опять, — ворчит водитель. — Надо было тогда Сталину в Берлин всё-таки войти и снести их к чертям собачьим.

В салоне некоторое время висит пауза, а шофёр то и дело поглядывает в зеркало заднего обзора, да на меня иногда слишком уж любвеобильным взглядом. Может, ждёт, что мы продолжим. А мы и не знаем как.

Но Серёга продолжает подыгрывать, и очень неплохо.

— Так они ж мелкие, — говорит он. — Россия вон какая большая, а Германия совсем маленькая.

— Маленькая, да удаленькая, — ворчит водила. — Они там наплодились как кролики. Вся Россия залезет. И вооружение нехилое. Да они потом всю Европу всколыхнули. По принципу: идём на Россию, кто не с нами, тот против нас. Вот многие и подписались, чтобы на них не нападали.

— А как же Америка? Они такое потерпели? — возмутился Серый.

— А что Америка? Ей главное — не с ней воюют. Она и спряталась. Все от нас отвернулись, — продолжал глаголить водитель. — Китайцы, вроде бы друзья друзьями, а сразу на сторону оппозиции встали. Всем наша огромная территория нужна. Китай, говорят, уже тайгу забил. Вы думайте что хотите, ребятки, а я подозреваю, что Россия доживает последние дни.

— Как-то очень пессимистично звучит, — грустно отзывается Стёпка.

— Смотрите реальности в лицо, — отвечает водила и бросает короткий взгляд на моего друга в зеркало заднего обзора. — В школе, если вы ещё учитесь, вам-то небось поют, что мы победим, но европейцев, кажется, это совсем не волнует. Хотя, Москву, думаю, оставят. Оставят нас жить на клочке территории не больше Латвии, а остальное заберут. Бурятия с тайгой узкоглазым отойдёт. Может, ещё за Владивосток поборются, да там, поди, США нарисуются вдруг в друзьях, да себе всю Камчатку заберёт, правда, не знаю, что они там будут делать. Мне интересно, как наш юг делить будут. Вот это пугает. Не наделают же там массу анклавов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это получается, что Китай будут самыми большими? — интересуется Стёпка.

— Вероятно. Они ж там наплодились как кролики. Мы, ребят, собственно, уже подъезжаем. Три тысячи с вас готовьте.

Три тысячи? Виду я не показываю, но ужасаюсь от названной суммы. За такие деньги можно от Саратова до Самары доехать в нашей реальности. Предполагаю, что друзья тоже возмущены, но Серый уже шелестит лапами куртки. Незачем спорить с невинным

человеком.

А невинный человек тем временем внимательно изучает в зеркале действия Сергея, а потом вновь смотрит на дорогу и продолжает словесный понос:

— Не представляю, зачем вам музей сдался. В такое-то время. Туда сейчас и не ходит, поди, никто.

— Нас там родственники ждут, — тихо отвечает Стёпка.

Забрызганное Рено съезжает к тротуару, и говорливый таксист выключает двигатель.

— Возьмите деньги, — просит Серёга, и бледная рука друга появляется в поле моего зрения.

— И зачем вам нужен этот музей. Сейчас в музеи вообще никто не ходит, — говорит водила, забирая деньги. — Пусто там... — потом он замирает и хмуро поглядывает на купюры. — Вы мне чего дали?

— Деньги, — неуверенно произносит Стёпка.

— Мне нужны настоящие! — шофёр швыряет купюры назад. — А не какие-то бумажки, сделанные под не пойми какую валюту.

Стёпка вздыхает и отчётливо слышу шёпот друга:

— Этого я больше всего и боялся.

— Я не понимаю, что здесь происходит? — бормочет Серый, собирая купюры. — Это единственные деньги, которые у нас есть.

Водитель откидывается на сиденье, хмурится и зло глядит на дорогу. Разговорчивый балагур с его лица исчез, уступая место разгневанному карлику. Недалеко от машины пару мальчишек помладше меня тащили через маленькую площадку металлическую сетку от кровати, редко поглядывая в сторону нашего автомобиля. В салоне повисла тонкая тишина, разрывающаяся лишь шёпотом динамиков, в которых теперь играла группа Любэ.

— Меня такой расклад совсем не устраивает, — говорит таксист и поворачивается в мою сторону. — Предлагаю обмен. — Глаза водилы вдруг сверкают, губы улыбаются, я вновь вижу усмешку сумасшедшего профессора. И она вновь напоминает двадцать третье июля. — Двоих из вас я отпускаю, а кого-нибудь одного вы оставляете. — Рука таксиста ложится мне на голову, и он ласково треплет волосы на макушке. — Мне нужны работнички. Уж мы-то поработаем.

У меня сердце останавливается от ужаса, и ноги сводит. Острое оружие оппозиционеров давит из внутреннего кармана на грудь. Но если я даже успею надеть смертоносную штуку, то полмашины же разнесу.

Ещё пять секунд и я обкакался бы от страха, если бы не Серый. Проблема решилась мускулами. Парень нападает на шофёра, хватая за шею и кричит всякие нехорошие слова. Если вырезать всю ту ругань, которую нам запрещают говорить родители, получится что-то типа:

— Ах ты, сволочь паршивая! Ты чего тут удумал!?

Поражённый шоком я медлю лишь секунду, а потом открываю дверь машины и вываливаюсь наружу. Позади хлопают двери. Мы выходим почти одновременно. Сначала Стёпка, потом Серый, которому водила успевает врезать по носу, а потом и сам таксист. Разница в доли секунды.

Пока водитель выходит, Серёга уже оббегает машину, продолжая выплёвывать самые запредельные ругательства. Дверь таксист закрыть не успевает. Серый швыряет на неё мужчину и бьёт. Водила начинает ругаться в ответ и пытается ударить Серёгу.

Мы со Стёпкой отбегаем.

— Может, ему помочь? — спрашиваю я дрожащим голосом, ныряя во внутренний карман куртки.

— погоди, он неплохо справляется, — отвечает Стёпка.

Накаченный Серёга, который не уступал по росту таксисту, и правда справлялся очень неплохо. Он мутузил мужика так, что тот не успевал даже руку вскинуть.

— Сейчас ты встанешь и пойдёшь отсюда! И чтобы я больше тебя не видел! — орёт Серый.

Таксист поднимается с мощёной мостовой и отходит на шаг. Размазывая по лицу кровь, капающую из носа, он шипит:

— Ты понимаешь, что я найду и тебя, и твоих дружков, — шипит он. — И тогда вам трындец! Мы же убьём вас.

— Пошёл вон! — орёт Сергей, и таксист отшатывается.

— Парень, отдай мне машину, иначе...

— Пошёл в жопу, я сказал!

Меня пугает кровавая усмешка на лице таксиста.

— Ну я тебя предупреждал, сивый.

С этими словами водитель рысцой уносится к полуразрушенному зданию, а мы со Стёпкой приближаемся к Серёге.

— У нас есть повод для беспокойства? — спрашивает Стёпка.

— У нас есть мало времени, — строго замечает Сергей, провожая суровым взглядом часто оглядывающегося таксиста. — Поэтому проворачивайте свою операцию быстрее.

Он так и говорит: проворачивайте. Значит, у меня есть шанс отправиться в музей со Стёпкой. Обхожу машину и сосредотачиваю взгляд на сером здании перед нами. Двухэтажная готическая конструкция с узкими окнами и обшарпанным фасадом. Во мраке дня, который почти превратился во тьму, музей выглядит совсем зловеще. И у входа — никого.

— Пробирайся внутрь и делай своё дело, — говорит над ухом Сергей, и я вздрагиваю от неожиданности.

— А мы разве не идём? — хмурится Стёпка.

— Мы не идём, — сухо отвечает Серый. — Нужно стеречь машину. Вдруг этот болван вернётся. А нам нужно будет как-то добраться до вокзала.

— Но ты же можешь посторожить и один, а я... — но Стёпка не успевает договорить.

— Тёмка идёт один, — строго констатирует Серый и бросает в меня испепеляющий взгляд. Я судорожно сглатываю воздух и пожимаю плечами:

— Да Стёпка, у меня есть оружие, а у тебя — нет. Ты можешь пострадать.

— Да неужто, — усмехается друг. — С каких пор ты начал заботиться о моей безопасности?

— Андрюха мой брат, — отвечаю и не гляжу в сторону друга. — Это моё дело. Я быстро всё сделаю и вернусь.

— Поторапливайся, — просит Серый. — Времени у нас не так уж и много.

Я киваю и делаю два шага к музею, но тут же останавливаюсь. Меня осеняет.

— Вы знаете, почему водитель не взял деньги? — спрашиваю я, разворачиваясь.

— Знаю, — хмуро кивает Стёпка. — Мы в той реальности, где валюта совсем другая. Купюры тут по-другому выглядят.

— Хорошо, а как же я пройду в музей, ведь там наверняка вход платный.

На минуту повисает цепенящая пауза. Стёпка обескуражен, а Серый злится ещё больше.

— Ну не знаю, — ворчит он. — Возьми то, что есть. — И суёт мне купюры, которые вернул водитель.

— Да это не проканает, — злюсь в ответ я, но деньги забираю. — Если денежная система другая, то...

— Ну разнеси значит там всё к чертям собачьим! — рывкает Сергей. — Что я могу ещё предложить!

Смотрю на Стёпку, в надежде, что мозг нашей компании что-то придумает, но тот в растерянности.

— Времени нет, — бормочет он. — Надо думать по ситуации. На месте я, может, что-то сообразил бы. Поэтому я говорю, давай я пойду с тобой.

— Тёмка идёт один! — Серый рассвирепел не на шутку. — Иди давай!

Последняя фраза обращалась ко мне, и я, вздрогнув, принялся улепётывать, как таксист, нас подвозящий. Чем ближе я подходил к музею, тем мрачнее становилось на душе. Подлая крыса внутри меня нащёптывала, что это мой последний день жизни. Вот так я и умру.

Ступени музея потрескались то ли от старости, то ли от боевых действий. Будто в ответ на мои мысли вдалеке слышится взрыв. Я втягиваю голову в плечи и некоторое время смотрю в опасную сторону. Но теперь мрачная Москва молчит, лишь клубы дыма поднимаются в небо.

Неужели такая реальность возможна? Как могли лечь карты, чтобы мир начал пожирать себя изнутри? Снова отдаю внимание музею. Если верить оппозиционерам, внутри прячется Глобус Эфира, словно в недрах техногенного демона, который не хочет отдавать свою добычу.

Привет, Буратино, я иду к тебе прямо в лапы.

Пройдя через разохшуюся дверь, попадаю в предбанник маленького мрачного вестибюля. Свет не горит, фикусы в горшках увядают. На проходной меня встречает грустная тётка, листающая журнал. Неужели она и будет первой жертвой? Но я же не планировал убивать людей!

Судорожно сглатывая воздух, прячу руку во внутренний карман и шагаю к стойке со старой конторкой. Над окошком замечаю раздражающее слово КАССА.

Нехотя отрываясь от журнала, женщина смотрит в мою сторону. Отхлёбывает чай и ждёт.

— Мне бы на экскурсию, — лепечу я.

— Иди, — кивает она в сторону арки, завешенной красными плюшевыми занавесками.

— Эм... — я теряюсь. — Можно прямо идти? А билет брать не надо?

— Тебе восемнадцать есть? — спрашивает тётка.

— Нет. Тринадцать пока, — отвечаю всё ещё дрожащим голосом.

— Читай, — женщина кивает на сноску, прилепленную к стеклу. Судя по грязным отклеенным углам скотча, висит бумага здесь уже давно. В ней крупными буквами сообщалось, что дети до восемнадцати лет проходят бесплатно.

— Да мы уже и взрослых можем пускать за бесплатно, — говорит женщина. — В это время никому музей и деньги не нужны.

— Спасибо, — киваю я и быстро ускакиваю за занавески.

Экскурсовода мне не предоставили, поэтому я гуляю где хочу. Думаю, если бы я перелез

через ограждение и попрыгал на каком-нибудь древнем диване Ивана Грозного, никто меня не остановил бы. Смотрителей музея я встретил лишь пару раз, и почему-то они нисколько не выдавали свою принадлежность оранжевой бригаде Буратино.

Я даже начинаю сомневаться, насчёт Глобуса Эфира. Может, он спрятан в другом музее или в этом же, но в иной шизофренической реальности?

Я — не единственный любопытный, но музей не славится посетителями, и я время от времени встречаю лишь молодую женщину с двумя девочками, да задумчивого студента в очках и с жидкими усиками.

В тёмных залах я не осматриваю ни один экспонат, подсвеченный на пьедесталах тусклыми лампочками. Внимание приковывают только цифры и названия галерей. Вторую я нахожу на втором этаже, впрочем, мог бы догадаться сразу.

В спешке пробегаю первые семь залов, замедляя ход только, когда вижу смотрителей музея. Вот приближается восьмой зал, и становится страшно. И боюсь я в основном лжи, пустоты. Что если в павильоне нет никакой двери, охраняемой двумя накаченными парнями? Что тогда?

С гулко бьющимся сердцем вбегаю в восьмой зал и оглядываю его. Галерея немного извилиста и пуста. Заворачиваю за пару углов, и вдруг столбенею. В конце зала за очередным поворотом вижу стандартную музейную дверь, занавешенную красным пледом, а возле неё два мордворота в чёрных костюмах, чёрных очках и чёрных водолазках.

Значит, вот оно!

Парней я, кажется, нисколько не интересую, поэтому небрежно отворачиваюсь к стенду с гусарскими шапками, а сам медленно вытаскиваю из кармана оружие для Девяток.

Тёмка, твой час пришёл. Ты должен войти внутрь, взять трофей, и смотреться отсюда.

А вдруг всё же где-то закралась ложь? Вдруг это два обычных человека, охраняющих какую-нибудь древнюю реликвию, а я поступлю с ними так жестоко?

В глазах мутнеет, и даже слёзы наворачиваются, как мне страшно. А если по мне начнут стрелять, и попадут? Пугает всё! Каждая тень, каждое движение.

Оружие Девятки я уже присобачил. Что дальше? Осматриваю артефакт и вдруг...

Тот индикатор, что напоминает батарейку телефона. Он таки уменьшился процентов до тринадцати. Неужто и правда заряд?

Чёрт!

Тогда почему не предупредили?

Но думать некогда. Энергии должно хватить.

Давай, Тёмка!

Сейчас или никогда!

Раз-два-три!

Разворачиваюсь, скидываю нарукавник в направлении одного из охранников и нажимаю кнопку.

Отдача.

Оружие работает исправно.

А потом мордворот разлетается. И не на грудку крови и мяса, а на кучу болтиков.

Робот!

Вот это да!

Всё верно, как и предупреждали оппозиционеры!

Силовой луч задевает и второго охранника. Он отшатывается, пытаюсь вытащить

оружие. Но у него плохо получается, и мой второй выстрел разносит последнего охранника вдребезги.

Грохот стоит всё равно, что при взрыве. Вот и всё. Меня теперь никому не остановить. Я справился. Не так уж и сложно было.

На бегу к двери я даже смеюсь, адреналин подкашивает ноги, руки трясёт мелкая лихорадка. В дюжине метров от двери я стреляю, разнося преграду в щепки. Силовой взрыв задевает не только косяк, но и стену. В меня летят мелкие камни и деревянные осколки. Приходится остановиться и прикрыть голову.

Парочка снарядов ударила меня в куртку. В остальном — путь свободен. Возможно, через пару минут сюда уже понабегут зрители музея, но пока зал пуст и меня переполняет решимость.

Не знаю, как ощущают на себе защитное поле Девяток другие люди, я же не почувствовал ничего, проходя сквозь дымящуюся шпукатуркой арку, секундой назад бывшей дверью.

Итак, дальше просто. Беру Глобус, и немедленно улепётываю. Может даже никто не успеет подойти на взрывы. Пожалуй, это будет самое лёгкое задание в моей жизни. Даже контрольную по географии и то писать в разы сложнее.

Я проникаю в ярко освещённую комнатку за аркой и...

— О чёрт возьми!

Оказываюсь в небольшом зале, переполненном глобусами.

**

На первом этаже раздаются выстрелы, доносящиеся до моих ушей лёгким треском. Кто-то ломится сюда, а я стою посреди океана глобусов, раскрыв рот и оцепеневший от ужаса.

Почему этот вариант никто не предвидел?

Сколько же их тут? Сотни. Больших, средних, маленьких. И какой из них настоящий? Ну я хотя бы знаю приблизительный размер, но глобусов с кокос здесь тоже хватает. Даже тридцать штук серьёзно понижают вероятность угадать. А все я не унесу.

Индиана Джонс легко разгадал кубок вечности, выбрав самый древний, но я не он, да и жизнь — это не кино. Как должен выглядеть Глобус Эфира?

Беру в руки самый крайний — огромный и лёгкий, будто бумага. Это точно не он, но каков нужный критерий?

Со злости рычу и кидаю глобус на пол. Тот разбивается на две половинки, демонстрируя пустоту внутри себя. В этом мире кругом одна пустота, чёрт его дерь.

А выстрелы повторяются уже ближе.

В панике начинаю хватать все глобусы средних размеров, и не верю ни в один из них. Даже в такой, заключённый в квадратную обсидиановую оправу. Шикарный, не спорю, но не нужный мне.

Глобусы падают на пол, а я ищу новые и новые, стараясь внимательно осматривать их. На некоторых нахожу логотип завода, и с уверенностью откидываю такие в сторону.

— А вот и мой юный друг!!! — слышу позади очень знакомый голос. Резко оборачиваюсь и вижу... Шамана. Он стоит в проёме, образованном мною, и поглаживает бородёнку. Теперь его торс облачён в кожаную куртку, на которой висит пара гранат.

Впервые вижу взрывающее оружие. Ничего так старичок, бойкий.

Через пару секунд к нему присоединяются другие бойцы оппозиционеров. В их руках автоматы, которые незамедлительно уставляются дулом в меня.

— И что всё это значит? — спрашиваю я в воцарившейся тишине.

— То и значит, — улыбается Шаман. — За Глобусом я.

— А как же мой поход к доктору Вечности?

— Наивный, — Шаман сухо смеётся. — Неужели мы отдали бы такой важный артефакт в руки какому-то юнцу, пускай даже и Девятке. Ты можешь себе представить, сколько силы он нам даст? Думаю, доктор Вечность сам выйдет к нам на связь, стоит только заполучить эту реликвию.

Я сжимаю кулаки, а потом вскидываю оружие, но бойцы Шамана реагируют быстрее.

— Успокойтесь! — кричит Шаман и снова обращается ко мне: — Не надо поспешных действий, мой юный друг. — И обращается к солдатам. — Чутьочку подождём, у него осталось совсем мало заряда, как я понимаю.

В сердцах я гляжу на индикатор и замечаю, что значок батарейки мигает. Чёрт! Неужели все они с самого начала использовали меня как наивного глупца? И даже полюбившийся мне Арнольд? Теперь не хочу, чтобы он был моей параллельной копией. Никогда не стану таким предателем.

Оборачиваюсь и продолжаю осматривать глобусы средних размеров.

— Ты всё равно его не найдёшь! — прикрикивает Шаман. — Внешний вид Глобуса Эфира знают немногие. И не кидай их на пол! Можешь повредить нужный нам.

Я пропускаю его слова мимо ушей, и, сжав губы, продолжаю искать, смахивая наворачивающиеся на глаза слёзы. Теперь кажется, что весь мир меня предал. Даже не удивлюсь, если выйду, а Стёпки с Серёгой не окажется на месте. Стёпка-то нет, вряд ли предаст, а вот Серый может на него повлиять.

— Предлагаю бартер! — восклицает Шаман. — Я говорю тебе, какой глобус нам нужен, ты передаёшь его нам через арку и остаёшься в живых. Мы уходим, а ты продолжаешь путешествие к доктору Вечности. Идёт?

Не идёт, — бесшумно шепчу я. У меня времени сколько угодно, они всё равно сюда не войдут, хотя, оружие садится. На какое время его ещё хватит? Минута? Две? Десять?

Внезапно я замираю. Глобус, который я только что подхватил, оказывается тяжёлым, будто слит из металла. Осматриваю его внимательно. Как раз с кокос величиной, в золотистой оправе. Логотип завода я не нахожу, как ни кручу штуковину, зато вдруг нащупываю взглядом небольшую кнопку в боку. Зачем обычному глобусу кнопка? Чтобы оттуда чёртик выпрыгивал? Баста. Меня не обманешь, я нашёл, что искал.

Палец висит над кнопкой, и я раздумываю. Чёрт возьми, какие неведомые силы я приведу в движение, если нажму её? Стоит ли?

Предполагаю, что пока рано. Оборачиваюсь к Шаману и его команде, а по лицу расплывается идиотская улыбка. Однако вопрос остаётся на повестке дня: как пройти через толпу вооружённых людей? Быстро, пока не села батарейка, перестрелять их? Прямо убить людей? На это я не подписывался.

— Видишь, какой ты умный мальчик, — улыбается Шаман. — Сам нашёл то, что мы ищем. За такой ум я пощажу тебя. Да ты просто поднялся в моих глазах. Давай мне Глобус, и мы тихо уйдём.

Лукавишь, гад.

Оглядываю комнату и... то ли отозвались сотни кинофильмов, просмотренных мною, то ли Стёпка передал мне кусочек своей логики, но я внезапно нахожу выход. Стена слева, если я не ошибаюсь, несущая. И мне немедля вспоминается кино Побег из Шоушенка.

Оружие ещё мигает, и я стреляю в арку над дверью. Люди Шамана вскрикивают и пригибаются, да и сам старик прикрывает голову руками. На них сыплется град камней и шпукатурка. Пока кучка солдат не опомнилась, я стреляю в несущую стену.

Услышав, новый взрыв, некоторые солдаты оппозиционеров вообще в страхе падают на пол. А я смотрю, как плюшевый занавес разлетается в крошку, за ней открывается дыра, ведущая...

Ведущая...

Ведущая на улицу! Ура!

Я думал, что спрыгнуть со второго этажа — не составит труда, даже если внизу меня поджидает серый асфальт или мощённая мостовая, но идиотам несказанно везёт. С той стороны, где я пробил стену рос дуб. Не раздумывая, я разбегаюсь и прыгаю, выбрав самую толстую нижнюю ветку. Дуб молодой, но уже огромный, толстый.

(...как тот, с которого ты снимал Андрюшку...)

Мелкие хворостины хлещут по лицу, стараясь выколоть глаза. Ветка хрустит подо мной, но не ломается. Предательского времени у меня мало, поэтому, я быстро перемещаюсь к стволу.

Позади слышу возню и крики. Шаман что-то приказывает солдатам. А я действую почти интуитивно. Мозг как будто сам определяет, куда правильно поставить ногу, за какую ветку хватиться. Главное — добраться до ствола, а там уже вниз как по шесту.

Сколько времени у оппозиционеров займёт спуск по лестнице? Опередят ли они меня и встретят на улице? Не уехали ли Серёга со Стёпкой? Столько вопросов! Каждая секунда приближает меня к смерти, а тут ещё этот грёбанный Глобус, зажатый в руке, который замедляет мои акробатические движения.

С последней кочки валюсь-таки на землю. Благо — уже не высоко, и ударяюсь лишь спиной. Совсем чуть-чуть.

Немедля вскакиваю и оббегаю здание.

Вот и площадь, темнеющая под мрачным небосводом, а прямо у кромки стоит оранжевое Рено, в котором спрятались Серый и Стёпка. Отчаянно машу им руками, но они не видят. Напуганы. Вероятно, заметили Шамана и его бригаду, когда те входили.

— Серый!!! — воплю я, развивая скорость спринтера. Глаза время от времени косятся в сторону дверей музея, в ожидании выстрелов.

А вот и они. Некоторые снайперы стреляют из окон второго этажа. Пули рикошетят у ног. А ещё метров пятнадцать бежать. Не успею.

Как пить дать не успею.

Однако Стёпка замечает мою фигурку и тормозит Серёгу. Заводится двигатель.

Вдалеке звучит новый безнадёжный взрыв погибающего мира. Может, где-то в Европе этой реальности стоят особняки, и другие мальчишки с девчонками живут в уютных тёплых коттеджах, как я до этой заварушки, но их образы — лишь воображение. В данной точке, данной местности, по которой бегу я, свистят пули, гремят взрывы, жизнь и смерть сплетаются в общую уродливую массу.

— Серёжка! Стёпка! — шепчу я под нос, и невидимая оса жалит ступню правой ноги. Кажется, вражеский калибр таки задевает меня, но я не останавливаюсь.

Рено двигается ко мне.

Проходит секунды три, долгие секунды, длиннее, чем вся моя жизнь, и я прыгаю за машину.

Ура!

Теперь чувствую себя в безопасности, а над головой из открытого окна автомобиля звучит визг Стёпки:

— Запрыгивай быстрее! Быстрее!!!

Да нечего меня упрасивать. Итак выжал из себя последние силы. Распахиваю заднюю дверцу и вваливаюсь внутрь. Вереница пуль уже стучит по автомобилю. Звуки страшные, всё равно как холодный летний град по металлической крыше, только в разы громче.

Не дожидаясь, пока я закрою дверь, Серёга ударяет по педали газа. Машина срывается и несётся в сторону шоссе. Выстрелы успокаиваются, лишь изредка нет-нет да ударит.

Мне страшно. Сворачиваюсь на заднем сиденье калачиком и боюсь даже голову приподнять.

— Твари... Гады... — зло шепчет Серёга где-то в другом мире. Вижу голубого зайчика на ключах зажигания. Приметил брелок ещё когда покидали полуразрушенное здание вокзала.

— Оторвались? Оторвались? — щебечет Стёпка и постоянно оглядывается.

— Не вертись! — кричит Серый. — Могут задеть.

Стёпка пригибается, и я замечаю его лицо в просвете передних сидений.

— Тёмка, ты в порядке? — спрашивает он. — В тебя не попали.

— Нет, — лепечу и медленно сажусь на сиденье. — Просто... очень страшно...

Я вдруг начинаю плакать. Отходняк жуткий. Мысли в голове носятся невнятицей, боль теперь пронзает тело отовсюду. А ещё я рад видеть старые добрые лица друзей, даже Серёги.

— Ты... не расстраивайся, — выдавливает Стёпка и отворачивается от меня. Верно никогда не приходилось успокаивать плачущих людей. Да я и не хочу, чтобы меня сейчас трогали. Оставьте в покое на пять минут и дайте прийти в себя.

Несмотря на подавленное состояние, я не забываю закрыть заднюю дверь. Испугался, что Глобус, брошенный на сиденье, вылетит нечаянно на повороте. Я теперь за него готов жизнь отдать.

— Нужно сворачивать и ехать дворами, — слышу голос Стёпки.

— Зачем это? — ворчит Серый.

— Думаешь, у этих подонков нет машин? Мы на шоссе светимся как маяк со спутника.

— Чёрт... сворачиваю. Предупреждаю, далеко мы не уедем, — шипит Сергей.

— Что такое?

— Они задели бензобак. Нам хватит ненадолго.

— Как ни киношно это звучит, но мы опять в большой заднице, — вздыхает Стёпка.

Серый немедленно сворачивает на узкую улочку, потом в вымерший дворик и останавливается.

— Отсюда пешком, — говорит он в наступившей тишине. — И давайте поторапливаться. А то бак пробит, ещё взорвёмся.

— Чушь, — буркаю я с заднего сиденья, отлепляя провод от кожи. Успокоившись в дороге, я принялся подсчитывать уроны, нанесённые моему телу. Дуб ободрал в нескольких местах, затылок ноет, да ещё на запястье оторвался от кожи провод, что крепил оружие Девятки к мозгу. Клей доктора Руслана начал слабеть, а воспоминаний о предательском

штабе оппозиционеров оставлять не хотелось, поэтому, пока Рено подбрасывало на кочках старых дорог воюющей Москвы, я отцепил почти весь провод до самого затылка. Оружие безнадежно разрядилось и превратилось в бесполезную железяку, которую я на всякий случай убрал в карман.

— Почему чушь, умники? — ворчит Сергей. — Вы же любители фильмов. Ни разу не видели, как от пуль машина взрывается?

— Миф, — тут же отвечает Стёпка. — Мы ещё любители сериала Разрушители Мифов.

— Они кучу машин в решето расстреляли, — хмуро отвечаю я. — И ни одна не взорвалась.

И пусть только Серый поспорит. Настроения у меня никакого, а учитывая, что угрозы старшего парня врезались в мозг и теперь вряд ли забудутся, я готов надавать ему по морде, если начнёт спорить, но Серёга не начал. Лишь вздохнул и безнадежно упёрся подбородком в руку, которую выставил в окно.

— Что случилось в музее? — спрашивает Стёпка и оборачивается. Я тем временем задрал ногу на сиденье и оглядываю кроссовок. Подошва справа располосована. Расшнуровываю обувь.

— Шаман пришёл, — коротко отвечаю.

— Знаю. Ждали оранжевых, а пришёл этот болван. Чего он хотел? Разве он не наш друг?

— Ага, как же, — ворчу я. — Он хотел меня убить и забрать Глобус. Он послал нас за ним только потому, что я — Девятка и смогу пройти сквозь силовое поле. Потом, как ты понимаешь, хотел отобрать Глобус как конфетку у малышей. Думаю, нас он мог вполне убить. Впрочем, ты видишь результат.

— Ну конечно, — Стёпка хлопает себя по лбу и откидывается на сиденье. — Глобус — это ловкий стратегический ход. Имея его на руках, можно было пойти на дипломатические переговоры с доктором Вечностью.

— Вот пусть теперь себе яйца оторвёт! — прикрикиваю я, невероятно злясь. — Глобус у нас и дипломатические переговоры вести будем мы! И только МЫ!

— Ты молодец, Тёмка, — вяло смеётся Стёпка.

— А что, поле там и правда было? — вдруг спрашивает Серёга. Взгляд у него глуповатый, а тон голоса смирённый. Думаю, не маленький, понимает, что любая искра может сейчас разжечь огонь.

— Конечно, было, — отвечаю.

— А как ты узнал? Почувствовал.

— Да ни хрена я не почувствовал, — хмуро пожимаю плечами и рассматриваю ступню. Справа маленькая царапина. Кровь едва сочится. Надо сказать, что отделался я легко. Четыре снайпера, — а я насчитал именно столько, — плюс пули рикошетят, а на мне лишь помарка. В меня мог попасть любой снаряд. Но судьба. Так и поверишь в голливудские боевики. — Я просто прошёл в дверь, — продолжаю, надевая кроссовок. — А вот они пройти не могли. Стопились у косяка как свиньи у хлева и топтались. Уговаривали Глобус отдать.

— А где же наш Буратино? — хмурится Сергей.

— Не знаю, но слава Богу, что он не появился. Его только не хватало. Давайте двигать дальше.

— Да пора бы, — вздыхает Сергей. — Только куда двигаться? — потом смотрит на часы. — Начало первого только. До поезда нашего ещё десять часов.

— Пацаны! — Стёпка тревожно оглядывает нас. — А вдруг здесь и билеты другие? Вдруг нас на поезд не пустят?

— Ой, давай не будем о мрачном, — с отвращением морщится Сергей. — Лучше проверь в бардачке. У таксистов Москвы часто атлас Москвы лежит.

— Ага.

Как выяснилось, среди кучи бумаг бардачка действительно оказался атлас. Оставив его Серёге, Стёпка вышел проверить номер дома и название улицы. За другом выкарабкался и я.

Жилой дом перед нами, некогда бежевого цвета, покрылся паутиной трещин, свет в окнах не горел. Раскидистые вязы во дворике переплели меж собой лапы крон, отсекая остатки мрачного света, погружая подъездную дорожку во тьму самой настоящей ночи. На заброшенных каруселях, кажется, никто не качался уже несколько десятилетий, трава в палисаднике вялая, асфальт лижут десятки грязных газет, обёрток и прочего мусора. Жалко, грустно и почему-то стыдно.

Вернулся Стёпка. Сообщил Серому адрес и облокотился спиной на машину рядом со мной.

— Жуткая реальность, — констатировал он, поглядывая, как я извлекаю из-под футболки провод. — Отцепил его?

— Да. И хочу совсем избавиться, — говорю.

— Придётся из затылка вытащить эту хреновину.

— Угу.

— Полагаю, это больно.

— Плевать.

Стёпка смотрит мне в глаза, и я чувствую его испуг и печаль.

— Тёмка, ты не переживай, — вполголоса приговаривает он. — Мы справимся с навалившейся проблемой. Не позволяй этой войне съесть тебя. Ты вернёшь Андрюшку, мы вернёмся обратно домой и будем жить как раньше.

— Да я понимаю, — морщусь и смагиваю провод. — Просто, всё грустно и страшно. Ну... я отойду. Сейчас не хочется ни о чём говорить.

— Понимаю, — Стёпка улыбается и хлопает меня по плечу. Посреди холодного воинственного мира нынешней шизофренической реальности улыбка друга — это всё равно что огонёк огарка в полной темноте. Он такой тёплый и помогает видеть.

— Спасибо, — через силу улыбаюсь в ответ.

— Я просто к тому, что последняя стадия будет самой страшной.

— Ты о чём? — хмурюсь.

— Ну понимаешь, вспомни компьютерные игры. Думаю, доктор Вечность пустил нас примерно по такому же пути. Каждая новая стадия сложнее предыдущей. И если мы будем так раскисать, то в Питере можем совсем не выжить.

Я замер, перебарывая слова друга. Чёрт возьми, Стёпка весьма наблюдателен, и он прав. Каждая станция усложняет наше путешествие. Значит... Питер — это будет самый огонь.

— Ладно, — вздыхаю. — Там разберёмся. А пока помоги мне с этой фигнёй. — Протягиваю другу провод. — Вытащи эту оппозиционерскую шгуковину из моей башки.

Стёпка хмурится, бледнеет. Вижу, ему страшно, однако друг друга в беде не бросит. Перенимает из моих рук провод, а ладони-то трясутся.

— Больновато будет, — морщится Стёпка.

— Срать. Действуй. Не хочу, чтобы эта фигня торчала во мне. Вдруг в ней жучок.

Глаза Стёпки округляются.

— Чёрт, а ты прав, оборачивайся, только подожди... — друг копается в карманах и извлекает на свет божий платок. — Кровь пойдёт. Надо будет зажать.

— Договорились. — Теперь и мне страшно, но всё же поворачиваюсь спиной к Стёпке. — Дёргай. — А сам хватаюсь за полы куртки, сжимаю их, зубы тоже сжимаю.

— Дай я рассмотрю... — что-то лепечет Стёпка, но договорить не успевает. Острая резкая боль пронзает затылок. Я даже вскрикиваю.

— Что же ты так!..

— Прости! Прости! — Стёпка обхватывает меня, бьющегося в конвульсиях, и прикладывает к затылку платок. — Если бы я предупредил заранее, то мотал бы тебе нервы. Мне так нос вправляли, когда о качели его сломал. Доктор сказал, что будет считать до трёх, а досчитал до двух и вправил.

Оборачиваюсь с кулаками на Стёпку и застываю. В темноте лицо друга в огромных очках кажется нелепым и каким-то милым. Как я уже говорил, свеча в темноте. И превозмогая пульсирующую боль в затылке, я нервно смеюсь. Через пару секунд мой смех подхватывает и Стёпка.

Стук дверцы машины отвлекает нас. Серёга выбирается наружу, сжимая в руках атлас.

— Хохотуны. Двигаем вперёд. Нам надо добраться до метро, а там до Комсомольской, и мы на вокзалах.

— Откуда ты знаешь? — удивляется Стёпка.

— Не забудьте, я старше вас и опытнее, — ухмыляется Серый, а в его глазах и правда сверкают оттенки гордости. Чёрт, сейчас я готов любить и его. Моё настроение нестабильно как столбик термометра на Меркурии. То хочется кого-то убить, то вдруг проникаюсь любовью и нежностью к каждой ползучей твари.

Оставив окровавленный провод и раздолбанную машину за спиной, мы покидаем заброшенный двор.

***

Не хочу вникать в подробности, как мы сели на поезд до Питера, — а мы всё же в него попали, — и про Димку особо много рассказывать нет желания. Поэтому поведаю эту часть истории вкратце.

К вокзалам мы прибыли уже в начале четвертого. Долго искали метро, потом блуждали внутри. Станции опустели, видимо, народ прятался в домах, а ездили по делам, скорее всего, самые отважные. В метро вместо вежливых объявлений строгий мужской голос рапортовал о военной угрозе. Свет то и дело мигал, а запах в воздухе витал тот же: спёртый и потный. Ностальгически отбросило на полжизни назад, когда я ездил с отцом вот по этим самым эскалаторам.

Большую часть времени мы проводили у карт. В основном за маршрутом следил Серый, но Стёпка иногда помогал. Я даже не лез, ибо столь редко пользовался планами местности, что обладал хроническим топографическим кретинизмом. Боялся лишь, что получасовое торчание у карт метрополитена вызовет подозрение у окружающих, но вроде как пронесло.

Один раз мы сбились с пути, на одной станции пол затрясся, сверху посыпалась штукатурка и большинство испуганных пассажиров попадали на пол, прикрыв голову

руками. Под потолками панически заметались крики.

Позже, в вагоне велось бурное обсуждение происходящего. Большинство мужчин предположило, что где-то на соседней станции что-то взорвалось. Некоторые утверждали, что взорвали саму станцию. Лишь немногие предполагали взрыв бомбы на поверхности прямо над стацией метро. Я больше склонялся к последнему варианту, однако что я могу знать? Мне всего лишь тринадцать и до недавнего времени моя вселенная ограничивалась закрытым коттеджным посёлком Искра Радости.

На Комсомольской Серёга долго стоял на платформе и изучал таблички.

— Нам нужно выйти на улицу, — говорил он. — Здесь есть такой ход, который сразу ведёт на вокзал, вот туда нам не надо. Вдруг нас там уже ждут. Нам нужен выход в город.

В итоге мы нашли этот самый выход и вновь оказались на апокалиптической поверхности. Только теперь докуче в небе сверкали молнии. Площадь перед тремя вокзалами люднее, нежели ранним утром, однако даже в Саратове на Театральной в праздники народу собиралось в три раза больше.

Мы устраиваем гнездо в обломках моста через дорогу, который я уже наблюдал этим утром и за которым, казалось, весь мир вымер. Там планируется провести время до вечера, наблюдая за дверями вокзала. Людей Шамана мы узнали бы вряд ли, но вот оранжевую бригаду сложно было не засечь.

Кровь из затылка уже не сочилась, платочек Стёпки пришлось выкинуть, однако боль давала о себе знать. Хотелось есть. Да нет, даже не есть, а жрать. Волчий голод сковывал желудок судорогой, но что мы могли купить на деньги, которые в этом мире считались разноцветными бумажками? А в рюкзаке оставалось лишь половина маленькой бутылочки минералки и четыре БП-шки. Две картошки и две лапши. Ещё колбасы копчёной полбатона, но Серый предположил, что она за сутки пропала.

Решили потерпеть. Тогда-то нас и нашёл Димка.

Димка — это мальчишка возраста Андрюшки, только на вид совсем другой. Этот рыжий и с конопушками. Он выпрыгнул из невидимой засады с настоящим пистолетом и заорал:

— Я рыцарь ночи, разящий своим кинжалом! Я благородный разбойник, помогающий нищим! Я как хаккапелита, бью точно и насмерть! А ну давайте сюда то, что у вас в сумках! Еду! Деньги!

Мы переглянулись. Не сказать, чтобы совсем не испугались, — всё-таки оружие в руках у сопляка, — но фарс сложившейся ситуации заставил нас засмеяться.

— Ну вы чиво? — обиженно нахмурился паренёк, поправляя кепку. — Я же в вас пистолетом тыкаю. Между прочим — это настоящий американский самозарядный Ругер с патронами под Ремингтон.

А мы хохочем, как идиоты.

— Чего же ты у нас красть будешь? — заливается Стёпка. — Мы сами сидим и не знаем, где жрать достать, а ты можешь только нас сожрать!

— Так всегда! — Мальчишка отчаянно топает ногой. — Ну чего вы все из беднели? Кого не найду, все без еды. А деньги у вас есть?

— Только расписные бумажки с водяными знаками, которые здесь не примут ни в одном магазине, — улыбаясь, ворчит Сергей.

Так и завязался разговор. Димка на время примкнул к нашей засаде. Мы даже объяснили ему, что наблюдаем за парнями в оранжевой форме, и мальчишка добросовестно следил некоторое время за дверями вокзала.

Через пару часов наша гордость сломалась и мы достали колбасу. Димка обрадовался, кажется, больше нас. Понюхал пищу и уверил, что колбаса несколько не испортилась. А если мы чего-то боимся, то можем обжарить куски на костре.

Так и сделали.

Мальчишка сам разводил огонь, таскал сухие ветки и газеты, кои заваливали окрестность покуда хватало глаз. В основном с ним говорил я.

Он сильно напомнил мне Андрюшку. Наверное, все мы в десять лет одинаковые. Единственная черта объединяющая малышей: искать приключения.

Из разговора я узнал, что родителей Димки убило взрывом, и он остался вдвоём с сестрой, которой ещё меньше лет. О своём убежище не рассказал, а то вдруг я не такой добрый, каким кажусь. Впрочем, я его понимаю.

Долго и подробно Димка описывал, как готовить пойманных животных: кошек там, крыс и даже голубей. Не сказать, чтобы такие кулинарные изыски вызывали во мне тошноту, но вот изумление точно. Что же творится с этим миром, если люди принялись есть крыс. Большой кусок колбасы мальчишка спрятал за пазуху, для сестры.

Димка, конечно, поинтересовался, что за глобус у нас, и мы, конечно, ответили, что обычный самый непримечательный глобус. Мальчишка потрогал рукой гладкие изображения Африки и Тихого океана и спросил, сколько такой стоит. Я соврал: копейки. Дескать, только выглядит красиво, а по-настоящему бутафория из пластика. Димка со знающим видом заявил, что его лучше спрятать, ибо другие же не знают про бутафорию и могут ограбить. Поэтому после полдника мы долго бродили по руинам в поисках пакета.

Пакет мы нашли. Внутри подгнивал древний мусор, но стоило его вытряхнуть, и тара для Глобуса готова. Хотя, видок пакета оставлял желать лучшего.

Совместное времяпрепровождение внезапно вызвало ностальгию. Каждый новый шаг всколыхнул альтернативные воспоминания из прошлого. И как мы с Андрюшкой обследовали подвал, и как ловушки устанавливали в лесопосадке, и как искусственную заводь на реке сооружали, как пытались там же плотину воздвигнуть. Это потом у меня Стёпка появился, а когда брату было шесть, а мне десять, мы же все подвиги совершали вместе.

И такая твёрдая уверенность во мне закралась, что я обязан спасти Андрюшку. Трупом лечь, а брата выволить. И если убьют меня, то это лучше. Андрюшка должен знать, на что я способен, ради него.

В то же время непонятное уныние принялось точить разум. В голове возникала куча вопросов. Зачем доктору Вечность Андрей? Не случилось ли с ним чего? Дадут ли нам добраться до цели? Столько преград возникало на пути, что вера давно оборвалась, весело помахав пёрышками на прощание. Теплилась лишь надежда.

Перед уходом Димка признался, что патронов в его пистолете давно нет, а я подарил мальчишке на память оружие Девятки. Вряд ли парень носит девятый номер, да и нарукавник уже бесполезен. Так что теперь моё оружие лишь игрушка.

Когда Димка покинул нас, я ушёл в себя. Ни с кем не хотелось разговаривать, в голове то и дело прокручивались события прошлых лет. Стёпка пару раз попытался со мной поговорить, но, получив односложные ответы, оставил меня в покое. Серёга иногда ворчал, сетуя на караульную работу.

Кстати, точку наблюдения мы сменили. Когда Димка узнал, что мы едем в Питер, объяснил про разницу между вокзалами Казанский, Ленинградский и Ярославский.

Оказалось, мы наблюдали за Казанским, с которого и приехали, а уезжать должны с Ленинградского. Проверив билеты, Димка даже указал, где это написано. В итоге точку дислокации чуточку сменили. Возможно, наблюдение потеряло серьёзность и пока мы моргали глазами в сторону Казанского, шпионы Буратино проникли на Ленинградский.

Однако покидать убежище мы не торопились. Лучше подойти в самый последний момент и запрыгнуть в вагон, чем подойти рано и ожидать участи в тупиковом купе.

Когда с наступлением темноты я порядком подмёрз и думал, что этот грёбаный караульный пост никогда не закончится, Серёга встал и кивнул.

— Пойдёмте. Время.

Как я уже говорил, на поезд мы таки сели, но поход до вагона, кажется, длился целую вечность. Мы шатались от любого громкого шороха, заглядывали в лица редких мрачных людей, ожидая, что каждый норовит броситься на нас.

Но вокзал погрузился в уныние, никому не было до нас дела. Вялый охранник на входе даже не посмотрел в нашу сторону, из оранжевого нам попались только кроссовки подростка, пронёсшегося мимо. Поезд уже стоял на путях, когда мы подошли.

Вроде бы обычная платформа, ничем не примечательная, такая же, как и остальные её собратья, но незримые мелочи выдавали в ней разруху апокалипсического мира. Быть может тонкие трещины, покрывающие асфальт то тут то там; или излишняя замусоренность; но я и не исключаю терпкий душок умирающего мира, незримый, как тёмная энергетика, которая часто навеивает на нас депрессивные мысли.

Вагон у нас предпоследний, проводник — молодой энергичный парень, любящий улыбаться — редкий признак в зловещей реальности, окутывающей нас.

А вот внутри отличия бросались в глаза. Немытые панели, старый обогреватель, мелкий мусор в углах, будто дорожку подметали наскоро перед самым отъездом. В купе почему-то пахло солью, постели не застелены, а матрасы тонкие и по виду столь старые, будто на них ещё ленинградцы спали, поскорее покидая город перед фашистской блокадой. И свет не горел.

— Да. Невесело, — помнится, сказал ещё Серёга.

Те несколько минут, что нам пришлось ждать перед отправкой поезда, прошли что называется на ножах, как перед годовой контрольной, от которой зависит твоё дальнейшее обучение в школе.

Вот уже проводник захлопывает тамбур, мы облегчённо вздыхаем. И вдруг Стёпка вскрикивает:

— Смотрите! Люди Буратино!

Мы немедля прилипаем к окну и замечаем, как на платформу высыпают человек пять в оранжевых костюмах. Явная визитка Сомерсета. Но самого Буратино среди них я не вижу.

Поезд трогается, а оранжевые даже не обращают на него внимания, кидаясь к составам, ещё стоящим на путях.

— Чёёёёрт, — шепчет Серый. — Нас реально пронесло. Прямо вот секунды отделяли нас от смерти.

Ещё несколько мгновений и вокзал скрывается за спиной, погружая состав в темноту, лишь железнодорожный фонарь время от времени пронесётся мимо.

Мы откидываемся на стены и слабо улыбаемся.

— Победили, — ликует Стёпка. И я вижу его взгляд. Уже совсем не маленького профессора. Теперь у друга глаза взрослого вояки, побитого жизнью. Сколько мы в пути?

Пару дней, а как будто несколько лет войны прошли вместе.

— Кстати, кажется, мы в вагоне вообще одни.

— Да, — подтверждает Стёпка. — Никому никуда не хочется ехать в такое время.

Заглядывает проводник. На лице фирменная улыбка, хотя застиранная зелёная жилетка РЖД будто шепчет: это маска. Он включает тусклую лампочку под потолком, раздаёт нам постели, спрашивает, не хотим ли мы купить чего. Да я бы с радостью. Живот прилипает к спине, только с фальшивыми деньгами в кармане всё равно что без них. Затем проверяет ещё раз билеты; слава богу, они не фальшивые. РЖД, видимо, едино во всех реальностях.

Исполнив все обряды вежливости, проводник скрывается у себя в купе и больше не выходит. Значит мы таки одни во всём вагоне.

В полном молчании, нарушаемом лишь стуком колёс, который меня почему-то успокаивает, мы застилаем кровати. Я сплю внизу, серый напротив, Стёпка надо мной. Вот постельное бельё нисколько не уступает тому, что выдавали в саратовском поезде: старое, ярко-белое и накрахмаленное до безобразия.

Когда спальные места готовы, мы запираем дверь, рассаживаемся внизу и смотрим друг другу в глаза. Развороченная рана на затылке ноет как сволочь. Если не ошибаюсь, в кармане куртки у меня ещё три волшебные зелёные таблеточки. Принять бы одну.

— Так, — вздыхает Стёпка. — Давайте подведём итоги.

— Да, — кивает Серый. — Поесть бы.

Стёпка прыснул от смеха.

— А что, дело нужное. Давайте доедим всё, что есть, — вздыхает старший.

— А как же завтра?

— Может, мы опять переместимся ночью, и в Петербурге наша валюта будет действовать, — предполагает Серёга. Он оптимист.

— А мысль, кстати, дельная, — вдруг поддерживает Стёпка. — Давайте всё дожрём. Надеюсь, завтра будет лучше.

Хм, если верить теории компьютерных игр и каждая новая стадия хуже предыдущей, то не удивлюсь, если в завтрашнем Питере люди перестанут пользоваться деньгами и будут пожирать друг друга.

Но соглашаюсь с друзьями и занимаюсь едой. Серый ушёл заваривать соблазнительно пахнущие БП-шки, а я долго смотрю в глаза Стёпки.

— Завтра будет лучше. Завтра по-любому будет лучше, — улыбаюсь.

С младших классов фраза Завтра будет лучше вошла в наш девиз. Маленький такой крючочек, скрепляющий отношения и дружбу двух людей. Обычно, завтра оставалось таким же, как и сегодня, но мы верили и надеялись. Какое-то время фраза-крючок стала нашим повседневным обрядом. Всё равно как при расставании говорить пока.

— Да по-любому будет лучше, — подмигивает Стёпка.

Серый возвращается с двумя заварными БП-хами и тремя стаканами, заимствованными у проводника.

— Чай предлагал, — говорит парень. — Так хотелось у него его украсть. Но, я прилежный мальчик, поэтому будем пить воду.

Когда все четыре отравы дымились на маленьком вагонном столике, а в стаканах остывал кипяток, мы вновь уединились за беседой. В центре стола покоился надломленный слегка чёрствый кусок хлеба, обнаруженный в Стёпкиной походной сумке, которой его снабдила параллельная мать и в которой, собственно, мы и держали еду.

Пока жадно поглощали горячие химикаты, говорили мало, но когда пустые коробки хаотично улеглись на застиранной РЖД-шной скатертёнке, Остапа понесло. Я про Стёпку.

— Делаем выводы и предположения, — говорит он.

— А что их делать-то? — спрашивает Серый, дожёвывая суховатую корочку хлеба. —

Завтра приедем и всё узнаем.

Я достаю из кармана таблетку Темпалгина и продолжаю слушать умного друга.

— Сначала давайте подытожим. Шаман. Понятно. Ему нужен был Глобус, чтобы подлизаться к доктору Вечности. Буратино его захапал себе из-за жажды власти, правда какой, я пока не пойму. Но почему они нас не встретили на вокзале?

— Буратино или Шаман? — спрашивает Сергей.

— Оба!

Я усиленно думаю и выдаю:

— Может Шаман там и был, думал, что мы уедем рано, а мы вот уехали поздно. Он же знал, что мы едем в Питер.

— А я вот и не помню, — хмурится Стёпка. — Чего он в вагоне тогда говорил?

— Ну предположим, знал, — перебиваю мысли друга. — Приехал, подождал и уехал.

— Как вариант, — кивает Стёпка. — Только, будь я Шаманом, я бы караулил все составы вплоть до недели.

— А может, он подумал, что мы не будем ехать поездом и скроемся инкогнито? — предполагаю. — Поэтому и не стал нас там искать.

— Об этом я тоже думал, — кивает Стёпка. — Но всё равно, уж небольшой патруль для мониторинга вокзала я бы выделил.

— Может, и правда не знал, что мы в Питер едем, — пожимаю плечами.

— Думаю, Шаман знает месторасположение доктора. Тут три варианта и все какие-то сопливые. Хорошо. Давайте разбираться с нашим давним оранжевым другом Буратино. Почему тот не пришёл на вокзал, дабы взять нас с поличным?

— Ох, если мои глаза мне не врут, то он как раз пришёл, просто припоздал! — восклицает Серый.

— Серый, у него, чтобы нас поймать, было девять часов, — заводит глаза Стёпка. — И что? И где? Он даже в нашей Москве с их пробками столько не задержался бы. Тут есть какая-то другая причина.

— Ой, да что вы гадаете какие-то причины, — машет руками Серёга. — Уехали — и ладно. Ещё голову ломать над глупыми мелочами.

— Эти глупые мелочи составляют область неизвестности, — отвечает Стёпка. — А в неизвестности могут прятаться тузы и джокеры, которые мы не видим и которыми нас ударят завтра на подходе. Тёмка, дай-ка я посмотрю Глобус.

Я ныряю в пакет под столом и достаю шуковину. Стёпка принимает из моих рук артефакт осторожно, будто Глобус создан из парашютиков одуванчика. Почти минуту друг внимательно оглядывает материки, океаны, окантовку.

— Красиво, — наконец говорит он. — Карта, вроде, точная. Параллели и меридианы даже прорисованы. Почти что обычный глобус. Фирма изготовителя не указана. И тут ещё кнопка.

— Я заметил, — киваю.

— Нажимал её?

— Ни в коем случае, — махаю головой. — Чёрт его знает, что случится. Пусть лучше он

попадёт к доктору Вечности как есть.

— Ты уверен, что не стоит нажимать? — Стёпка глядит на меня исподлобья.

— Прекрати немедленно! — строго прикрикивает Серый. — Мало нам неприятностей!?

— Согласен, — кивает Стёпка и возвращает Глобус в пакет. — Хорошо, давайте разберёмся насчёт завтрашнего дня. Кто такой доктор Вечность и какие предположения насчёт него?

— Оно вам надо? — Серый заводит глаза. — Может, приляжем спать, я устал, как загнанная сука.

— Извини, но у меня в голове строится столько инвариантных событий, — потупил взгляд Стёпка. — Я продумал уже сотню вариантов, перевернул в голове каждый кадр из прошлого. Я стараюсь подготовиться к встрече. Если взвесить все факты, то может быть станет ясен исход завтрашней встречи. Вдруг нам не только Андрюху не вернут, но и Глобус отберут ещё, а нас убьют.

— Судя по тому, какие ребята работают на этого бородатого козла, не удивлюсь, если так оно и будет, — ворчит Серый.

— Погодите. Что мы имеем? Один докторишка, сидит себе где-то в Питере и управляет временем. Так что ли? Он вообще кто? Человек? Демон? Тварь с другой планеты? Может, Бог?

— Ну я так думаю, что всё верно, кроме варианта с человеком, — отвечаю. — Не может человек быть таким всемогущим.

— А вот тут меня Шаман заставил задуматься, — вздыхает Стёпка. — Помните, он говорил, что мы толком его живую ещё не видели. А вдруг это вообще коллективный разум, как говорил Шаман. Вдруг он даже не материален?

— Да как так не материален?! — пожимает плечами Серый. — Мы сами его на экране видели!

Стёпка вдруг вздыхает.

— У меня в голове с той самой ночи, вчерашней, крутится кое-что... развитие моей теории. Как-то нашёл я слабости в ней. И подумал о некоторых вещах. Но они не самые лучшие.

— Так! Пошёл ты со своими теориями! — восклицает Серый.

— А чего так?

— Потому что как правило твои теории оказываются верными!

Стёпка вдруг смущённо улыбается.

— Ну ничего страшного. Ещё не всё так плохо.

Изнывая от нетерпения, я тороплю ребят:

— Ну ладно, Стёпка, давай уже. Чего ты там задумал?

— Смотри. Я предположил, что мы как-то все застряли в двадцать третьем июле, а потом начали жить дальше, а твой брат единственный кто это помнил, остался в том дне.

— Ну да.

— А кто застрял? Я и ты? Вся наша Искра? Весь город? Вся страна или планета?

Я чешу макушку.

— Ну не знаю.

— А что если мы нигде и не застревали, — говорит Стёпка. — А только твой брат?

Непонятки.

— Хорошо. Тогда как же он мне рассказал, что проживает этот день уже двадцать

третий раз?

Стёпка пожимает плечами.

— Долго думал, ничего умного не нахожу. Ведь вот ты с ним двадцать второго жил, было всё нормально. А вот уже двадцать третье, и он уже другой. Эти неточности меня и смущают. Но я задался ими после того, как придумал интересный вопрос.

— Какой?

— Вот мы часто задумывались, зачем мы едем спасать Андрюшку. Но не подумали об одном! — Стёпка вошёл в кураж. Выдержал напряжённую паузу, оглядывая меня и Серого. — Зачем доктору Вечности это? Зачем зацикливать какого-то мальчишку в одном дне? Ответьте, хоть кто-то из вас задумывался над этим?

Я цепенею. Ведь пару раз мелькало в голове подобное, но мне всегда хотелось просто спасти Андрея, и мысли о сути действия доктора Вечности не приходили. Поэтому я мотаю головой. Серый поддерживает меня и тоже мотает. Уж тот явно не задумывался ни над чем иным, кроме спасения шкур своей и Стёпкиной.

— Ну ты хоть что-то придумал? — спрашиваю.

— Нет, — вздыхает Стёпка. — Я говорю о том... а что если это какой-то необходимый процесс? Я, конечно, очень надеюсь, что доктор нам всё объяснит, но чёрт. А вдруг этому необходимо было случиться. Как, скажем, умирают же люди. Вдруг это важный процесс, и он не вернёт нам Андрея поэтому.

Я холодею. Мне вдруг страшно и грустно.

— А что если это какая-то фигня такая, ну, он типа что-то испытывает? Вот и зациклил Андрюшку, — предполагаю. — Может, он злобный профессор, который ставит опыты над людьми.

— Ну мы же не в детском кино, — качает головой Стёпка. — Или твои предки так насолили какому-то гению по молодости, что он им мстит? — усмехается. — Бред. Здесь что-то более глубокое. В любом случае, завтра всё узнаем и поговорим с докторишкой. Если, конечно, нас пустят в покои мироздания.

В купе воцаряется тишина, которая лишь усугубляет моё ужасное состояние.

— Я вот что скажу, — вздыхает Серый. — Если мы придём завтра к этому нашему доктору, и из-за Глобуса он с нами пойдёт на контакт и не сможет вернуть Андрея, надо договариваться, чтобы нас хотя бы вернул на место. Не находите?

Стёпка задумчиво щурится и глядит в одну точку, куда-то в пол.

— Нет... ну как же... — лепечу я. — Я же из-за Андрейки и поехал в этот путь.

— А, то есть, теперь он уже Андрейка? — усмехается Серый. — А когда-то ведь был опарышем.

— Но... — я теряюсь. — Я же дураком раньше был. Ну понимаете. Сейчас, когда Андрюшки нет, я вспоминаю всё больше и больше наших с ним дел. Вот вы знаете, что я по утрам яичницу ем всегда? Глазунью.

— Я теперь знаю, — кивает Стёпка.

— Ну так вот. Как-то просыпает Андрюшка и говорит, что теперь будет тоже по утрам яичницу есть. И просит, чтобы я сделал. И знаете, я пошёл делать. В два прихода. Сначала пожарил два яйца, потом ещё два. И вот так получилось, что когда вторую жарил, один желток разбился. Я недолго думая и отдал её Андрюшке. А он сверху спускается. Смотрит. И говорит: а почему у меня не такая? почему у меня желток разбит? Ну я ему сказал, что для начала он должен пройти один целый желток и получить повышение. Понимаете, блин. Это

всё... вспоминаю вот, а так мило ведь было. А тогда и не запомнил же. — Теперь оба брата смотрели на меня как будто с грустью, но и в то же время вряд ли с пониманием. — Я бы сейчас ему сотню яичниц нажарил. А он. Он ведь не просто так решил яичницу есть. Он хотел на меня быть похожим, и как же я теперь его оставляю в том дне? Лучше пусть профессор этот меня убьёт, но напоследок передаст Андрею мои слова, что я о нём помнил и сражался за него.

— Ага-ага, — усмехается Серый. — Это ты сейчас так говоришь. Завтра высунется на тебя многоглазая тварь с кучей щупалец, ты как миленький шкуру свою спасти победишь. Лишь бы к маме с папой вернуться и жить нормально.

— Ни в коем случае, — говорю, а потом вдруг сомневаюсь. — Хотя... я в живую таких тварей ещё не видел. Кто знает. Но во мне сейчас столько рвения. Я же... так много плохого Андрюшке сделал.

— Оооо, поверь, это я знаю! — восклицает Серый.

— Он же как-то в семь лет — мне одиннадцать было — что-то уронил на меня. Родителей дома не было. А я рассвирепел. Я погнался за ним, а он испугался. Я же старше. Я сильнее. Он в комнате у нас спрятался и ногами шкаф подпёр. У нас тогда замок сломался, и дверь не закрывалась. А отец долго не ставил новый. Понимаете, я такой злой был, что начал ломиться в дверь. Я ударял со всей дури. А он с той стороны кричал и плакал. Ну понимаете, ему же больно было вот так по спине дверью, и страшно... Какой же я мудака.

Собственная речь уносит меня в воспоминания, а Серый вторит мне:

— Мудака, мудака, ещё какой.

Я вдруг поворачиваюсь к друзьям спиной, чтобы они не видели моих слёз, и начинаю плакать.

— Понимаете, — стараюсь говорить ровным голосом. — После такого я просто обязан помочь брату. Я хочу чтобы мне дали шанс извиниться.

Некоторое время в купе царит тишина, только я шмыгаю носом.

— А о чём же ты раньше думал! — вдруг говорит Сергей. — Если какой-то гад обижает Стёпку... да что далеко ходить. Вот, пацаны-то те. Игорь и ещё двое. Как-то пинали Стёпку по ногам. Причём не больно, а обидно так. Потом уронили на асфальт, а один нечаянно ему на руку наступил...

— Я кстати тогда даже не плакал, — тихо и гордо замечает Стёпка.

— Да. Я потом всех троих нашёл, таких звиздюлей ввалил. Они Стёпке так больно не делали, как я им. А ведь они вообще почти в шутку это делали. Издевались скорее, чем дрались. А ты сейчас говоришь, что ломал дверь спиной брата. Тёмка, ты, может, человек и хороший, но если бы я такое сделал над Стёпкой, я бы себе уже пулю в лоб пустил. Это же... так по-фашистски!

Я молчу, только шмыгаю носом.

— Я всегда отношусь к Стёпке так, будто вижу его в последний раз, — добавляет Сергей. — Чтобы, если вот такое вдруг случится, как с Андрюшкой, когда непонятно, то ли отдадут, то ли в рабстве навсегда оставят, мне не нужно было просить у брата извинения. Так-то, друг мой.

Я вдруг понимаю, что ещё одно слово, и я сам себе пулю в лоб пушу, оттого какой я гадкий, поэтому прекращаю беседу.

— Слушайте, давайте спать, — прошу я почти умоляющим голосом.

— Вот я сразу так предложил, — ворчит Сергей. — Нет, надо было мелодраму

бразильскую тут разворачивать.

На плечо ложиться мягкая рука Стёпки.

— С тобой точно всё в порядке?

— Да, — киваю. — Выживу.

— Крепись, дружище. Я наверх.

Серый выключает свет, закрывает дверь на замок, приговаривая:

— Стёпка, ты спишь чутко, на тебе охрана нашего купе. Будет кто ломиться, вскакивай и ори, чтобы мы проснулись.

Стёпка с верхней полки хихикает, а я уже лежу в кровати, и мне не смешно. В голове будто грозовая туча поселилась. И всё мне не мило. И себе кажусь чудовищем.

Думал, не засну, но поплакал немного и задремал. И всю ночь снилось мне, что я убегаю от выстрелов.

****

Просыпаюсь. Темно. Затылок опять разболелся и не даёт уснуть. Сколько же времени сейчас? Состояние странное. Когда кажется, что проспал либо двадцать минут, либо много часов.

Извлекаю из кармана сотовый. Доктор Вечность предупредил же, чтобы мы держали их включёнными, только заряда уже всего процентов на десять. Хватило бы до Питера.

Пока нащупываю кнопки, замечаю затхлый солёный привкус в воздухе. Он и вчера стоял приблизительно такой же, только в разы слабее.

Экранчик ослепляет меня, и я поначалу шүрюсь. Но потом вижу время и замираю, пытаюсь отыскать в сонном мозге нужную информацию. На мониторе 7.45. Если я не ошибаюсь, Серый утверждал, что приедем где-то в районе шести. Нащупываю на столе свой билет и свечу на него телефоном.

Чёрт. Время прибытия 6.00. В ужасе вскакиваю и кидаю слабый лучик телефона на спящего Серёгу.

— Серый! Серый, просыпайся, — толкаю товарища в плечо. И вдруг замечаю, что Серёга лежит на грязной простыне, покрытой ржавыми пятнами, будто кровь или моча.

Застываю на секунду.

— Мммм, — доносится сверху голос Стёпки. — Приехали что ли?

— Что случилось? — мямлит Серый. — Сейчас встану.

— Пацаны! Мы проехали Питер, похоже! — восклицаю я.

— Чего? — Стёпка свешивает с верхней полки руки и голову. — Как так? Мы не могли.

Ловлю изумлённый взгляд сонного Серёги.

— Мы не могли проехать. Питер — это конечная остановка. Поезду дальше некуда идти, разве что в Финский залив, — уточняет Стёпка и спускается. — Блин, а на чём мы вообще спим?

Я обхожу Стёпку и открываю дверь... пытаюсь открыть. Моя рука проходит в пустоту. Свечу телефоном перед собой и...

— Мамочки! У нас дверь открыта, — стоною.

— Глобус! — Стёпка, не успев ещё обуться, ныряет под стол. — Нет. На месте.

Серый всё лежит, выпучив глаза. То ли ещё не проснулся, то ли не понимает

происходящего. И вдруг произносит:

— А почему здесь так воняет?

Я выглядываю наружу, в темноту и оглядываюсь. За окнами хоть глаз коли, а вот перед тамбуром, над купе проводника мерцает единственная тусклая лампочка. Её хиленький свет достаёт лишь до первых двух купе, а потом — темнота.

— Ребята, что-то произошло, — оборачиваюсь я во тьму. — Пойду к проводнику.

С этими словами осторожно двигаюсь по коридору, каждой клеткой ощущая тряску поезда. За окном раздаётся жуткий металлический стон. То ли машинист погудел, то ли связки вагонов так трутся друг о друга.

— Во всех купе нет дверей, — слышу над ухом голос Стёпки и чуть не вскрикиваю от страха.

— Дурак, да? — шепчу. — Хоть бы предупредил.

Вдвоём добираемся до дверей тамбура и останавливаемся перед купе проводника. Сначала заглядываем в машинное отделение, но там никого не находим. Тогда пытаемся открыть купе, но дверь не поддается. И Стёпка громко стучит, чем пугает меня.

— Думаешь, стоит его вызывать? — спрашиваю.

— Ну он же должен нам всё объяснить, — шепчет друг.

За дверью тишина, и никто не спешит отворять купе.

— Может, его там нет? — спрашиваю, а Стёпка уже оглядывается.

— Посмотри какой пол и стены.

Здесь он прав. Пол ржавый, металлический, на стенах засохшие подтёки, а вместо обогревателя воды стоит непонятный котёл без крана.

— Жуткое зрелище и жуткий запах, — спешу заметить.

— Вывод один, — пожимает плечами Стёпка.

— Следующая шизофреническая реальность.

— Ага, — кивает друг. — И после этого ты думаешь, что следующий уровень будет проще?

— Теперь я ни в чём не уверен, — говорю. — Вопрос в том, куда мы в итоге приедем?

— Меня волнует не столько куда, а когда! Время почти восемь, лето, а за окном тьма. Как ты это объяснишь?

Теряюсь.

— Ну что там? — доносится из темноты кряхтящий голос Серёги.

— Мы снова в другой реальности! — отвечает Стёпка. — Скажи Аллилуйя!

— Аллилуйя, — ворчит Серый. — Хреновая какая-то реальность.

Мы возвращаемся в купе и садимся на кровать напротив Серёги.

— Пока известно одно, Глобус с нами — это уже радует. Опасности никакой — тоже радует, — уточняет Стёпка.

— Меня не радует, — зевает Сергей. — Хочется, чтобы эта вся фигня закончилась побыстрее и хочется приехать. Почему поезд задерживается на час сорок пять?

— Уже больше, — усмехается Стёпка. — Неизвестно, приедем ли мы. Может, в этой реальности, правда, время другое, и сейчас ещё три утра.

— Что значит, приедем ли? — хмурится Серый. — Надо отыскать проводников.

— У меня предложение! — вдруг меня осеняет. — Давайте пойдём к локомотиву. Кто-то же должен управлять этой хреновиной!

— В принципе идея неплохая, — кивает Сергей. — Может, кого из персонала найдём.

— Идея... на троечку, конечно, — вдруг задумчиво шурится Стёпка.

— Оооох, пожалуйста, только не надо твоих теорий! — Сергей заводит глаза.

Игнорируя его слова, я спрашиваю друга:

— А что тебе не нравится?

— Просто, — Стёпка оглядывается. — Сюрреально это как-то. Если все вагоны такие... мягко говоря, засранные, без дверей, то вообще кого и что здесь обычно перевозят? И вообще, хоть одна страна, хоть в одном мире, даже самая бедная, позволила бы такие условия перевозки людей?

— И? — теперь и мне становится как-то жутко. — Предлагаешь никуда не ходить?

— Да нет. Дело не в этом, просто я не знаю, с чем нам придётся встретиться в локомотиве. Вдруг это какие-нибудь разбойники, ну или чего-то в этом роде.

— В жопу вас! — восклицает Сергей, вскакивая. — Это бред. Нужно сходить и проверить.

И уже рвётся к двери.

— Мы с тобой, — вздыхает Стёпка, поднимаясь.

— Конечно со мной, иначе нельзя.

Втроём, держа равновесие словно в бетономешалке, мы добираемся до двери в тамбур. Серый двигается быстро.

— Куда ты так быстро бежишь? — спрашиваю, едва поспевая.

— О! Уж Серый-то не оттягивает дела напоследок, — усмехается Стёпка. — Никакой прокрастинации. Только драться! Только хардкор!

— Какой кастрации? — спрашивает Серёга, открывая дверь в тамбур.

— Прокрастинации, — поправляет Стёпка. — Это когда неприятные дела на потом откладываешь.

Я улыбаюсь и молчу. Сам же не знал такое слово. Это Стёпка у нас филологический спец по редким терминам.

В тамбуре разлит удушливый запах соли и как будто корицы. Корицу я, правда, люблю в кофе и какао, но только не когда она пахнет стольпряно, что аж до слёз.

Перед нами нарисовалась чугунная дверь с запылённым окошком.

— Здравствуй-приехали, — хмурится Серый. — Что ещё за непонятная хренотень?

Он хватается за массивный ржавый винт в центре и пытается его повернуть. Никакого результата, а если уж и Серый не может сдвинуть шуковину, то таким коропетам, как я да Стёпка и пытаться не стоит.

— Давайте втроём, — просит Сергей.

Мы, конечно, подпрыгаемся, только я заведомо знаю: результат не изменится. Так оно и есть.

— Тварь! — вопит раскрасневшийся Серый и ударяет по винту. — Нас заперли.

Пока старший сетует и рвёт волосы на голове, Стёпка приближается к двери и пытается хоть что-то разглядеть в окошко.

— Бесполезно, — вдруг говорит. — Там сцепка вагонов. И перехода нет, понимаете. Это даже какой-то не пассажирский поезд. И даже если б мы открыли эту дверь, даже если б вышли на сцепку, балансируя, что уже невозможно, другую дверь вряд ли отперли бы. Она запаяна изнутри того вагона.

— Откуда ты всё это узнал? — спрашивает Серый.

— Кажется, восход, — жмёт плечами Стёпка.

Мы немедля возвращаемся в купе и прилипаем к окну. Тьма и правда рассеивается, акварельный горизонт размывает водой. Последующие минуты, пока солнце не взошло, мы смотрели через стекло, не сказав ни слова, и открывающиеся виды нас нисколько не радовали.

Пустошь.

Выгоревшая земля, головешки деревьев, изредка нет-нет и пронесутся мимо руины какого-нибудь здания. В один момент Серый вдруг уткнулся лицом в подушку и закрыл голову руками.

— Что с тобой? — спрашивает Стёпка дрожащим голосом.

— Задолбало! — мычит подушка. — Когда ж это всё закончится? Хочу вернуться в нормальный мир! Куда там велел приходить ваш доктор!?

— Он велел держать телефоны включёнными, — отвечает Стёпка.

— Зашибись! — Серёга вскидывается. — Надеюсь, у вас они включены, потому что мой разряжен вусмерть.

— У меня ещё процентов тридцать зарядки отвечает Стёпка. — Хватит до следующего утра. Думаю, к следующему утру всё решится.

И в этом Стёпка оказался прав.

*****

Взошло солнце. Какое-то белое и унылое. Разрушенные постройки за окном замелькали чаще и чаще. Вот уже и многоэтажки показались. Большая часть без стёкол, многие с разрушенными верхними этажами, как будто исполинский Годзилла отгрыз им башни.

— Как будто в фильме-катастрофе, — шепчет Стёпка, не в силах оторвать взгляд от вида за окном.

И тут я не могу не согласиться с другом. Поезд проезжает над Невой, вдалеке, в туманной дымке рассвета я вижу обглоданные мосты, силуэтами прочерченные на бежевом небосклоне.

— Мне страшно, — шепчет Сергей. Мог бы и не признаваться. Всем страшно. — Здесь вообще люди живут?

— Исходя из знаний, которые я почерпнул из фильмов, скорее всего не живут, — отвечает Стёпка.

— Или куча техногенных варваров, — добавляю.

— Или так, — кивает друг, а потом кидается на стекло. — Смотрите! Самолёт!

И правда самолёт. Какой-то древний такой. Лежит в руинах железнодорожных построек, фюзеляж где-то вдалеке, половина его корпуса разрушена, хвостовая часть отломана. А главное — обломки все ржавые, заросшие, будто машина здесь лежит давно.

Вид гигантского самолёта всколыхнул во мне восхищение и укрепил страх.

И тут поезд начал тормозить.

— О! — Серый уже встаёт. — Готовимся на выход. — Первым делом, бежим к паровозу и бьём морды машинистам.

— Не советую вести себя грубо, — хмурится Стёпка.

— Да это я так. Шучу, — кротко улыбается Серый. — А вообще, я жрать хочу.

Пока мы со Стёпкой подбирали свои гаджеты и Глобус Эфира, Серый уже скрылся.

Выходим наружу, а его нет.

— Серёга! Ты где?! — кричит Стёпка.

На какой-то момент думаю, что с ним случилось то же, что и с тётей Мариной, и остался старший друг где-то в иной шизофренической реальности. Честно, меня не сильно расстроила эта мысль, хоть и без сильного покровителя последний отрезок пути преодолевать сложнее.

Но голос Серёги отозвался из глубины.

— Пацаны, тут столько жрачки!

Мы несёмся к машинному отделению. Поезд уже почти не трясёт. Серый, открыв шкафчик проводников, беспардонно роется внутри.

— Здесь БП-шки, картошки, лапша, всякие Бизнес-ланчи.

— Не уверен, что найдём кипяток для них, — хмурится Стёпка, поправляя походную сумку.

— Но зато! — Серый улыбается и достаёт пачку крекеров. — И такого добра здесь навалом. Сладкие пирожные, печенья, печенья с кремовой прослойкой, печенья в шоколаде, печенья с кокосовой стружкой...

— Хватит, — останавливаю я, чувствуя урчание в желудке. — Прекрати, злобный искуситель. Думаешь, это стоит брать?

— Я вот сомневаюсь, — морщится Стёпка.

— Молчаааать! — Кажется, у Серёги повысилось настроение. — За такую поездку нам ещё должны доплачивать. Подставляй свою сумку, Стёпка.

И ведь тот подставил.

В утробу чёрного бэга полетели сухие пайки и даже пара бутылочек минералки.

— Вот теперь я готов весь Питер пройти, — сияет Серый.

Когда поезд останавливается, мы уже пасёмся у двери. Последний стон издаёт машина, и окружающая среда погружается в тишину.

— А кто нам дверь-то откроет? — чешет макушку Стёпка.

— Машинисты, не? — хмурится Серый.

— Боюсь, в локомотиве мы найдём что-то необычное, товарищи. — С этими словами Стёпка удаляется в машинное отделение, а я вновь рассматриваю вагон. При солнечном свете видна каждая прореха. И видок оказался хуже, чем я думал. Будто вагон пригнали из Сайлент Хилла.

Стёпка возвращается с ключами проводника.

— Отойти! — приказывает он брату и отпирает замок. Дверь поддается легко, и свежий воздух влетает в тамбур. Наконец-то.

— А где лестница? — удивляется Серый.

— А лестница... хм... — Стёпка хмурится. — Ладно, так, мыслишки всякие. Прыгаем вниз, тут не высоко.

Мы сошли на потрескавшийся, заляпанный грязью асфальт, и оцепенели. Кажется, в этой реальности шум издают только наши сердце и лёгкие. Вдоль состава ни одного человека, даже ветерок не колышет редкие травы.

— Смотри сюда, — Стёпка толкает меня в плечо и указывает на вход вокзала. Над ним крупными буквами сверкает единственное слово:

ЛЕНИНГРАДЪ

— Мы в правильную точку приехали? — хмурится Серый, не отрывая взгляд от

заросших букв. Твёрдый знак чуть покосился.

— Ну как сказать, — вздыхает Стёпка. — Географически это Питер, только Ленинградом его не называют уже давно.

— Это я знаю, спасибо, — поворчал Сергей. — Только вот непонятно, сейчас какое время и какой век? С твёрдым знаком уже никто не пишет.

— Думаю, Ленинград никогда так с твёрдым знаком не писали, — задумчиво щурится Стёпка. Хм, если у друга такой взгляд, значит в голове происходят бурные мыслительные процессы, которые могут привести к благоприятным выводам.

— Так давайте спросим у машинистов, — просит Серый.

— Ага, только ничего они тебе не скажут, — усмехается Стёпка.

— Почему же? — Серый уже бежит к локомотиву, и я увязываюсь следом. Стёпка и не пытается нас догнать, лишь вяло бредёт за спинами.

У локомотива Сергей встаёт на подножку и заглядывает внутрь. Я не слышу слов... неужели...

— А тут никого нет! — удивлённо восклицает он.

— Бинго! — кричит Стёпка издалека.

В мёртвой тишине наши голоса пугают меня самого. На всякий случай я добегаю до локомотива и тоже заглядываю внутрь. Пустота, лишь рычаги, да счётчики. Можно всё свалить на автоматизацию, только увидел бы я хоть какое-то подобие компьютера, а то кабинка внутри древняя, не хуже самолёта.

И вдруг меня осеняет.

— Пацаны! — Я спрыгиваю и приближаюсь к братьям, которые щурятся от солнца. — А случаем мы не в прошлом?

— Ты почти попал в точку, — вздыхает Стёпка, засовывает руки в карман и медленно задумчиво бредёт по направлению к нашему вагону. — Думаю, это настоящее, как и у нас, только оно перестало существовать в... каком-то раннем году. И явно оно альтернативное, если тут все ещё пишут на недоделанной яти. Я читал как-то о таких поездах, где нет лестниц. Люди сюда загружаются на каких-то подъёмных платформах.

— А где же машинисты? — спрашивает Серый. — Ты сможешь объяснить этот факт, умник!?

— Вот это вряд ли, — качает головой Стёпка. — Возможно, какие-то грязные инсинуации доктора Вечности.

— Кто? Ты по-русски выражайся.

— Ну в общем, это он всё подстроил.

Мы добираемся до входа в вокзал. — К тому же, Серый, помнишь, мы же ведь ездили как-то в Питер из Москвы поездом, помнишь. Моя единственная поездка.

— Два года назад, — отвечает Серый. — А что?

— Не знаю, как ты, но я отчётливо помню: вокзал выглядел не так. Совсем не так! Приезжаешь на платформу, а дальше... в общем, всё как на московском. А тут какие-то двери парадные. Похоже на станцию электрички. И ещё, вот чего я хорошо запомнил, я тогда любил реки же наблюдать в окно, помнишь?

— О даааа, — кивает Сергей.

— Так вот, два года назад мы через Неву не проезжали. Это какая-то альтернативная реальность.

Мы молчим ещё некоторое время, и вдруг Серый вздыхает:

— Значит, ждём звонка от вашего докторишки, а пока, не соизволите всё-таки пожрать!?

Страх, адреналин смешались в крови и отбивали аппетит, хотя желудок урчал словно недовольный кот. Мы расположились прямо на платформе, усевшись на грязный асфальт. Наша одежда прошла через огонь, воду и медные трубы, так что, особо привередничать нечего. Я уже такой грязный, что впору записывать в бомжи.

Мой завтрак состоит из пачки крекеров и шоколадного гамбургера, который назывался мини-тортиком. Думаю, при других обстоятельствах в меня залезло бы гораздо больше, но не сейчас. Стёпка тоже клюёт сухой паёк, зато Серый ест за нас троих. За завтраком не говорим, в основном короткие фразы: передай мне то, передай мне это.

И каждый ждёт решающий звонок.

Закончив трапезу, Серый встаёт и громко рыгает.

— Перед дальнейшим путешествием предлагаю дополнить походную сумку едой.

— Думаешь, нам этой не хватит? — хмурится Стёпка.

— Мы ещё не знаем, сколько здесь проторчим, — пожимает плечами Серый. — Лучше подстраховаться.

Братья Герундовы скрываются внутри вагона, оставляя меня одного в мёртвом мире. Вдруг становится очень страшно. И я успеваю в который раз понять ценность друзей, даже Серёги. Потому что один в этом злчном месте я бы с ума сошёл от страха.

Когда Стёпка выходит из вагона, его походная сумка, кажется, становится в два раза толще. Да и вид у друга мрачный, какой бывает, когда бабушка тебе заворачивает три килограмма пирожков на дорожку до дома, хотя ты живёшь напротив.

Несмотря на страх, который подогревает сознание, я улыбаюсь.

— Ну что, ждём звонка от вашего докторишки? — После завтрака Серый как-то оживился. Никогда не видел его таким за всё время нашего путешествия.

— Думаю, стоит выйти, посмотреть, что за мир и почему он не выжил? — предполагает Стёпка.

— Да ты что? — хмурится Сергей. — Мало ли какие крокозябры там скрываются.

— Ну ты же сильный, ты нас спасёшь, — усмехается Стёпка и хлопает брата по плечу, а потом направляется к воротам. Я гляжу на Серого пару секунд и пожимаю плечами.

Внутри здания вокзала царят мрак и уныние. В воздухе разлит запах пыли, вонь гниющих растений. Судя по обстановке, эта версия мира перестала существовать рано, ещё до изобретения сотовых и компьютеров. Путь нам преграждали турникеты, совсем как в метро Москвы, только древние, которые хлопают тебя по бедру, если прошёл без билета. Слои пыли на аппаратах скопились до концентрации грязи и теперь по бесформенным наростам в полу форма параллелепипеда едва угадывалась.

Умершее много лет назад электричество пропускает нас сквозь турникеты, и мы оказываемся в круглом павильоне. Рисунок на бетонном полу почти не виден, карта метрополитена заляпана паутиной и листвой, над пузатыми кабинками доживают дни прогнившие надписи: КАССА.

Стёпка подбегает к окошку и вглядывается внутрь.

— Хочешь купить жетончик? — усмехается Серёга.

— Вообще-то рассматриваю, сидят ли там скелеты, — отвечает друг, прислонившись к серому от грязи стеклу.

— Эм... счего бы они там? — хмурится Сергей, а сам испуганно бегаёт глазками. —

Если тут оказия какая случилась, так все попрытались перед ней же.

— Кто знает, — отвечает Стёпка. — Может, всё внезапно произошло. — А потом отстраняется от окошка и произносит: — Скелетов нет. Пойдёмте на улицу.

Улица мертва, как и вокзал и даже ветер. Тишина висит гробовая, на потрескавшемся асфальте шоссе ни одной машины, вместо окон в домах дыры. Возможно, мостовые устланы осколками стекла. Разобрать невозможно, ибо тротуары, особенно у подножий домов, заросли плесенью и мелкими вьющимися растениями.

— А вот это нам пригодится, — Стёпка кивает в сторону.

Киоск с вывеской. Ещё год и грязь, скорее всего, съест изображение, но пока я могу прочесть слово: СОЮЗПЕЧАТЬ. Вместо последней А гордо красуется красная звезда.

— Нужно посмотреть последние даты, — объясняет Стёпка.

— Я зайду внутрь, — вызывается Серый. — Мало ли какая опасность там может нас подстергать.

Мы со Стёпкой переглядываемся и едва сдерживаем смех.

— Без проблем, — пожимает плечами Стёпка, и старший брат скрывается внутри кабинки. Проржавевшую дверь он просто срывает с петель.

Стёпка медленно шагает вперёд, устремив взгляд вдаль.

— А вот это я помню, — говорит он.

Равняюсь с ним.

Метрах в двухсот от нас посреди площади высится красивая белая стела. Время раскрасило бисквитные тона в грязно-серый цвет, и кажется у памятника прогнило основание. Жить ему осталось недолго.

— Там привокзальная площадь, — уверенно говорит Стёпка. — Не помню, по-моему, она тупиковая.

Я хмурюсь и кошусь на профиль друга. Чёлка осторожно кончиками прикрывает брови, а взгляд серьёзный, как у профессора.

— Слушай, что мы сейчас будем делать? — спрашиваю.

— Ждать звонка, — серьёзно отвечает Стёпка и не глядит в мою сторону. Опять задумался. И всё-таки, если не брать в расчёт семью, этот парнишка-сосед, мой одноклассник — самый близкий мне человек. Я знаю каждую его мимику, предугадываю каждый жест. Вот что значит — настоящий друг. Я просто хочу, чтобы всё было как раньше в моей жизни. Все мои любимые люди рядом, включая Андрюшку. И это я намерен просить у доктора Вечности.

— Что же он до сих пор не звонит? — улыбаюсь я.

— Видимо, занят, — пожимает плечами Стёпка.

Позади шуршит Сергей.

— Вот это да! Они блокаду фашистскую не выдержали! — восклицает он и двигается к нам с газетой. — Здесь дата от сорок пятого года.

Стёпка хватает газету из рук брата и осторожно рассматривает, пытается перевернуть ломкие страницы.

— Ничего себе, какой старый документ, — говорит он. — Всё написано на ять, но... судя по дате, жизнь в Петербурге перестала существовать и правда в сорок пятом. Интересно, а что с другими городами? Может, остальной мир жив, просто мы попали в мёртвый городок, ну типа Припяти в Чернобыле...

— Как же вы мне надоели!!!

Мне показалось, что я поседел. А потом звучит выстрел, и первая мысль: кого-то из нас убили.

Резко оборачиваемся. У Буратино, идущего к нам со стороны стелы, пистолет. На нём сидит всё та же оранжевая форма работника компании Сомерсет, теперь на голове ещё и оранжевая кепка. И незаменимые тёмные очки.

Но пистолет!

У нас нет шансов.

И как будто поддерживая наши мысли, Серый кричит:

— Пацаны отходим! У него пистолет, — и начинает отступать, но Стёпка стоит как каменный и крепко сжимает лямку походной сумки. Взгляд острый, губы сжаты. Уж он-то не собирается отступать ни на шаг.

А вот я даже и не могу. Мне кажется, что я обкакался и ноги вросли в асфальт.

— Слишком поздно, — говорит Стёпка. — Мы достигли финишной прямой. Ты сможешь объяснить своему боссу украденный Глобус? Да? Тогда давай вместе ходим к нему и решим наши вопросы в кабинете твоего начальника.

Буратино останавливается. Тёмные очки сверкают в сторону моего друга.

— Вы не умные мальчики. Вы просто кучка мелких героев, которых ждёт бесславный конец. Давайте решим все вопросы быстро. Отдайте мне Глобус Эфира, я убью вас, и мир успокоится.

— Идиоты, отдавайте ваш Глобус и бежим! — вопит Серый и прячется за киоском. — У него пистолет! Стёпка, немедленно ко мне!!!

— У тебя умный брат, — кивает Буратино. А я даже не верю, что брутальный Серёга так легко сломался при виде пистолета.

Стёпка, кажется, не разделяет мнение старшего и продолжает стоять на своём:

— Ты сейчас же отведёшь нас к своему боссу, и мы решим вопросы! — Голос друга жёсткий, никогда раньше не слышал у Стёпки подобный тон.

И вдруг...

Если верить в ангелов-хранителей, которые вовремя подсказывают иррациональные правильные решения, то, наверное, сейчас произошёл именно такой момент.

— У кого Глобус? — спрашивает Буратино. — А то перестреляю всех троих и сниму Глобус с трупа!

И тут я медленно извлекаю из пакета артефакт. Очки Буратино устремляются в мою сторону, и я прямо вижу, как под стёклами блестят его глазки.

— Вы дураки! — кричит где-то позади Серый. — Прячьтесь!

— Отдай Глобус мне. Медленно и осторожно, — тихо произносит Буратино, протягивая свободную руку, но я так же медленно поднимаю артефакт над головой.

— Один шаг, и я расшибу эту штуку! — угрожаю.

Жаль, что не вижу взгляда Буратино, но судя по мелким мимикам на лице, он испугался.

— Щенок! Ты будешь мне диктовать условия? — шипит оранжевый, а тон переполнен змеиной злости.

В брюках Стёпки звонит телефон.

— А вот и твой босс. Не хочешь с ним поговорить? — весело восклицает друг.

И Буратино скидывает руку с пистолетом в сторону Стёпки, но я ожидал подобный момент и с криком: Лови, — кидаю артефакт в Буратино.

Оранжевый меняется в лице, чуть не роняет пистолет и выставляет вперёд руки. Но я

совершил ещё кое-что, о чём этот оранжевый перебежчик не подозревал. Выкидывая вперёд Глобус, я нажал кнопку. Я не знал, как поведёт себя артефакт. Может, включит дополнительные настройки, но сильно надеялся, что активирует что-то очень большое. Может, вызовет землетрясение, которое сожрёт Буратино.

Из Глобуса уже валит дым, когда он приземляется на ладони оранжевого. Тот вскрикивает и отбрасывает артефакт на потрескавшийся асфальт.

— Твари! — шепчет он.

Раскрытый Глобус напоминает табакерку, а из нутра валит то ли дым, то ли пар, но никакого запаха я не ощущаю. И под мой удивлённый взгляд из хаотичного месива в воздухе повисает полупрозрачный человек.

— Вот те раз! — восклицает он. Тёмные очки, седая борода... я уже видел этого старика. Доктор Вечность собственной персоной. И голос его как будто звучит из самого Глобуса, без помех, словно живой человек говорит. — И кто же меня активировал? Ох, малыши, и вы, товарищ Эдуард!

Теперь я знаю, как зовут Буратино.

— Какая необычная компания. Разве вам, Эдуард, не было велено убить этих подростков?

— Да я с удовольствием! — восклицает Буратино и поднимает пистолет.

— Нет-нет-нет! — мотает головой доктор Вечность. — Теперь меня больше волнует другой вопрос. Откуда здесь Глобус Эфира? Объясните его происхождение, господа.

— Это всё он! — Стёпка тыкает пальцем в Эдуарда. — Он был предателем. Он выкрал у вас Глобус, а мы про это узнали и отобрали Глобус у него. И несли вам, чтобы вернуть!

— Какая сладкая ложь! — смеётся Буратино, раскинув руки. — Доктор, вас водят вокруг пальца. Я не мог уничтожить этих подростков раньше потому, что параллельно искал Глобус. До меня дошла информация, что артефакт спрятан в Москве. Времени не было. Я отыскал Глобус там, а потом поехал сюда. Собственно, чтобы уничтожить вот этих субъектов. — Оранжевый кивает на нас пистолетом. — Ну а дальше, мы вот вызвали вас.

Доктор Вечность хмурится.

— Две противоречивые истории, — говорит он. — Вопрос в том, кому из вас верить?

Я роюсь в голове в поисках доказательств, Стёпка задумчиво щурится. Позади шелестит воздух, это Серый вышел из своего укрытия и приблизился ко мне.

— Он прятал его в Москве. В музее. Ваш офис, — вдруг говорит Стёпка и даже называет адрес. Вот память!

— Неправда, Глобус был не там, — машет руками Буратино.

— А откуда эти отроки узнали адрес нашего офиса? — спокойно спрашивает доктор Вечность.

— Это всё оппозиционеры с их лидерами, — отвечает Эдуард.

— Хорошо, но зачем вы открыли Глобус сейчас? Кто-нибудь объяснит?

И тут в диалог вступаю я.

— Это я кинулся им в этого типа. И нажал кнопку. Потому что он хотел нас убить.

— Девятка, — то ли спрашивает, то ли утверждает доктор Вечность.

Поначалу я не понимаю, о чём он, но потом интенсивно киваю и подтверждаю:

— Да, я Девятка.

— А ваша версия? — спрашивает доктор Эдуарда но тот вдруг теряется и начинает что-то лепетать:

— Эм... Глобус я держал во второй руке...

— В общем, всё ясно, — отмахивается доктор. — Эдуард, ты сообщаем нам каждый свой шаг, но почему не доложил о находке Глобуса?

— Я...

Но доктор перебивает Буратино.

— Ты врешь. Мы знаем, что ты врешь. А ты знаешь, что мы не любим врунов и тех, кто пытается нарушить работу системы мироздания, — голос голографического доктора звучит ровно, будто он рассказывает ученику про Миссисипи. — Отныне ты будешь заключён в силовое поле девятого физического уровня и не сможешь покинуть эту площадь. Еду тебе будут доставлять сюда. Срок заключения — пожизненный.

Буратино бледнеет, его руки трясутся, а потом он кричит громко, на всю площадь.

— Вы твари!!! Вы разрушили всю мою жизнь!!!

Вскидывает пистолет и стреляет в нас.

*****

Я даже не успеваю испугаться. Но когда понимаю, что жив, чувствую жар в ногах. Пули взрываются в воздухе, не долетая до нас.

— Теперь насчёт вас. — Доктор поворачивается в нашу сторону, но Эдуард бросается вперёд и ударяется о невидимый купол. Руки и лицо расплющиваются, как бывает, если уткнуться в стекло.

— Мелкие твари!!! — вопит он.

Очки слетают с носа и падают на асфальт с царапающим звуком, обнажая кошачьи глаза с продольными прорезями. Чёрт возьми, да эта гадина даже не человек. К тому же, оказывается, господин Эдуард вовсе не обладал счастливым носителем энергии девятого уровня, как я, и оказался запертым в поле. Мне опять страшно. Хотя, страх уже становится моим постоянным спутником и союзником.

— Надоел, замолчи, — устало шепчет доктор Вечность и легонько взмахивает рукой. Голос у Эдуарда пропадает. Нет, Буратино вопит, бьётся о купол, но мы ничего не слышим. — Так вот, что насчёт вас. Вы ещё в своё время удивили нас своими умственными способностями, но мы и предположить не могли, что вы зайдёте так далеко. Добраться до нас — ещё возможно, но принести нам Глобус, сотворить такой неожиданный сюрприз. Признаемся, мы кланяемся перед вами. И конечно, мы в долгу у вас. Сейчас вы закроете Глобус и принесёте в наш офис. Мы бы назвали адрес, но думаю вы быстрее потеряетесь, поэтому идите за радугой.

Доктор Вечность указывает куда-то на восток, и я вижу в небе вспухший разноцветный флюс из света, который испускает вниз радужный столб.

— Нам нужно найти край радуги, — вдруг восхищённо произносит Стёпка.

— Что-то типа того, — кивает доктор Вечность. — Следуйте за светом, и он приведёт вас к нашему офису. Мы ждём вас, юные герои, особенно тебя, мальчик-Девятка.

На последнем предложении доктор кивает в мою сторону и исчезает. Осторожно подняв Глобус с асфальта, Стёпка закрывает его, и смотрит на меня. Кажется, мы все трое столь ошеломлены, что не будет уже в жизни события, которое удивит нас больше.

Не обращая внимания на кривляющегося на фоне Эдуарда, мы заморожено глядим на

Глобус и почти не дышим.

— Почему он говорил мы? — вдруг произносит Серый.

— Я тоже заметил, — киваю. — Может, тут Шаман оказался прав. Может, это какой-то коллективный разум?

— Всё может быть. Пока не дойдём — не увидим, — говорит Стёпка и оглядывает нас. — Так пошлите же быстрее! Это наша финишная прямая.

Но я не тороплюсь. Поглядываю на Буратино, который устало сидит перед куполом силового поля и злобно щурится на нас. Мне его нисколько не жалко, даже хочется ударить.

— Вы видели, с какой лёгкостью доктор создал купол, обеззвучил этого гада и создал радугу? — говорю.

— А я о чём с самого начала твердил, — произносит Стёпка. — Они обладают невероятной силой.

— Кто они??? — требует Серый.

— Ну так а чего мы стоим? Пойдёмте, и узнаем! — раздражённо восклицает Стёпка.

— Не надо радоваться раньше времени, — говорит Сергей, хмурясь. — Может, они нас подманили пряником. Сейчас придём, а там нас убьют и Глобус отберут.

— Вечно тебе везде заговоры мерещатся, — вздыхает Стёпка. — В любом случае, у нас выхода нет. Путь только туда. Кстати, а ты классно зассал, когда этот придурок на нас с пистолетом вышел! — последнюю фразу Стёпка произносит весело, хлопает Серого по плечу и устремляется прочь от привокзальной площади.

— Идиот, — вздыхает Сергей и направляется следом.

*****

Искать в большом незнакомом городе точку, указанную небом не так-то просто. Мы потратили кучу часов до самого вечера, изучили всю ленинградскую разруху, увидели даже старый танк, сожрали все припасы, пока серое готичное здание с потрескавшимися каменными львами не выросло перед нами.

Радуга ударялась прямо в покорёженный шпиль на верхушке. Серый великан с кучей острых башенок, возникший перед нами, оказался ровным параллелепипедом, уходящим в небо. В нём, наверное, тысячи кабинетов.

— И где нам здесь искать этого вашего доктора? — ворчит Сергей.

И вдруг радуга в небе выключается, будто и не было её вовсе.

— За нами следят, — шепчу, а у самого сердце бьётся у горла. Я в шаге то ли от победы, то ли от смерти. Садящееся солнце отбрасывает от нас длинные тени, лёгкий ветерок шуршит мёртвыми растениями, площадь наполняется призрачными едва уловимыми звуками. Под терпкую симфонию больше склоняешься к мысли о смерти, нежели о спасении.

— Так чего мы стоим!?! — восклицает Стёпка. — Пойдёмте скорее. — И семенит по каменным ступеням наверх.

Я вдыхаю запах мёртвого мира в последний раз, полной грудью, и бегу за другом.

Андрюшка! Его спасение уже вот где-то здесь!

Обгоняю Стёпку, мысль о братишке придаёт уверенность. Снова мрачные мысли. Пусть нас сейчас встретит монстр с щупальцами и убьёт на входе, отобрав Глобус. Я попрошу

только, чтобы Андрюшке передали, что я его пытался спасти.

Распахиваю тяжёлые двери и оказываюсь на лестнице. Всё гораздо проще. Никаких лифтов, коридоров, просто светлая ровная лестница из мрамора, уходящая далеко вверх. И я пускаюсь по ней. По бокам мелькают компактные лампочки, встроенные в стену. Великанский пролёт уже не принадлежит умирающему миру. Ступени подметали на днях, лампочки новенькие.

— Андрюшка, — шепчу я и стараюсь думать только о наших прошлых приключениях.

А сердце всё равно бьётся нервно.

На очередной тысячной ступеньке замечаю конец лестницы, упирающийся в массивную деревянную дверь, покрытую лаком. Нисколько не удивляюсь оранжевому цвету. А в центре резного полотна светится значок трёхлистного клевера.

— Тёмка, подожди, — пищит позади Стёпка.

Схватившись за ручку двери, я оборачиваюсь. Друзья отстают всего на пару десятков ступенек. Нет, я не могу ждать. У меня сейчас сердце разорвётся! Я три дня ждал, я чуть не умер, я пришёл за своим братом!!!

Собрав усердие в кулак, я толкаю дверь вперёд и попадаю в офис доктора Вечности.

Нас ждёт награда, мой нежный ушлёпок!

Патрик Несс, Вопрос и Ответ

*

Что меня так сильно напугало, когда я пришёл в больницу к тёте Марине, когда та умирала? Забинтованная голова, с торчащими наружу красными губами. Но страх поселился раньше, ещё за три года до этого, когда Андрюшке исполнилось шесть лет.

В том октябре мы решили отметить хэллоуин. Я, Стёпка, пара девчонок и мои родители заставили взять Андрюху, хоть я и противился. Решили показать театральное представление моим предкам, родителям Стёпки, а потом погулять с угощениями в нашей тайной штаб-квартире недалеко от дома Герундовых.

Представление рассчитывалось на четыре человека, и поэтому мелкий не вписывался. Да тут ещё Андрюшку угораздило делать костюм тайно, чтобы мы узнали в самый последний момент. Ну я тогда подумывал поставить мелкого на какую-нибудь молчаливую роль, скажем, напарником главного героя.

Тридцать первого октября я увидел наряд брата. Он надел строгий костюм, купленный родителями в школу, и натянул на голову белую резиновую маску без глаз, ушей, носа. Брат сделал вырез только для губ, чтобы не задохнуться. Если бы я тогда знал Слендермена, то провёл бы прямые ассоциации.

Представление исполнили. Андрюшке, как и предполагалось, досталась роль главного молчуна. Ему нужно было лишь ходить, держась за руку со Стёпкой. Маленький спектакль поставили сначала перед моими родителями, потом перед Герундовыми. Сказка, которую сочинили мы со Стёпкой, оказалась столь жуткой, что даже мы чуточку испугались, играя роли.

Хотя родители пришли в восторг и наделили нас невероятное количество сладостей. Метрах в десяти от калитки Грундовых, в лесопосадочной полосе мы в то лето соорудили крутейшие шалаши, разделённые на несколько комнат.

По дороге к ним, после представлений, когда небо уже покрылось сыпью звёзд, мы бурно обсуждали происходящее. И пришла мне в голову нехорошая идея. Ведь конфетами же придётся делиться с Андрюшкой, а он-то и ничего толком не сделал. Я пошептался об этом с девчонками, те согласились. Моего младшего брата нужно убрать. Стёпка не сказать, чтобы был против, но и не одобрял такой затеи. Мой молчаливый друг всегда соглашался с любыми нашими выходками.

И уже в лагере я вдруг сказал, что стоило бы развести костёр, ибо очень холодно. Тут я не врал. Почти ноябрь на дворе, мы в сапогах, на двое штанов, в куртках. А утром, надо сказать, прошёл дождь.

Мы заранее договорились, как разыграем сценку перед шалашиками. Я велю Андрюшке набрать сухого хвороста и возвращаться. Тогда мы поделимся с ним шоколадками. Маленькая безликая фигурка с одними губами внимательно слушала инструкции, а потом

немедля поскакала по тёмной лесопосадке исполнять приказ.

Спрятавшись в главном отделении шалаша, мы включили фонарь и немедленно полезли в мешочек с награбленным. Конфеты улетали быстро, только обёртки падали на пол. Сладости активно запивались спрайтом.

Но Андрюшка вернулся быстро, сказав, что в такую погоду найти сухой хворост почти невозможно и что он продрог. И я накричал на него. Сказал, что тогда он получит только фантики в подарок. Андрюшка сначала ныл, надувал губки, но потом тёмная фигурка вновь скрылась между деревьями. Сквозь темноту ещё минуту мелькала белая головешка его маски. А я возвращаюсь к друзьям. Внутри шалаша уже тепло, мы надышали.

Сладости снова полетели в наши утробы. Мы шутили, пугали друг друга страшными историями, смеялись. Честно говоря, страх не уходил ни на секунду. Ночь и лес не перестанут пугать, когда тебе десять.

Когда в мешочке осталось всего три конфеты, мы опомнились. Андрюшка до сих пор не вернулся. Первым заволновался СТЁПКА! Не старший брат, а мальчик, почти не имеющий к Андрюшке никакого отношения.

Он с девчонками немедленно сорвался искать Андрюшку. А я не пошёл. Мне стало очень страшно. Вдруг Андрей забрёл очень далеко и умер, вдруг его съели, что я скажу матери? Я сидел, жевал одну из трёх оставшихся конфет и плакал. Но я боялся не за младшего. Боялся, за нагоняй, что получу дома.

И вдруг меня отвлекает шорох.

А в шалашиках мы окна делали, чтобы было видно, кто идёт. Я оборачиваюсь на шорох и вижу в окошке силуэт. Очень маленький, Андрюшкин поди, но сразу так и не скажешь. Да ещё поисковой отряд Стёпки фонарик забрали.

Издали слышны их негромкие голоса: Андреееей! А здесь тишина, лишь молчаливый силуэт за окном.

— Андрюха? — тихо спрашиваю я, утирая слёзы. Он молчит. — Андрюха, это не смешно, говорю.

И тут вспоминаю о телефоне в кармане. Вытаскиваю его, включаю и направляю в сторону фигуры. Свет экранчик даёт очень слабый, колени-то свои не разглядишь, а что тут говорить о фигуре, спрятавшейся за полтора метра от меня, однако едва уловимый ореол прочерчивает сквозь тьму белое лицо с губами. Ни глаз, ни носа, только губы. А может, я сам себе дорисовал образ, ведь говорю же, очень темно было, а облик проявился почти призраком.

И я не кинулся к брату, страх парализовал меня. На свой следующий вопрос я опять не получил ни звука ответа. Маленькая фигурка стояла неподвижно и смотрела на меня, на почти пустой мешок с конфетами, на мои губы, испачканные шоколадом.

— Андрюх, скажи что-нибудь, мне очень страшно, — шепчу я.

Но вместо этого фигурка разворачивается и исчезает. За хижинкой слышу едва уловимый хруст удаляющихся шагов. Хотя на тот момент я может даже думал, что оно идёт в шалаш за мной.

Но вскоре шаги стихли, и облик исчез из поля зрения. Чуть не писаясь от страха я завопил:

— Стёпка!!!

Следующие полчаса мы искали Андрюшку вчетвером. Я начал думать, что видел не знакомого, а братишку. Просто он увидел пустой мешок с шоколадками и обиделся. А

может, вообще домой вернулся, но тогда бы родители позвонили.

Андрюшку нашёл Стёпка. Братишка лежал под осиной, холодный, с влажными щеками и не приходил в себя. Девчонок отправили домой, а Андрюшку принялись приводить в чувство. Идиотскую маску мы с него сняли.

— Может, отморожение, — задыхался я от слёз.

— Для обморожения слишком тепло, — хмуро отвечал серьёзный Стёпка и похлёстывал Андрея по щекам.

Когда тот очнулся, мы чуть не заорали от счастья. Андрюшка объяснил:

— Искал хворост, потом сильно устал и прилёг отдохнуть. Наверное, уснул.

До калитки Герундовых дошли втроём. Там остановились, и я посмотрел на Стёпку. Сколько раз мы ещё будем здесь прощаться и смотреть друг другу в глаза — не счесть.

— Ты сегодня герой. Ты мне брата спас, — говорю.

— Да ладно там, — машет рукой друг.

— Нет, не ладно. Это важно, — качаю головой, а потом обнимаю Стёпку. Когда тебе десять, это ещё разрешено делать.

Потом мы прощаемся, и я веду Андрюшку домой. Идём молча, а я даже и не знаю, как попросить его не рассказывать родителям произошедшую историю. И вдруг брат говорит первый:

— А где конфеты?

— Мы... мы их все в грязь уронили, когда тебя искали, — тут же вру.

Ничего не ответил Андрюшка на это заявление и продолжал молчать. Много в этой истории мне было непонятно. То ли возле окна Андрей стоял, а потом сыграл с нами такую вот шутку. А может и правда упал без сознания, а к окну кто другой подошёл.

Я считаю этот поступок самым постыдным из всех. Даже тот, когда я пытался вломиться в комнату, чуть не поломав Андрюшке позвоночник, на втором месте. Однако белая маска с торчащими наружу губами долго не покидала мои ночные кошмары. И напомнила о себе в августе, когда я пришёл в больницу к тёте Марине и увидел на ней подобную маску.

И сейчас, когда я ворвался к доктору Вечности.

Существо, которое скрывалось за дверью, вряд ли являлось человеком.

**

Помещение напоминало ярко-освещённую подземную парковку: низкие потолки, огромнейшая площадь и равномерно удалённые друг от друга столбы. Стены, потолок блее белого. В центре, очищенный от укрепляющих столбов, покоился круглый павильон. А вот центр павильона украшал потрёпанный стол с компьютером, а также мольберт с маленькой школьной доской испещрённой цифрами. Возле доски стоял... скорее всего, доктор Вечность.

Видок у существа будто списан с хэллоуинского костюма Андрюшки: строгий костюм и галстук. Только ноги огромные, бёрда кончаются у моих плеч, задница отключена, а две полы фрака облегают её, словно платок старой бабушки. Торс у существа не больше моего, руки стандартные. В целом передо мной стоит необычный человек с огромными ногами, разрушенными от артрита бёдрами, отчего напоминает утку. Вид головы доктора, если

передо мной именно он, расставлял ингредиенты моей жизни на свои места.

Белая гладкая кожа, противная на вид, словно студень обтягивала затылок и лицо существа, лишая его ушей, глаз, носа. Наружу выглядывали лишь ярко красные рваные губы, будто первоклассница намазала их помадой столь неумело, что нарушила границы и будто минутами назад монстр загрыз кого-то, а губы от крови вытереть забыл.

— Артём Бреус. Добрый вечер, — говорит человек-монстр. — Сергей и Степан Герундовы, присоединяйтесь. Присаживайтесь.

Возле стола покоятся три мягких кресла, видимо специально для нас. Внезапно мой недавно раненый затылок, который почти успокоился, вновь начинает пульсировать болью.

Я думал, что влечу в кабинет доктора Вечности с громкими криками и мольбой вернуть Андрюшку, но я лишь робко произношу:

— Здрасьте.

А потом прохожу и сажусь в кресло. За столом раздаются посторонние звуки. То ли там кто-то ремонтирует компьютер, то ли сама машина издаёт громкие щелчки. В воздухе разливается мерное гудение.

— Вижу, вы позаботились о нашем Глобусе, — говорит существо, вытаскивая из карманов руки, обтянутые той же противной кожей, и похлопывая в ладоши. На соседние кресла садятся Стёпка и Серый. У друга лицо хмурое, серьёзное, он смотрит на тварей из-под кустистых бровей, а в голове, наверное, соединяются и разрушаются за секунду тысячи логических цепей. А вот у Серёги вид ошеломлённый и очень испуганный.

— Не против, если я возьму у вас столь важный артефакт? — просит существо и протягивает руки.

— Сначала отдайте Андрюшку! — я стараюсь, чтобы голос не дрожал и прижимаю Глобус к себе покрепче.

Монстр вздыхает, и я замечаю во рту ряд острых жёлтых клыков.

— Прежде чем вы решите, что мы должны вернуть вам брата, я должен многое рассказать, — говорит существо. — А потом спросить ещё раз.

Внезапно из-за стола появляется второй монстр, точь-в-точь похожий на первого.

— Вроде сделал. База данных снова не слетит, надеюсь. — Монстр вытирает руки шёлковой тряпицей, а потом его слепое лицо оглядывает нас.

— Видите, какие сложности у нас возникают без Глобуса Эфира, — говорит первый, виновато пожимая плечами. — Артефакт вы отдадите, и сей факт уже не обсуждается. Мы никогда не врём и сдерживаем обещания, а также награждаем героев, которые оказали нам важные услуги.

И первое существо вновь протягивает ко мне руки. Не знаю почему, но я им доверяю, однако бросаю отчаянный взгляд на Стёпку и Серого, но те увлечены монстрами и даже не смотрят в мою сторону. Смирившись, отдаю артефакт в руки первому существу, радуясь, что наши пальцы не соприкоснулись при этом.

Монстр бережно перенимает Глобус и ставит на стол рядом с монитором. Второе существо с обожанием гладит артефакт.

— Вы... доктор Вечность? — спрашиваю.

— Нет, — качает головой первый и медленно переводит на меня слепой взгляд. — Доктор Вечность — это компьютерная программа нашего разума. Мы же... не люди, нет. Поэтому можете называть нас существами, монстрами, тварями.

Мне кажется, что слово тварь подходит как нельзя лучше.

— И мы живём вне времени, — дополняет второй.

— Как это?

— Это так, что мы им управляем. Или, скорее, направляем. Но это не то, о чём вы подумали. Мы не можем обратить время вспять. Когда понадобится, оно сделает это само. Мы можем путешествовать по времени любой шизогонической реальности, а здесь, — Первая Тварь обводит руками павильон, в котором мы оказались. — Времени нет. Сейчас никто из вас не стареет и не молодеет. Вы находитесь в абсолютном нуле.

— Абсолютный нуль времени невозможен, — вдруг говорит Стёпка.

Твари переглядываются и кивают, а затем Первая легонько кивает рукой в сторону Стёпки, и тот безвольно роняет голову на грудь. Очки кривенько съезжают на кончик носа. Прodelать тот же трюк с Серёгой не удаётся. Он всё ещё ошарашено смотрит на Тварей. Они вновь переглядываются и указывают на него двумя руками. Серый хватается за подлокотники кресла и мотает головой.

— Что вы пытаетесь со мной сделать? — плаксивым голосом произносит он.

Твари вновь переглядываются и пожимают плечами.

— Семёрка, — произносит Вторая.

Их внимание сосредотачивается на мне.

— Последняя беседа касается только нас и вас, господин Артём. Но, коли ваш старший друг обладает сильной седьмой аурой, мы позволим ему поприсутствовать. Что же касается Степана, не пугайтесь, его телом завладел спокойный здоровый сон.

— Ага, — отрешённо киваю я, теряясь в происходящем. — Так, где же Андрюшка?

Первая Тварь вздыхает и направляется к доске.

— Чем серьёзнее ты нас сейчас выслушаешь, тем быстрее разберёшься в происходящем.

Взяв тряпку, Первая Тварь стирает с доски все иероглифы.

— Возможно, вы слышали, что однажды Вселенная образовалась из Большого Взрыва. Когда всё сущее сжалось до размера молекулы и взорвалось, образуя пространство и время. — Тварь рисует на доске кружочек. — Но в тот момент образовывается не одна Вселенная, а несколько. Они существуют на одном и том же месте, но в разных пространствах, так сказать. Все Вселенные я нарисовал в виде кружочка. С того самого момента, у каждой Вселенной началось своё развитие. И потекло в разных направлениях. — От кружка Тварь рисует лучики, как у солнышка. — В разных направлениях, — повторяет он и оборачивается. — Смею отметить, что рост цивилизации ускоряет течение каждой Вселенной. Видите, в начале времён все лучи находились достаточно близко друг к другу, понимаете, Артём?

— Угу, — киваю я, сосредоточенный, как на уроке истории.

— Они удалялись друг от друга медленно, но потом человечество начинает развиваться, и течение ускоряется. К примеру, ваша цивилизация за вторую половину двадцатого века сделала скачок в очках в три раза превосшедший всё развитие до этого. Жизнь на вашей планете существует уже около восьми тысячи лет.

— Восемь тысяч семьсот сорок один год, если быть точным, — информирует Вторая Тварь.

— Да. Представьте, за пятьдесят лет вы обошли развитие науки за предыдущие восемь тысяч шестьсот девяносто один год в три раза. Разница велика?

— Да, — кивая я, ожидая, когда наконец появится Андрюшка. Напоминает повествование истории одного мальчика со слов: в начале было Слово.

— Соответственно и скорость развития увеличилась в три раза. За пятьдесят лет все вселенные отлетели друг от друга на огромное количество внепространственных километров. Впервые этот факт дал о себе знать в средневековье. Разрушение, катаклизмы. И тогда появились мы. Твари-вне-времени. Те, кто следят за существованием миров. И нашей главной функцией является бифуркация.

— Как? — морщусь я.

— Обратите внимание сюда, — Вторая Тварь делит один из лучей на равные отрезки. — Это дни. Дело в том, что для нас прошлого или будущего не существует. Для нас существуют лишь такие отрезки времени. Возьмём к примеру любой день. Двадцать третье июля. — Я вздрагиваю и сжимаю губы. — Вы жили в двадцать третьем июля. Но точно такой же вы жили и в двадцать втором, и в двадцать четвёртом. На следующую ночь вы переходили в двадцать четвёртое июля, а ваш предшественник в двадцать третье. Если бы вы могли вдруг астрально, так сказать, заглянуть назад, то смогли бы пожать руку самому себе. При этом перед вами стояла бы не ваша копия, а такой же Артём Бреус. Убей его, вы бы обрекли его окружающих людей на жизнь без любимого человека. Вы бы вернулись в двадцать третье и продолжили бы жизнь с родителями, а во вчерашнем дне жили бы другие родители, которые оплакивали бы смерть своего сына, понимаете? Вы бы внесли изменение в существование вашей системы всего в одном дне и создали бы параллельный мир. Новую шизогоническую реальность.

Первая Тварь замолчала, и я не выдерживаю.

— А причём тут мой брат!?! — спрашиваю я.

— Мы заметили, что чем дальше во внепространственном бытии друг от друга реальности, тем больше они подвержены разрушению, потому что между ними теряется связь Большого Взрыва. Посмотрите ещё раз. — Первая Тварь указывает на кружок. — Рядом с кружком все реальности близки друг к другу. Однако обратите внимание на наши дни. — Тварь указывает на край доски. — Даже два ближайших луча находятся уже далеко друг от друга, и, к сожалению, они разрушаются. Чтобы этого не происходило, мы создаём бифуркаторов.

***

Сергей прячет лицо в ладонях и что-то шепчет. Может, молитву, может, умоляет себя проснуться.

— Что за бифуркаторы? — спрашиваю я.

— Их цель — удерживать внепространственные соединения. Помните, если вы убьёте себя во вчерашнем дне, вы создадите новую шизогоническую реальность, и она начнёт существовать по-своему. — Первая Тварь делает ответвление в середине луча и рисует новый. — Между двумя начальными реальностями появляется новая, которая позволяет держать внепространственную связь. И чем больше таких реальностей, тем прочнее держатся миры, тем безопаснее живётся вам.

— А причём тут Андрюшка? — совсем тихо спрашиваю я, мечась взглядом от одной твари к другой.

— Он — бифуркатор, — говорит Вторая Тварь.

— Мы выбираем человека, которого зацикливаем в одном дне, — объясняет Первая

Тварь. — Бифуркатор является исполнителем процесса бифуркации. А бифуркация — это рождение новых шизогонических реальностей. Этот процесс можно запустить путём малых изменений работы одного элемента системы. По сути, когда бифуркатор начинает осознавать, что заперт в одном дне, он начинает вести себя по-другому. Понимаете, Андрей из двадцать второго июля, попав в двадцать третье июля, проживёт этот день так же, как и предыдущий Андрей из двадцать третьего июля. Ваши предшественники ничего не меняют и действуют по трафарету. Таков незримый закон Вселенной. Но когда бифуркатор остаётся в одном дне, он всегда проживает его по-разному, рождая новые и новые шизогонические реальности. Каждый день, пока не умрёт, ваш брат будет рождать новый мир.

— А куда же деваются его предшественники? — почти шепчу я, исподлобья наблюдая за Тварями.

— Они соединяются с ним, — отвечает Первая Тварь. Именно поэтому бифуркаторы живут от полугода до года.

— Концентрация личностей в одном теле переходит границы, и они растворяются в энергии, — заканчивает Вторая.

— У Андрея теперь раздвоение личности? — спрашиваю.

— Нееет, — качает головой Первая Тварь. — До бифуркационного дня все предшественники Андрея жили одинаковой жизнью. Это один и тот же Андрей, только Энергетика всякий раз увеличивается. В конце концов она растворит тело вашего брата. Это печально... Для вас. Да. Но в целом, рождая шизогонические миры, ваш брат спасает не только вас, но и всех людей в соседних Вселенных. Отсюда мы и хотим у вас спросить: вы действительно хотите забрать Андрея? Потому что пока процесс бифуркации не завершён. Если вы заберёте брата, через несколько лет Вселенные начнут рушиться, и вы все умрёте. Вы, они, — Тварь кивает на Стёпку и Сергея. — Ваши родители, ваша планета, солнце.

— Стойте! — восклицаю я. — Что за чепуху вы несёте? Вы разве не можете сделать другого бифуркатора?

Твари переглядываются.

— Процесс бифуркации нелёгок, — отвечает Вторая Тварь.

— Мой коллега хочет сообщить, что для подготовки бифуркатора тратится много времени. Если мы отдадим вам Андрея, то нам потребуется ещё много лет, чтобы подготовить и нового бифуркатора, и подходящий бифуркационный день. За это время процесс разрушения уже может начаться и быть необратимым.

Я подтягиваю колени к подбородку. Обнимаю их. Я замираю. Что происходит? Почему мне нужно что-то выбирать? Почему нельзя всё решить? И вообще, я — маленький мальчик, я не хочу думать о проблемах Вселенной. Я хочу хныкать и выпрашивать брата.

Серый возвращается в наш мир и отрешённо смотрит на Тварей.

— Неужели нет никакого решения? — тихо лепечу. — Неужели всё так плохо? Можно тогда я останусь вместе с братом в двадцать третьем июля?

— Это невозможно, — качает головой Вторая Тварь. Голос у него твёрже и холоднее.

— Но решение есть, — говорит Первая Тварь.

— Бифуркатора можно заменить близ бифуркационного дня.

— Это как? — хмурюсь.

— Это так, что мы можем перевести настройки на другого человека, — уточняет Вторая Тварь. — Для создания бифуркатора тратятся годы, но заменить его можно за долю секунды.

— Скажем, просто поменять соответствующее имя в программе, — продолжает Первая,

а Вторая так оставляет за собой последнее слово:

— На каждого бифуркатора нужно писать новую длинную программу, которая опирается на данные Вселенной необходимого бифуркационного отрезка.

— Я! — выкрикиваю. — Я готов. Я не против хорошо пожить в двадцать третьем июле, по-прикалываюсь над соседями. Только обязательно хочу увидеть напоследок Андрюшку, чтобы сказать ему, какой поступок я совершил...

— Вы не можете! — хором восклицают обе Твари.

— Не могу???

— Как выяснила практика, бифуркационный день по-разному реагирует на разные ауры. Самыми продуктивными бифуркаторами оказываются Единички, самыми качественными — Восьмёрки, но Девятки не производят бифуркаций.

— Почему? Я могу проживать жизнь каждый день по-разному! — восклицаю. — Я могу каждый день что угодно делать. Даже убить смогу...

— Пространство не реагирует на Девятку, — качает головой Вторая Тварь. — Шизогонические реальности не образуются. Быть может, это потому, что Девятка — это номер ауры создателей. Наш в том числе. Мы не можем сами управлять пространством. Только люди с аурой от одного до восьми.

Я теряюсь.

— И... что это значит?

Твари смотрят в сторону Сергея и Стёпки.

— Поэтому мы и просили вас прийти с друзьями. Степан имеет Первую ауру, Сергей — Седьмую. Вы — единственные, кто догадались искать брата, а вы — единственный, кто рискнул отправиться за ним в путь. Если бы только эти заслуги.

— Вы принесли нам Глобус, — продолжает Вторая Тварь. — Мы уже просмотрели вашу судьбу. Вы храбро кинулись спасать артефакт. Ради брата. Вы достойны вознаграждения.

— Но в любой серьёзной работе приходится терять элементы, — подхватывает Первая Тварь. — Нам нужна замена. Вы можете вернуть брата, заменив его на одного из... ваших друзей. — Первая Тварь вновь кивает на братьев Герундовых.

— И что с ним будет? — спрашиваю? — Родит вам кучу миров и растворится в энергии?

Твари синхронно кивают.

Приехали.

Не ждали.

Я гляжу на Серого, который, кажется, мало что понимает в нашей дискуссии. Что мне сделать? Просто указать на него? Назвать имя? Но... мне приходит идея получше. Если я выберу Сергея, то для всех Герундовых останусь злом, даже для Стёпки. Может, он перестанет со мной дружить. Но если Серый выберет сам себя, то получится как со мной. Заменив себя на Андрюшку, я бы стал героем.

— Серый, — говорю я, и у старшего впервые появляется осмысленный взгляд. — Ты понимаешь, что сейчас происходит?

— Мы спасаем Андрюху, — упавшим голосом произносит он. — Но я понимаю, что если мы его спасём, то все умрут, и теперь ты хочешь выбрать кого-нибудь из нас для этой цели, да?

Оказывается, старший не спит.

— Не совсем, — качаю головой и засовываю руки в карманы. — Я думаю, что сейчас

речь пойдёт о твоей семье, и ты должен принять решение. Если бы вы спали, то — да, я бы сделал выбор. Но я не имею права, если ты слышишь нас и всё понимаешь.

— Я понимаю, — кивает Серый. — А ещё я понимаю, что ты, сволочь, изворотливый. Сначала тебе брат безразличен, а теперь ты готов убить одного из своих друзей.

— Серый, — я туплю взгляд. — Это моё решение. Мне нужна семья. Мне нужен Андрюшка...

— Которого ты называл как? Припомнить?

— Это было в прошлом.

— Опарышем ты его называл.

— Артём Бреус, — вмешивается Первая Тварь. — Вы хотите переложить свой выбор на Сергея Герундова?

— Да, — киваю. — Я предлагаю кое-кому стать героем. Я вовсе не хочу становиться убийцей брата друга.

— Да я тебя на ремни порежу! — вскакивает Сергей.

Твари оживляются и выходят в пространство между мной и компьютером. Вышагивают они грациозно, словно цапли, я даже успеваю восхититься.

— Сергей, вам стоит вернуть поведение в нормальное состояние, — говорит Первая Тварь. — Мы здесь обсуждаем стратегически важные ходы, а гневу не место в стратегии.

— Стратегически важные, говорите! — кричит Сергей, но возвращается в кресло. — А вы загляните в прошлое и посмотрите, как этот подонок обращался с братом. Вы посмотрите!

— Мы всё знаем, и сейчас это не играет никакой роли, — произносит Вторая Тварь.

— Не играет! Ха! — Серый хлопает себя по ляжкам. Глаза бешено бегают от одной Твари к другой. Оба монстра держат руки в карманах, но мне кажется, если Серый будет вести себя неподобающим образом, они вынут их. И если им хватило сил заткнуть Буратино на расстоянии, то Сергея приструнят как младенца. — У нас умерла мать! — кричит тот. Бьёт по самому больному месту. — Мы уже лишились одного члена семьи. Зачем нашему отцу вновь переживать утерю одного из сыновей!?

— Вы рассуждаете о жизни пешек, когда на кону стоит шахматная доска, — говорит Вторая Тварь. — Вселенная рухнет, если мы вернём Артёму бифуркатора.

— Имел я вашу Вселенную! — кричит Сергей. — Мой выбор? Верните нас троих домой чтобы мы жили прежней жизнью. Вот мой выбор!

Твари переглядываются, а потом Первая оборачивается.

— Артём, вас устраивает такое предложение?

Чёрт! Опять Артём! Артём! Я хочу брата! Верните мне Андрюшку, иначе я заплачу!

Сжимаю кулаки, сжимаю губы, в голове кавардак.

— Нет, — говорю. — Мне нужен Андрей.

— Такое предложение Артёма не устраивает, — Первая Тварь вновь оборачивается на Сергея. — Мы обязаны ему, мы у него в долгу, поэтому его слово ценится дороже вашего.

— Может уже прекратим демагогию, — говорит Вторая Тварь. — И вы наконец скажете, можно ли вас забрать или нет?

— Ах, то есть, за меня заведомо уже всё решили! — нервно смеётся Сергей всплескивая руками. — А то, что этот обормот никуда бы не пошёл, если бы не мой младший братишка — это ничего? Почему его слово ценнее? Да что он вообще сделал?

— Он вошёл в музей нашего агента и вытащил оттуда необходимый нам артефакт, —

говорит Первая Тварь. — Вы же не удосужились составить ему компанию.

— Ох-ох-ох! Всё потому, что этому мелкому прыщю повезло родиться под Девятой аурой.

Серый гневно кивает в мою сторону, и я опускаю взгляд.

— Но он не бессмертен, а вы отказались его подстраховать, — замечает Вторая Тварь.

— Я спасал жизнь своего младшего брата!

— Спасите ему жизнь ещё раз, — немедленно вставляет Вторая.

Серый открывает было рот, а потом хватается за голову и рычит. Он начинает бить себя по макушке, и мне становится жалко его. В школе нас не учат, что жизнь часто ставит тебя перед нелёгким выбором.

— Я так понимаю, мне вариантов не оставили! — восклицает Серый и поднимает затравленный взгляд. Твари лишь молча мотают головами. — Хорошо! Раз этот говнюк у нас король, я хочу с ним поговорить один на один.

У меня все почки отрываются от страха. Думаю, в таком состоянии Серый убьёт меня с первого удара, и я уже думал, что Тварям не хочется тянуть со сложившейся ситуацией, но они вдруг кивают.

— Можете отойти на пару десятков метров, — говорит Первая и теряет к нам интерес, возвращаясь к компьютеру.

— Пошли! — Серый вскакивает и кивает мне в сторону. Обычно так делают старшие пацаны в школе, когда уводят тебя с глаз учителей чтобы набить морду. На холодных негнущихся ногах я следую за своим палачом. Когда компьютер и Твари превращаются в маленькие фигурки в центре круга, Серый останавливается и колючим взглядом глядит в меня.

Я молчу.

— Слушай, ты что творишь? — шёпотом рычит он. — Ты о моём папке подумал? У него жена только умерла. А тут ещё и ребёнок пропадёт. Ты, значит, будешь жить счастливо, а мой отец мучиться?

— Серый... нет... — я не нахожу слов. — Я очень уважаю тебя. Но надо. Скажи, если бы на кону стояла жизнь Стёпки и моя, ты б кого убил?

Серёга сжимает губы. Крыть ему нечем.

— Я люблю Стёпку! — шёпотом восклицает он.

— А я люблю Андрюшку, — отвечаю.

— Да!? Что же я этого не заметил!

— Хватит. Ты говоришь одно и то же, — недовольно морщусь. — Мы все бываем дураками, но без Андрюшки я понял, как мне плохо. Я люблю брата не меньше твоего.

— Ну пожалуйста, ну ради нас... — молит Серёга, и мне опять его жаль. Я не могу смотреть ему в глаза.

— Нет. Я хочу вернуть брата, и точка, — еле слышно шепчу.

— Гад... — Серый сжимает кулаки, и я поглядываю на что-то обсуждающих Тварей. Они, конечно, смогут остановить Серого, но несколько зубов от первого удара я всё равно проглочу.

— Прежде чем ты сломаешь мне нос, подумай, — говорю. — Они тебя отправят в нокаут, и потом выбирать буду я, понимаешь!

— Выбирать, говоришь, — усмехается Серый. — Хорошо, ты же мне сам дал право выбора. Я выбираю Стёпку.

У меня челюсть отвисает.

— Это назло мне что ли? — спрашиваю. — Идиот. Ты понимаешь, что с ним будет!?

— А я что. Его смерть будет на тебе! — Серый пожимает плечами. — Ты меня вынудил.

Я так и скажу отцу.

Теперь кулаки сжимаю я.

— Ну что? Всё ещё не хочешь вернуть нас троих домой?

Тварь! Сволочь! Он знает на что давить. Но Стёпка — друг, а Андрей — брат.

— Нет, — говорю. — Мне нужно вернуть брата! Если ты понимаешь, что такое младший брат, — а я это понял, — ты не будешь обрекать на смерть своего!

Серый запрокидывает голову и долго смотрит в потолок.

— Тёмка, я не могу. Наташу помнишь?

— Это... та девушка, с которой ты сейчас встречаешься?

— Да. Я собираюсь поступать в университет, я собираюсь на ней жениться. У меня жизнь расписана до самой смерти. А вы живёте одним днём. Если уж суждено сделать выбор, я в любом случае выберу Стёпку. Я не могу бросить отца в эту трудную минуту!

— Ты!.. ты всю жизнь его защищал! — шиплю я.

— Я защищал его в уличных драках, — говорит Серый. — А сейчас на кону жизнь. И если ты не желаешь жить и дальше без брата, то я не желаю отправляться под пули в какую-то бифуркацию.

— Ты проживёшь жизнь в одном дне! — говорю. — Ты сможешь делать что угодно. Ты можешь даже банк ограбить, а на следующий день снова очнуться дома.

— И жить так полгода. Не надо уговаривать. Я знаю, что это такое. Я слышал этих... монстров. И ты должен понять, моё решение логически обосновано.

— Здесь нет никакой логики! — почти вслух кричу я. — Я вижу здесь только подлый поступок! Поступок трусливого человека!

Серый шурит глаза, и взгляд у него становится подленький.

— Тогда возвращай всех нас троих домой, — говорит он. — Здесь всё просто, либо ты выбираешь Андрюшку, либо я — Стёпку. Давай вернемся, и ты вновь возьмешь выбор на себя. И выберешь Андрюшку, ибо мой выбор ты уже понял.

И с этими словами разворачивается и направляется в сторону Тварей.

— Серый, Серый, — я подпрыгиваю за ним, словно непослушный хвостик щенка. — Ты делаешь ошибку. Так ты мог стать героем. А сейчас ты просто предаёшь брата.

Но Сергей молчит, а безликие Твари уже смотрят на нас.

— Этот мелкий говнюк разрешил мне выбирать. Так и прекрасно! Берите моего младшего брата и возвращайте меня отцу. Я расскажу ему, как он лишился своего сына!

Кажется, Твари сами недоумевают и переводят взгляд то на меня, то на Серёгу. Плюхаюсь в кресло и отрешённо смотрю перед собой. Сердце стучит неровно, дыхание сбивается, в голове пульсирует каша. И боль в затылке.

— Это окончательное решение вас? — неловко спрашивает Первая Тварь.

— Пусть он решает, — бурчу. — Я дал ему право выбора.

— Значит, мы можем забрать Степана Герундова с собой? — уточняет Вторая Тварь у Сергея.

— Конечно. Пусть благодарит своего закадычного дружка, кивает Серёга.

— Да пошёл ты в жопу! — кричу я и тыкаю в Серого пальцем. — Я его друг! И если бы не Андрей, никогда не предал бы его! А ты! Ты его родной! Старший! Брат! И ты! Ты сука и

подлец!

— Я тебя сейчас урою, мелкий ушлёпок, — Серый подаётся вперёд, и глаза у него всё ещё прищуренные, подленькие.

— Сидеть! — вдруг восклицает Вторая Тварь и голос у него нечеловеческий: жуткий и пугающий рык. Серый немедленно откидывается назад.

— Мы предупреждали тебя, чтобы ты вёл себя тихо! — прикрикивает Первая, а ещё он называет Серёгу на ты.

— Что ж, коли ваш выбор окончательный, мы можем приступить к восстановлению бифуркационного дня, — говорит Первая Тварь уже спокойным голосом и поворачивается ко мне. — У вас будут какие-либо пожелания нам, господин Артём Бреус?

— Я... я... — и тут я смотрю на спящего Стёпку. Голова друга всё ещё покоится на груди, он спит безмятежно, как всегда. Такой вот Стёпка, какой он есть. — Оставьте его в том дне, когда его мама ещё была жива, — говорю, не отводя взгляда от сползших на кончик носа очков.

— Ваше желание учтётся, — кивает Первая Тварь.

— В свою очередь, запоминайте, — добавляет Вторая Тварь. — Выход из бифуркации находится в торговом комплексе Гроздь, между второй и третьей кассами. Это обычная дверь служебного помещения. Успейте с Андреем войти в неё до восьми часов вечера, и вы покинете бифуркацию. На этом мы спешим откланяться. Огромное спасибо, что вернули нам Глобус Эфира. Вы нас больше никогда не увидите. Всего наилучшего.

Я начинаю плакать где-то на середине монолога, а когда Вторая Тварь заканчивает, я кричу:

— Стёпка! Прости! Это не я! Это Серёга тебя выбрал! Ты мой лучший друг! Пожалуйста, Стёпка, не проклинай меня!

А Стёпка безмятежно спит.

Его лицо — последнее, что я видел, проваливаясь в темноту.

ПОСЛЕДНИЙ КОРИДОР БИФУРКАТОРА

Время — честный человек

П. Бормаше

*

Пробуждение ничем не отличается от других утренних приходов в мир. Сначала вдалеке играет Каннамский Стилль, потом звук становится чётче, и вот я уже в своей кровати. Щурюсь от солнца, потираю сонные глаза...

Что?

В своей кровати?

Вскакиваю и хватаюсь за телефон. Одиннадцатый час, двадцать третье июля! Я вернулся в тот самый день, как его там... Бифуркационный.

— Андрюшка!

Оглядываю комнату в поисках братишки, но его нет. В голову лезут самые неприятные мысли, и апофеозом их является самоубийство. Я бы, наверное, уже давно уничтожился, ещё когда понял бы, что застрял в одном дне.

Ну вот поэтому я и не могу быть бифуркатором!

Откинув одеяло, я вскакиваю и замираю на ковре. В одних мятых трусах, взъерошенный, раскрывший рот, я даже не знаю, куда идти. Что там говорила одна из Тварей? У нас время до восьми?

Я решаю заглянуть в самое близкое помещение — ванную. Вхожу, а там, в душевом отделении... Андрюшка. Стоит в одних трусах и футболке и смотрит в никуда. Кожа бледная, под глазами тёмные пятна.

Моё сердце будто подвисает на секунду. Вот она — финишная прямая, последний коридор, пройдя который можно вопить: ура! победа! Но я сдерживаюсь, хоть и сложно. Одёргиваю трусы и по возможности будничным тоном произношу:

— Доброе утро.

Взгляд Андрюшки медленно становится осмысленным.

— С каких пор ты желаешь мне доброе утро? — спрашивает он бесцветным голосом.

Я не отвечаю, чтобы не разрушить иллюзию неизвестности. И как ни в чём не бывало прохожу к раковине. Достая зубную щётку и пасту. Открываю тюбик и останавливаюсь, лукаво поглядывая на Андрюшку. Какой же он несчастный, похудел; стоит, смотрит на меня во все глаза.

— Мне даже как-то страшно зубы чистить, а вдруг зубная паста мне на руку выплюнется, — говорю, и медленно давлю на тюбик. Верхний слой голубоватый массы чуть вздыбился и выпустил наружу пузырёк воздуха.

— Ну вот, — говорю. — Теперь можно чистить.

— Откуда ты узнал? — Андрюшка серьёзно хмурится, и я вспоминаю подобный забавный взгляд.

— Я много чего знаю, — откладывая зубную пасту и щётку. — Например... что одно

яйцо в холодильнике протухшее, и я могу его пожарить на яичницу сегодня.

— Ты его точно пожаришь, — в глазах Андрюшки вспыхивает интерес, чего, думаю, не случилось с братишкой уже давно. — Но откуда ты всё это знаешь?

— Просто я ещё знаю, что ты проживаешь двадцать третье июля уже два месяца, — серьёзно говорю.

— Сегодня уже пятидесятый раз, — отвечает Андрюшка. — Но... теперь и ты это почувствовал? — удивлённо улыбается брат.

— Нет. Не почувствовал. Я просто вернулся за тобой из будущего. В общем, это долгая история, но мне пришлось многое вытерпеть.

— То есть... прямо за мной? — лепечет Андрей. — То есть, ты меня заберёшь в нормальное время?

— Всё верно, — киваю. — Вечером мы уже будем дома. Не помню точно, восемнадцатого или девятнадцатого августа. Мама очень соскучилась по тебе.

— То есть, ты именно за мной возвращался? — тихо настаивает Андрей.

— Помнишь, я тебе как-то дал обещание всегда защищать тебя? Вот я его и сдержал.

Глаза братишки бегают, а потом происходит то, чего я не видел почти за всю жизнь: Андрюшка начинает плакать. Он направляется ко мне, протянув руки, а потом спотыкается о бортик душа и падает. Я подхватываю брата и прижимаю к себе.

А он всё ревет и ревет, и мне не хочется его останавливать. Мне одновременно и грустно, и чувствую себя героем.

— Пойдём уже отсюда, — умоляет Андрей. — Из этого чёртова дня.

Я думаю. Самому хочется свалить побыстрее, но вспоминаю некоторые не завершённые дела в этой реальности, поэтому отвечаю:

— Нет. Андрюха, пока рано. Я жутко голоден, давай поедим. Я сделаю яичницу и тебе.

— Только не из протухшего яйца, — всхлипывает брат.

— Не из протухшего. И теперь я буду всегда делать только такую яичницу, как ты захочешь.

— Только глазунью, — Андрей отступает от меня, и его красные заплаканные глаза смотрят прямо в меня. Самый доверчивый взгляд брата, который я видел за всю жизнь.

— С помидорками, — добавляю и щёлкаю Андрюшку по носу.

**

Пока готовлю яичницу — думаю. Андрюшка не мешает и тихо сидит за столом, внимательно наблюдая за каждым моим действием. Наверное, боится, что я исчезну или засмеюсь и скажу, что это всё шутка.

Протухшее яйцо я не разбил, может, уже примерно знал, где оно находится.

В голове прокручиваю слова Тварей: план действия. Зайти в служебную дверь в Грозди до восьми вечера. До восьми ещё дофига времени, а пока я могу что-то совершить в этом двадцать третьем июля. Но что? Утащить в дверь за собой Стёпку? Ведь Стёка ещё здесь, живой, весёлый, не знающий, что ждёт впереди. Но Твари ещё рассказали, как умирает мир без бифуркатора. Если я утащу отсюда друга, то... может, разрушу Вселенную.

Лучший вариант — оставить Стёпку здесь, но разве я не превращаюсь в чудовище подобное Серёге? Как же всё непросто. Может, спросить совета у брата? Но мне очень не

хочется загружать его голову новой бредятиной.

Поэтому я делаю единственный выбор. И не понимаю, подлый он или справедливый. Стёпку нужно оставить здесь. Возможно, по отношению к другу я поступаю подло, но по отношению к миру — справедливо.

Но так просто я не уйду. Я хочу посмотреть на друга в последний раз.

Яичница дымится в тарелках на столе, я сижу напротив Андрюшки, но кусок в горло не лезет, как, думаю, и брату. Он внимательно смотрит мне в глаза.

— Ты ещё всё тот же Артём? — спрашивает он.

— Да. Я никуда не исчез. Я пришёл, чтобы забрать тебя в настоящее время.

Андрюшка блаженно прикрывает глаза, готовый слушать мои слова вечно.

— Слушай, — я хмурюсь. — Если бы на месте тебя был я, и ты бы пошёл меня спасать...

— Пошёл бы, — торопливо отвечает братишка.

— Погоди. Если бы оказалось, что, спасая меня, ты разрушаешь весь мир, ты бы спас меня и уничтожил мир или оставил бы меня в двадцать третьем?

Голубые глаза Андрея на секунду задумчиво подвисают, потом в них мелькает страх.

— Ты спас меня, уничтожив Вселенную?

— Нет, — качаю головой. — Просто спрашиваю.

Андрюшка неуклюже берёт вилку и нож, серьёзно обдумывая мой вопрос, а потом говорит:

— Я бы оставил тебя в двадцать третьем, но попытался бы тебе сказать, что я спасал тебя.

— Серьёзно? — хмурюсь. — Почему ты так решил бы?

— Нет-нет, ты не подумай чего, — затараторил Андрей. — Я пытаюсь просто мыслить разумно. Ты не помнишь видео, где у железнодорожника сын упал в пазы раздвижного моста?

— Нет, — признаюсь.

— Дело в том, что там мост был раздвинут, а его сын упал в пазы. И как раз поезд едет. Если мост не опустить, то поезд разобьётся. А если опустить, то сына раздавит насмерть. И он выбрал второе. Потому что спасал жизнь сотни человек, принеся в жертву сына.

— Но каждый бы поступил по-своему, — пожимаю плечами я. — Кто-то и не опустил бы.

— Я знаю, — кивает Андрюшка, и сейчас он мне кажется не по-детски серьёзным. — Лучший пример, наверное, в библии. Бог разрешает людям убить своего сына, потому что верит, что все люди на земле имеют шанс на спасение. А ещё это называется принципом наименьшего зла.

— Очень знакомо. Что это?

— Это когда из двух зол выбирают меньшее. Как ни крути, а жизнь одного человека важнее жизни многих. Даже если они тебе никто, а этот один человек — твой брат. Или сын. Или отец.

Андрюшка начинает есть, а моя яичница давно остыла. В голове решаются громадные дилеммы.

— Думаю, ты прав, — киваю. — Для Вселенной все мы просто люди.

В кухне зависает тишина, Андрюшка глядит на меня слишком печально, а потом тихо говорит:

— Нет, ну если ты меня пришёл спасать такой ценой, то я не согласен. Я останусь здесь и буду всегда жить в одном дне, лишь бы не уничтожился мир.

— Да нет, — морщусь. — Ты не причём. Ты уже спасён на сто процентов.

У меня друг погибает! — кричал внутренний голос.

— Тогда почему у тебя вид очень грустный? — спрашивает Андрюшка.

Я не хочу отвечать на этот вопрос. Но что-то надо делать! Хотя бы взглянуть на Стёпку ещё одним глазком. И я решительно спрашиваю:

— Ты знаешь этот день наизусть. Что будет?

— Мама вернётся скоро. Ближе к двенадцати, из Грозди. Вы с отцом вечером будете смотреть...

— Про Стёпку что-нибудь помнишь?

— Он позвонит тебе где-то около часа дня, и ты уйдёшь гулять на весь день на Заводь с ним и двумя девчонками.

Хмурю лоб и вспоминаю конкретику двадцать третьего июля. Помнится, там ещё Буратино приходил к нам, во время Стёпкиного визита.

— Кабельное телевидение приедет будку осматривать? — спрашиваю, в надежде снова увидеть товарища Эдуарда и врезать ему по носу.

— Нет, это было только один раз, — Андрюшка хмурится. — Только я не понимаю почему, и мне кажется, что они имеют какое-то отношение к моему провалу во времени. Я бы про них посмотрел, но забыл название.

— Неважно, — отмахиваюсь и достаю телефон. — Уже всё решено.

— Кому звонишь?

— Стёпке.

— Он недоступен. Он с отцом в город уехал, — твёрдо отвечает брат.

— Ладно. Подождём, — вздыхаю.

— А зачем? Тёмка, может, давай уже вернёмся назад? — шепчет Андрей. — Мне здесь так одиноко. Вы всегда всё делаете одно и то же, поэтому кажетесь не настоящими. Какими-то кукольными.

— Мы уйдём, — киваю я, протягиваю руку и хватаю ладошку Андрюшки. Она холодная. — Я обещаю, но сначала мне нужно дождаться Стёпку.

— А что мы будем делать пока?

— Давай... — я улыбаюсь. — Посмотрим что-нибудь интересное.

— По телевизору я уже наизусть всё знаю что идёт, — печально говорит Андрей.

— А мы не по телевизору. Мы в интернете.

В те дни вышли несколько новых фильмов, и самым ярким, по мнению зрителей, считался фантастический триллер с Брюсом Уиллисом, что-то о бандитах вне времени, но мы с братом решили — хватит с нас этого чёртова времени. Поэтому смотрели комедию с Райаном Рейнольдсом и Джейсоном Бейтманом. О том, как два друга поменялись телами.

Мы не смеёмся, мы смотрим и боимся. Слабая улыбка лишь порою трогает губы Андрюшки, но взгляд затравленный, глубокий. А внутри моей головы много неясных страхов: перед последней встречей со Стёпкой, перед возвращением домой и главное — что если Твари-вне-времени наврали. Ну откроем мы эту чёртову дверь в Грозди, и ничего не случится.

Только ближе к концу фильма я думаю, что сижу и обнимаю Андрюшку на протяжении всей картины, а ведь раньше сконфузился бы от одной мысли об этом. Когда по монитору

поплыли титры, брат вздыхает и говорит:

— Хочу домой. Мы точно успеем?

— Вечером, — улыбаюсь я. — Всё вечером.

— Вот ты улыбаешься, а глаза у тебя беспокойные, — вдруг говорит Андрей, и мне становится и грустно, и ещё страшнее.

— Поверь, времени у нас навалом, — убеждаю.

— А вдруг тебя обманули? — почти шепчет брат, ударяя тем самым, по больной мозоли.

— Нет, — качаю головой. — Ни в коем случае! Поверь мне... — хотя сам себе я не верю.

— А ты точно не обманешь? — И теперь в хмуром взгляде Андрюшки наконец просыпается он: мой брат, ещё совсем маленький десятилетний мальчик.

— Не обману, — вновь качаю головой и сильно обнимаю брата. — Никогда. Я же обещал тебя защищать. И теперь никогда не обману! Всю жизнь...

Нас прерывает звонок. Телефон пиликает именем Стёпки. Что ж! Судьбу не обойдёшь. Я бы мог уже быть дома, но я позволил себе пощекотать нервы...

— Стёпка! — я пытаюсь воскликнуть радостно. — А я тебе звонил.

— Да я уже видел. Один пропущенный.

— Где ты был? — хотя прекрасно знаю, где он шлялся.

— В город с отцом ездил. Только вернулся. Гулять пойдём?

Конечно, именно этого мне сегодня не хватает. Блин! Это же будет моя последняя прогулка со Стёпкой! А может, Твари его не тронут? Может, всё-таки заберут Серёгу? Нет... я сомневаюсь.

— Пойдём, конечно, — печально улыбаюсь.

— Сегодня с нами должны быть Вероника и Ольга.

— Уау, — кисло восклицаю. — Ну тогда давай ко мне.

— Уже бегу! — голос Стёпки всё ещё весёлый и радостный, когда связь обрывается. Он будет таким ещё несколько дней, а потом, эта версия Стёпки проснётся и поймёт, — а день-то тот же самый.

Прячу телефон, а Андрюшка внимательно смотрит на меня исподлобья.

— Тебе очень нужно с ним встретиться?

— Очень, — уверенно киваю.

— Но для чего? Ты увидишь его ещё много раз. Или Стёпка как-то причастен к этой истории?

Копаясь в мыслях, не зная, что и ответить младшему, ведь правды слишком много, чтобы рассказывать её брату здесь и сейчас.

— Он причастен, — снова киваю.

— Но как?

— Это долгий разговор. Я скажу так... Больше Стёпку я не увижу, — произношу совсем тихо. А внизу уже звонят в дверь. — Это наша последняя прогулка.

Андрюшка теряется, глазки бегают.

— Я в этом виноват?

— Нет, — тут же отвечаю. — Просто... потом расскажу. Стёпка погиб. И пока я в прошлом, хочу ещё денёк с ним погулять.

И вдруг губы Андрюшки сжимаются, как будто он собирается плакать, и я тут же встаю и выбегаю из детской.

— Нет! — слышу я позади, а потом что-то гроыхает, стул, видимо.

— Артём!!! — кричит внизу мама. — Спускайся, к тебе Стёпка!

— Иду! — успеваю крикнуть, а потом дверь детской распахивается, и Андрюшка врзается в меня. Обвивает руками и прижимает к себе. — Я боюсь! Не уходи! Вдруг ты уйдёшь и опять исчезнешь, а я останусь бродить в двадцать третьем! Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! — последнее Андрюшка уже шепчет.

Я хочу было сказать, чтобы он верил мне на сто процентов, что меня не могли обмануть существа-боги, но вдруг запинаясь. Откуда я знаю этих богов? Вдруг и правда обманули? Вдруг ничего не случится, поэтому говорю брату:

— Андрей, послушай. Те, кто меня послал за тобой — это не люди. Они почти боги. Понимаешь, вряд ли они могут обмануть. А если и обманули, то я могу исчезнуть даже находясь в туалете. Помни, если я вдруг исчезну, то это не я виноват. Это всё они. Я тебя не брошу и к указанному времени вернусь.

— Ко сколько? — спрашивает Андрей, всё ещё цепляясь за меня.

— Я обещаю, что если эти боги не заберут меня внезапно и не убьют, к восьми вечера мы будем уже дома. В настоящем доме. И поверь, им совсем нет смысла мне врать.

Некоторое время Андрюшка молчит и думает, а потом произносит:

— К восьми вечера?

— Да. Точно! Обещаю!

— Ладно.

Брат с неохотой отпускает мою грудь и отступает к двери в детскую. В глазах намешан букет эмоций, но я верю, что вернусь и сейчас у меня на уме только Стёпка. Андрей, ты ждал меня больше месяца, подожди ещё несколько часов.

Быстро спускаюсь вниз, мимо меня мелькают семейные фотографии в рамках, которые я раньше не замечал, а теперь каждая трещинка дома будто взывает к себе, кричит, что я вернулся, но... не в то время.

На первом этаже разливаются звуки тушащегося мяса. В прихожей мама спрашивает с кухни:

— Как вы там с Андреем?

— Замечательно, — отвечаю я, и мама из прошлого исчезает из моей жизни навсегда, удаляясь в глубь гостиной.

И когда каждый новый шаг приближает меня к двери всё больше и больше, я всё сильнее и сильнее уговариваю себя: вот открою сейчас дверь, увижу Стёпку, пойдём гулять, а вечером вернусь к брату и верну нас в наше время, но... как будто я могу поступить иначе.

Открываю дверь.

— Мадам Помпадур? — улыбается Стёпка.

И... те же ровные волосы, очки в толстой оправе, те же джинсы, вылинявшие кое-где и с ниточками на карманах. Это мой друг — Стёпка. Мой друг ещё на несколько часов. Последних часов.

— Привет, — улыбаюсь я. Стараюсь, чтобы выглядело натурально.

— Не желаете прокатиться на свидание с двумя очаровательными девчонками? — продолжает Стёпка.

— Ну да, ну да, — киваю. — Только нужно себя в порядок привести немного. Подождёшь?

— Я на крыльце посижу, — отвечает Стёпка, и я немедленно закрываю дверь.

Мне не нужно было приводить себя в порядок, тем более, я в той же одежде, в которой был на свидании в прошлый раз, но мне нужно успокоиться... Хлопаюсь ладонями на трюмо в прихожей и гляжу в зеркало на мрачное отражение.

— Тебе это нужно, — шепчу я. — Ты должен с ним попрощаться. — Кстати, да, получается, у нас будто негласное прощание. Стёпки уже нет в моей жизни. Я не должен за него цепляться он ушёл в прошлое. — Не плач, — шепчу. Просто Стёпка умер. Умер давно. — Не плач, — шепчу и растираю слёзы по щекам. А ещё лучше, подумать, что мы с ним даже знакомы не были. Да, так проще всего.

Бегу в ванную, чтобы умыться, по дороге задеваю локтём маму, и та строго прикрикивает вслед:

— Успокойся! — и, не останавливаясь, удаляется в кухню.

Я ныряю лицом в тазик с холодной водой и стою, пока не закончился кислород в лёгких. Поднявшись, вытираюсь полотенцем и к Стёпке.

Сгорбленная фигурка сидит на ступеньках.

— Готов? — спрашивает он.

— Да, только за великом зайду.

— Да не, мы всё равно мимо моего дома. А там нас Серый подвезёт, сам вызвался.

— Артём, баранина будет через несколько часов. Обязательно возвращайся, — отзывается мама с кухни.

— Угу, — отвечаю и закрываю дверь. — Стёпка, не хочу в машине, хочу на велике прокатиться, поехали, а?

А сам негодую. Если ещё раз увижу Серёгу, думаю, череп ему раскрою монтировкой.

— Окей, — пожимает плечами Стёпка. — Только всё равно домой надо будет зайти, я свою машину адскую возьму.

Я скрываюсь в сарае, где много дней назад двадцать третий Андрюшка просил разбить ему череп молотком. Хватаю велик и выхожу на свет божий. По дороге думаю подождать Стёпку у лесопосадки, а потом вдруг решаю заехать-таки в дом Герундовых. Мне нужно, обязательно нужно ещё раз увидеть Серого.

***

Как и в прошлый раз светловолосая мразь копается в машине, если быть точным — протирает стекло.

— Я уже готов! Привет, Артём! — Серый машет мне рукой. — Вас всё туда же? Не Заводь?

— Нет, сегодня у тебя выходной, — улыбается Стёпка. — Мы с Тёмкой на великах.

— Решили заняться спортом!? Здоровый образ жизни? — Серёга дарит нам фирменную слащавую улыбку. Спасибо за подарок, дайте вымыться, я испачкался.

Когда Стёпка скрывается за домом в поисках велика, я немедленно подкатываю к Серёге, который усердно протирает дворники.

— Серый, слушай, ты же очень любишь Стёпку? — спрашиваю.

— Уж не так, как ты своего... упарыша... или как там правильно ты его называешь.

— Андрей его зовут, — серьёзно отвечаю, ненавистно глядя на кудряшку Серёги, которой играет едва заметный ветерок.

— Это уже ближе к истине, — кивает Серый, не оборачиваясь. — Надеюсь, ничего не случилось?

— Нет, я вот хотел спросить. А если завтра бандит нацелится на вас пистолетом, и у него будет одна пуля всего. И он спросит: выбирай, старший, кого убивать, ты б кого выбрал? Себя или Стёпку?

— Что это за бандит такой? С одной пулей? — Серёга противно усмехается.

— Ну неважно. Террорист мусульманский. Остальные пули он уже расстрелял. Так ты кого выберешь?

— Тёмка, — Серый оборачивается и его серьёзные голубые, словно плесень, глаза смотрят в мою сторону. — Этому ещё в школе учат. Ты иногда прислушивайся к учителям. Братьев надо любить. И если наступит такая ситуация, отдавать за них жизнь.

— Значит, ты себя бы выбрал? — улыбаюсь и хмурюсь.

— Это без вопросов! — восклицает Серый, теряя ко мне интерес и погружая тряпку в ведро с водой.

— Кажется, этот урок я лучше тебя усвоил, — вздыхаю.

— Не понял... — но я не хотел ничего объяснять Серому, тем более, Стёпка вернулся с великом.

— Поехали отсюда побыстрее, — попросил я и под непонимающий взгляд Сергея, мы покидаем двор.

****

Я мчусь на велике вперёд Стёпки, чтобы ветер выгнал из моей головы мрачные мысли, чтобы вдруг не заплакать, но тёплый радующий когда-то воздух не успокаивает нервы.

Минуты утекают.

Я ничего не могу решить.

Выбор, вроде бы уже сделан, но он продолжает преследовать меня.

Снова Заводь, наше место. Двадцать третье июля проматывается по второму кругу, и знаете, я даже вливаюсь в его преферанс. На некоторые мгновения забываю, что нахожусь в прошлом и так же прыгаю в реку с утёса, подкалываю Стёпку. Вряд ли я повторяю идентичные слова прошлому, ну и ладно.

В какой-то момент страх перед ситуацией, постоянно звучащий едва заметным фоном в сознании, напоминает о себе. Я останавливаюсь и оглядываю берег. А чего я хочу? Что мне нужно сделать? Может, я хочу насладиться этим днём, совершить последний глоток и потом вспоминать его до самой пенсии, если доживу? Пьянящее тёплое солнце, воздух, в котором разлилась речная влага с привкусом молока. А может, мне стоит сделать это двадцать третье июля незабываемым для Стёпки? Почему бы и нет.

Поэтому, когда мы идём с Вероникой за ежевикой, как и планировалось ещё в прошлое двадцать третье, после соприкосновения наших губ, я говорю:

— А ты знаешь, что Стёпка с Ольгой ни разу не целовались?

Честно, я сам не знаю, если не считать одного хвалебного упоминания, что я слышал из уст самого друга. Но девчонки чаще делятся любовными секретиками, нежели мы, мальчишки.

— Да, я знаю, — улыбается Вероника и кивает, она находит где-то ивовую хворостину и

бредёт по зарослям, поглаживая ей траву. На девочке тёмно-синий купальник и кроссовки. Почему-то я запомню Веронику такой навсегда.

— Давай же мы поможем им это сделать?

— Как?! — Вероника смущена и удивлена одновременно. Как же мило она умеет распахивать глазки.

— Ну ты же с Ольгой болтаешь постоянно, — теперь и я чуточку смущаюсь, и думаю, после пройденных приключений, вряд ли что-то способно смутить меня всерьёз. — Ты же знаешь, что они друг другу нравятся.

— А тебе это зачем? — Вероника смущается сильнее и делает вид, что разглядывает папоротник и заросли полыни.

— Ну я ж со Стёпкой болтаю. Вечно болтаем о вас. — Мне теперь нечего стесняться, я сильный духом, и прежние страхи становятся смешными и неловкими. — Я говорю ему, что ты мне нравишься, а он говорит, что ему — Ольга.

— Ну да, — кивает Вероника. — Оля мне то же самое говорит.

— Давай заставим их поцеловаться.

— Как???

И я рассказываю девочке план действий.

В общем, я придумываю игру, когда одна пара должна повторить всё, что делает другая. Некоторое время Веронику приходится уговаривать, потому что она стесняется целоваться при свидетелях, но в конце концов она ломается.

По нашему возвращению игра вступает в права. Стёпка и Оля играют против меня и Вероники. Каждая пара задаёт действия по очереди. Сначала каждое движение кажется нелепым. Стёпка с Олей построили бабочку, мы с Вероникой живо повторили её. Потом я предложил надеть чужую обувь на уши. Вероникины кроссовки чуть было не сорвались, точнее — левая. Наверное, раковина левого уха у меня меньше. Оля со Стёпкой долго пытались повторить, но так и получилось. После, конкурирующая пара хитроумно сплетали пальцы, а мы за ними повторяли. И уже на следующем ходу я закончил изобретать велосипед и поцеловал Веронику. Девочка всё же чуточку смутилась, засмеялась и спрятала лицо в коленях.

Не забуду красный румянец на лице Оли и растерянное выражение лица Стёпки, которое так и кричало: Oh my God! Почти пять минут наши конкуренты кривлялись, шутили, стесняясь прильнуть друг к другу.

Оля вопила:

— Вероника, мы дуры, надо было их в пару поставить, а нам с тобой играть.

Стёпка кряхтит:

— Что ещё за грязные инсинуации, — но при этом улыбается.

А потом они целуются. Очень неумело. Вероника хихикает, а я смотрю и чуть не плачу. Я не просил Тварей меня так мучить. Я не хочу знать, что завтра утром не увижу растрёпанного друга в огромных очках с чёрной оправой на пороге его дома, когда зайду и приглашу погулять.

И тут я вскакиваю и начинаю громко смеяться, а потом прыгать как сумасшедший. Смеюсь очень долго, а мои друзья смотрят на меня как на сумасшедшего. Пусть смотрят, им не понять, что вместо смеха из моего горла доносятся бесслёзные рыдания.

Потом мы ещё много чего делали в игре, и Стёпка много раз целовался с Ольгой, а потом внутренняя тревога нажала во мне кнопку СТОП. Я увидел солнце. Оно не слепил

глаза, не жарило, а медленно пробиралось к горизонту.

Смотрю на телефон — полностью заряженный, — а там почти шесть вечера. У меня остаётся два часа, и сердце подвисает. Я не хочу уходить отсюда. Вот не хочу, а надо. Меня ждёт Андрей.

— Надо домой, — говорю. — Мать сказала, чтобы я к ужину не опаздывал.

Если я всё-таки кардинально изменю своё решение, то, наверное, впервые вернусь домой к ужину вовремя. И впервые за весь день во мне живут сомнения.

Мы медленно движемся по выученной наизусть дорожке. И если Стёпка исчезнет из моей жизни, походам по ней придёт конец. Если только с Андрюшкой изредка, но мне не хочется делить наше место ни с кем другим, кроме Стёпки. Даже с братом.

Велосипеды, словно смиренные лошади, катятся сбоку от нас, мы молчим. Вид у Стёпки вдохновлённый, глаза горят, в зрачках сияет блеск.

— Слушай, я хочу с тобой поговорить, — тихо произношу.

— Не надо, — вдруг отвечает Стёпка и улыбается.

— Но...

— Давай завтра.

Завтра! Завтра уже не будет, дурак ты очкастый!

— А что, сегодня будем молчать? — хмуро спрашиваю.

— Будем молчать... Тёмка! — Стёпка бросает велик, подбегает к краю дороги и падает спиной в заросли клевера. Крылатый взгляд друга устремляется в небо. Стёпка раскидывает руки в стороны, а потом начинает ими елозить по земле, будто делает снежного ангела. — Я самый счастливый человек сегодня. На всей земле!

Кротко улыбаюсь и вдруг посылаю всё нафиг. Телефон отключаю и прячу в карман. Извини, Андрюшка, но моё место рядом с другом. Я не знаю, что будет завтра. Проснусь я в двадцать третьем, как и мой брат или проснусь в двадцать четвёртом вместе с ним, но мне не хочется взваливать на себя бремя выбора. Если суждено Андрюшке быть бифуркатором — пусть будет. Если мы унесёмся с ним дальше по течению времени, а Стёпка останется здесь — пускай. Но я буду знать: несправедливый выбор лежал не на мне.

Стёпка зовёт меня к себе в клевер, но я отказываюсь. Настроение хоть и радостно подвешенное, но как будто паническое. Выждав возвращение друга в этот мир, я продолжаю путь к дому.

— Слушай. Тебе спасибо! Спасибо за игру такую! Признайся, ты её специально придумал? — спрашивает Стёпка.

— Ну конечно, — чуточку смущённо отвечаю. — Я ж знаю, что ты с Ольгой не целовался ни разу.

— Ты просто этот, ангел-искуситель! Вот! — Стёпка смеётся. — А давай на неделе возьмём их и в кино сходим!

Я быстро проглатываю комок горечи в горле и говорю:

— А почему бы и нет. Что там сейчас идёт?

— Там Очень плохая училка выходит, да и Пингвины мистера Поппера можно глянуть с Джимом Керри.

— Керри — это хорошо, — киваю, а вдалеке маячит оградка Стёпкиного дома.

А вдруг завтра мы с Андрюшкой проснёмся в двадцать четвёртом, а Стёпка останется здесь? Этот вариант кажется мне самым вероятным. И больше я его не увижу.

— А может, всё же, поговорим с тобой? — предлагаю.

— Нет, Тёмка, всё завтра. Давай завтра.

— Ну блин... кто знает, что нас ждёт завтра, — хмурюсь, а Стёпка берёт и отвечает этой своей коронной фразой:

— Завтра по-любому будет лучше.

Я даже чуток вздрагиваю, и предоставляю судьбе писать наши жизни.

— Хорошо, — пожимаю плечами. — Завтра так завтра. Завтра по-любому будет лучше.

Останавливаемся на углу дома Герундовых, и Стёпка смотрит на меня. Столь влюблённым я его ещё не видел, и, может, никогда больше не увижу.

— Завтра меня не щади, звони как проснёшься, — говорит Стёпка.

— Будет сделано, Альберт Вескер! — чеканю.

— Что за Альберт? — хмурится друг.

— О, это пафосный ублюдок и гламурный подонок, обязательно заугли.

— Обязательно, — подмигивает Стёпка. — Значит, до завтра.

— До завтра, — киваю и начинаю отступать. — Завтра точно будет лучше. Завтра позвоню...

Я даже не дожидаясь ответа, оборачиваюсь и быстро перехожу пролёт между домами. Не хочу, чтобы Стёпка видел моих слёз, которые потекли по лицу сразу, как я обернулся.

Господи, — взмолился я про себя. — Не дай завтра Стёпке исчезнуть. Пусть он останется со мной. И он, и Андрюшка. Я готов жить вечно в одном и том же дне. Я готов всегда ходить на речку после обеда. Готов целоваться с Вероникой и смотреть, как Стёпка целует Ольгу сотни тысяч раз. Готов каждый повторяющийся вечер возвращаться домой и ждать, пока влюблённый Стёпка не навалится в клевере...

Клевер!

Перед глазами вспыхнул ярко оранжевый трёхлистный клевер на боку ГАЗели компании Сомерсет. Твари предупреждали. Они говорили русским языком.

(...Вселенная рухнет...)

Своей нерешительностью я могу разрушить не только чью-то жизнь, но и жизнь Вероники, отца, матери, планеты, солнца и далёкой звезды Бетельгейзе. Теперь я никогда не поверю, что супергероем быть легко.

Хоть до моего дома идти пару минут — вскакиваю на велосипед и несусь. Вон изгородь, и на ней уже сидит Андрюшка, который не так давно бегал по ней голышом и смеялся над прохожими.

Он уже видит меня и спрыгивает на асфальт. Несётся ко мне навстречу.

— Где ты был? — почти истерическим голосом говорит он. — Ты обещал уже к восьми вернуть меня домой.

— Да-да, — спрыгиваю с велосипеда и отшвыриваю его в сторону. — А сколько сейчас? — достаю телефон из кармана и включаю.

— Семь! — кричит Андрей.

Он почти прав. Пять минут восьмого.

— Дверь в Грозди, — говорю. — До неё минут десять медленным шагом. У нас ещё пятьдесят пять минут в запасе.

— Сорок!

— Почему сорок? — спрашиваю.

— Потому что мы как-то за курицей с мамой заезжали ближе к восьми, а нас не пустили. Дядька на дверях сказал, что уже осталось пятнадцать минут до закрытия и никого

не пускают.

— Успеем! — Я хлопаю братишку по плечу и тащу за собой. Мы рысцой несёмся к супер-маркету.

Назад в свою нормальную жизнь.

Назад в будущее.

— Ты мне сегодня расскажешь, как спасал меня? — спрашивает Андрюшка, но я не здесь, я в мыслях о Стёпке. Последняя улыбка друга не выходит из головы.

— Расскажу, — киваю. — Сначала мы должны будем с тобой придумать общую историю для родителей. Потому что в путешествия по времени они вряд ли поверят.

— Давай думать, — шепчет Андрюшка, приостанавливаясь и переходя на медленный шаг. Мимо проносятся трое мальчишек на велосипедах. Одного я, кажется, знаю.

Стёпка! Он не должен оплошать! Он же умный! Ему надо только дать наводку.

— Подумаем потом, мне нужно сделать звонок, — отвечаю и достаю телефон. Набираю номер друга.

— Да, Тёмка, — весело отзывается трубка. — Можешь перезвонить позже, я тут картошку накладываю.

На заднем плане слышу голоса тёти Марины и Сергея.

— Стёпка, нет, не могу, — отвечаю. — Послушай меня быстренько.

— Очень быстренько, — весело отвечает друг. — Я стою сейчас с половником в одной руке и тарелкой в другой.

— Слушай, если в твоей жизни вдруг случится скоро какая-нибудь суперхрень, запомни одно важное слово, которое может тебе помочь: Сомерсет. Интернет в помощь.

— Что за суперхрень и что ещё за Сомерсет? — голос Стёпки продолжает сквозить усмешкой. Кажется, Серый рассказывает какую-то шутку. Да заткнись же уже, блондин ты недоделанный!

— Ну ты сразу поймёшь, что случилась суперхрень, когда она придёт, — говорю, и вижу, как Андрей впереди перебегает дорогу, а джип дяди Баринава едва успевает затормозить перед ним. — Андрей, не беги! — и сам рвусь на другую сторону.

— Куда вы там бежите? — теперь серьёзно спрашивает Стёпка.

— Неважно. Стёпка! Сколько же мыслей! — отдышка даёт о себе знать, и я едва проговариваю слова. — Послушай, на всякий случай, Сергей, твой брат, он не очень хороший человек. Не всегда доверяй ему. И помни, что это не я тебя выбрал, а он.

— Что значит, выбрал? — хмурится голос Стёпки.

— Неважно, Стёпка, у тебя память хорошая, я знаю, ты всё это запомнишь, и знаешь что... Ты самый-самый-САМЫЙ лучший друг, который у меня был за всю мою жизнь. И променять тебя я бы смог только на кого-нибудь из семьи.

— Быстрее, мы опоздаем! — кричит Андрей, оборачиваясь на секунду, и вновь устремляясь по тротуару.

Стёпка что-то шуршит в трубке, но я отвлекаюсь на брата.

— Не несись ты так, времени ещё вагон!

Едва успеваю крикнуть, как вдруг случается это!

Я часто задаюсь вопросом: если бы Твари-вне-времени видели всё, мешали бы они мне? Вроде логично и в то же время иррационально. Думаю, неприятности дали старт со смерти тёти Марины. Твари сделали из моего брата бифуркатора, а Стёпка начал понемногу догадываться о подобном и чтобы вывести моего друга из строя, почему бы не обрушить на его маму ту злосчастную вывеску турагентства? А потом Твари гоняли троих пилигримов по шизогоническим реальностям, чтобы путники не добрались до цели.

Но ведь подобная теория бредовая, не так ли? Если бы Твари видели всё, они, конечно, обнаружили бы как их агент скрыл Глобус. Ну даже если не просекли бы этот факт, точно увидели бы, как мы достаём артефакт, однако в Питере искусственный интеллект доктор Вечность, искренне удивился, заметив в наших руках Глобус Эфира.

Этим полубожкам времени мы уже не нужны, ведь в их арсенале теперь новый бифуркатор. И всё же, если бы я думал, будто Твари вездесущи, то счёл бы, что именно они выбросили нам на пути мальчишку на самокате. На металлическом самокате!

Какими последствиями грозит бегущий мальчик, сталкивающийся с другим мальчиком на самокате? Ну упадут, расшибут друг другу носы, сдерут кожу на локтях или коленях...

Парнишку звали Ромка, сверстник Андрюшки, учился в параллельном классе и жил на другом конце города. Дорога, по которой он нёсся, шла под откос, поэтому скорость он набрал приличную, и когда наехал на Андрея, колесом ударил по щиколотке, потом, оставив колесо на ступне брата, постарался удержать равновесие, но Андрюшка уже начал падать, сваливая тем самым Ромку. Последний перекувырнулся, размахивая пухлыми ручками, ударился головой об урну, отрикошетил и проехал по асфальту правой половиной лица.

Всё происходит в четверть секунды. Я успеваю лишь раскрыть рот и отстранить трубку от уха. Стёпка что-то шепчет там, за несколько кварталов отсюда. Обрывки вопросов доносятся до ушей: вы где?...

А я всё ещё в ступоре, как и маленькая сестричка Ромки, что ехала на самокате следом. Потом уши прорезают короткие вскрики Андрюшки и громкий рёв Ромки, у которого окровавлено вся правая сторона лица.

И ведь вокруг никого. Через квартал вижу парочку взрослых, что остановились и насторожено смотрят в нашу сторону, но кому нужна горстка мальчишек со своими делами? Сейчас эти взрослые развернутся и пойдут по своим делам. А через квартал, из-за деревьев выглядывал уголок Грозди. Мы почти у цели, и время перевалило за четверть восьмого.

Мне бы решить проблему по-взрослому, но за время путешествия я стал необычным взрослым. Я видел предательство брата и теперь я знаю, как опасно время... поэтому, я хочу сбежать. Мне плевать на окровавленное лицо пухлого Ромки и какие микробы пробрались в его рваные раны на лице. Это не моё время и не моя реальность.

Я хочу домой!

Я хочу вернуть брата...

...который держит ногу и изредка вскрикивает, будто по его телу пропускают заряд.

— Андрюшка! — я бросаюсь к мелкому. — Что? Ты как?

— Нога! — шипит он, зажав зубы.

Я вижу. Нога. Правая щиколотка, кажется, отекла, кожа содрана, рана кровоточит. Почему так? Почему именно нога? Что за мистика? Я готов терпеть даже перелом руки!

— Идти можешь?! — спрашиваю, стараясь перекрыть рёв Ромки.

— Наверное, надо попробовать, — отвечает Андрюшка.

— Вставай.

Я оставляю рыдающего наездника на асфальте и пытаюсь поставить на ноги брата.

— Я всё видела! — внезапно раздаётся голос над ухом.

Я хотел, чтобы нас заметили взрослые, которые бы позаботились о Ромке, но судьба послала эту кудрявую тётку с опухшими щеками в безвкусном зелёном платье, от которой несло потом как от моих недельных носков.

— Спасибо большое! — выпаливаю я, поглядывая в хмурые глаза женщины. — Вы нас выручите. Позаботьтесь об этом мальчике. Мы с братом очень торопимся.

— Нет уж! Нет уж! — восклицает тётка. — Я всё видела. Было столкновение! Кто из вас виноват?

И тут Ромка как назло обретает дар речи:

— Он на меня налетел, когда я ехал по дороге!

19.20.

Диалог прерывает крик брата, который попытался опереться на больную ногу.

— Вот-вот! — снова восклицает тётка. — Я не могу это так оставить. Я позвоню вашим родителям. Пусть приедут и разберутся. Пусть заберут вас с собой.

Капец полный.

— Здесь обычное столкновение, — раздражённо шиплю я, прижимая к себе Андрюшку. — Пусть за ним приезжает мамка, а своего брата я сам доведу.

— Куда ты его доведёшь, несчастный, ты видишь его ногу? Он на неё теперь неделю не наступит.

В этом тётка может оказаться права. Лодыжка брата начала покрываться синевой.

— Если будет надо, я его на руках понесу, — говорю и нисколько не вру. Только я бы понёс Андрюшку не домой, а в Гроздь. Хотя, по факту — да, домой.

— В общем, все остаются на своих местах. — Тётка, видимо, решила поиграть в полицейского. — Дайте мне телефон, я позвоню вашим мамам. Девочка, ты с ними?

19.25.

— Это моя сестра, — лопочет Ромка, вытирая лицо. Его руки облеплены кровью, а она всё сочтётся и сочтётся из рваной щеки.

— Послушайте! — строго говорю. — Помогите этому мальчишке. Его зовут Ромка, если что. А мы с братом уходим. У нас нет времени. — Хватаю Андрюшку под мышки и пытаюсь увести к перекрёстку.

— Это не отговорка! — восклицает женщина. — Может, вы малолетние бандиты какие! Может, вы проникли в наш городок инкогнито! А ну стоять! А то вообще полицию вызову.

Но мы с Андрюшкой уже отступили на пару шагов. И тут Ромка опять заговаривает, но уже в нашу пользу:

— Это пацан из моей школы, — ноет он. — Его зовут Андрей!

Я называю наш адрес.

— Можете проверить, — говорю. — Мы живём именно там и нигде больше.

— Вот сейчас ваши родители приедут, и всё решится, — отвечает тётка, протягивая руку к Ромке. Тот вкладывает в жирную ладонь женщины телефон. — Дай мне свой телефон! — строго обращается тётка ко мне.

19.30.

— Не дам, это мой телефон! — возмущаюсь.

В глазах мегеры будто вспыхивает огонь ада.

— Я вызову полицию, — шипит она.

— Вызывайте! — Я в ответ суживаю глаза. — Хоть полицию, хоть национальную гвардию, хоть ФСБ и ФБР докуче! Мы уходим!

С этими словами поворачиваюсь и делаю пару шагов к перекрёстку. С хромым Андрюшкой наперевес даже один шаг — почти супергеройский подвиг. И неважно, что какой-то битый час назад я хотел остаться здесь, со Стёпкой. Сейчас цель одна — добраться до дома, но...

Тяжёлая рука хватается меня за плечо.

— Да вы наглец, молодой человек! Теперь я обязательно напишу на вас заявление! — восклицает тётка.

Резко вырвавшись, я оборачиваюсь. Андрюшка чуть не падает и шипит от боли. Ромка измазанный кровью уже до пояса с ликованием и голодной жадой наблюдает за конфликтом. Его маленькая сестричка так и ни разу не шевельнулась, будто играла в Море волнуется. Несколько взрослых на противоположной стороне остановились и готовы прийти на помощь, чего мне откровенно не хочется. С соседнего перекрёстка бежит подросток постарше меня и помладше Серёги. На ходу он пытается вытащить телефон из кармана просторной рэперской рубашки. Конечно, Youtube же должен это видеть.

И моё терпение лопается.

— Так, послушайте! — тихо вскрикиваю я. — Кто виноват в этой ситуации пусть доказывает полиция. Адрес я свой назвал, и пусть они присылают мне повестку. А если вы ещё раз тронете меня или моего брата, это уже вам придётся дожидаться повестки, потому что я и моя мама засудят вас до конца дней за вмешательство в нашу личную жизнь. Аревуар!

И оставив изумлённую тётку на тротуаре, хватаю Андрюшку и черепашью шагом веду его на другую сторону дороги.

19.35

Стараюсь идти быстро, чтобы скорее отстать от причитающей тётки, которая наконец-то занялась Ромкой, но Андрюшка часто шипит и закусывает нижнюю губу.

— Только не вскрикивай, — шепчу. — А то она снова за нас примется.

— Я стараюсь, — плаксиво отвечает Андрей.

Белый Форд медленно притормаживает перед нами, ожидая, когда мы пройдем проезжую часть.

— Нам главное — успеть, — шепчу. — Ты можешь на ногу наступать?

— Нет, — говорит брат. — Совсем нет. Она как будто большая. Пульсирует. И ничего не чувствует.

Взрослые нотки в голосе братишки, что сквозили последнее время, улечиваются, и передо мной вновь мой маленький испуганный сосед по койке в детской.

— Прыгай, — прошу я и поддерживаю Андрейку. Поджав больную ногу словно цапля, вылавливающая лягушек, брат скачет рядом. Скорость чуточку увеличивается, но если тётка позади вызвала полицию, то мы не успеем скрыться за поворотом даже до приезда патрульной машиной.

А ведь Гроздь уже вот. На расстоянии вытянутой руки. А на часах почти 19.45, и я решаю: будь что будет. Не тороплю брата, поддерживаю и спускаю на тормозах.

Медленными темпами мы добираемся до угла со штакетником и поворачиваем к супермаркету. Стеклянная дверь вроде так близко и так далеко. Жирную тётку и полицейских я уже не боюсь, пугает время. Идиотское, скотское время.

Чтобы не расстраивать нервы, я предпочитаю вообще не смотреть на экран телефона. Вот стеклянные двери перед нами, за ними последние люди снуют от прилавка к прилавку, покупая продукты питания, и...

Вот уже идёт он. Мужчина в строгом костюмчике. Он приближается к входу с обратной стороны в аккурат с нами, и когда я приоткрываю дверь, придерживая её, чтобы прошёл Андрюшка, суровый голос дядьки с кустистыми бровями произносит:

— Ребята, уже поздно приходите завтра, магазин через пятнадцать минут закрывается.

— Через пятнадцать минут! — Я строю щенячьи глазки. — Да мы успеем, нам только молоко купить. Туда и обратно.

Строгий взгляд мужчины переходит от меня к Андрею, от братишки к его распухшей ноге.

— Хорошо, — вздыхает он. — За молоком и обратно.

— Спасибо! — внутри меня вспыхивает оптимизм. Успеем! Всё равно успеем!

И разворачиваюсь в сторону касс.

— Ты бы друга своего здесь оставил, — ворчит охранник позади. — Ходит он у тебя не очень.

— Нет-нет, — отмахиваюсь. — У нас ещё есть время.

Кому я сказал последнюю фразу? Охраннику? Андрюшке? Себе?

А времени действительно оставалось в запасе. За пятнадцать минут, если таковые у нас остались, мы можем обойти по кругу всю Гроздь. Надо сказать, что наш супермаркет отличается от нынешних супермаркетов, и напоминал скорее рынок. У входа никаких турникетов и сдачи багажа. Перед тобой длинный ряд прилавков с продавцами, позади которых высится неприступная белая стена с дверями для персонала. В одну из таких дверей мы и должны войти.

Вторая и третья кассы прямо перед выходом считай. Сначала сей факт меня радует, и я направляюсь с Андрюшкой в положенном направлении, но когда приближаюсь к конторке и откидываю её, слышу недовольный голос продавщицы слева:

— Эй, мальчики, вы куда.

А в трёх-четырёх метрах от нас уже пульсирует оранжевым заветная дверь.

— Быстрее, — шепчу Андрюшке, но братишка итак пыхтит как паровоз, подпрыгивая словно монстр из старых восьмибитных игрушек. Лоб и щёки бывшего бифуркатора покрыты испариной.

— Эй, пацаны! — ревёт охранник и я слышу тяжёлые шаги ха спиной.

— Приплыли, — цежу сквозь зубы.

Слева и справа шумят продавщицы. Голоса Грозди сливаются в один общий гам. Перед глазами маячит спасительная дверь.

Время! Время! Время!

— Это твой последний коридор, Андрюшка, — рычу я и вырываюсь вперёд, держа брата лишь за правую руку. Андрей вскрикивает, потому что теряет равновесие и встаёт на большую ногу, но мне плевать. Я затащу братишку в родной мир, даже если придётся волочить мелкого по полу.

Протягиваю руку вперёд, до оранжевой поверхности сантиметры, но кончики пальцев не касаются её, ибо некая сила тянет меня назад.

Охранник схватил Андрюшку за левую руку.

— Вы что творите!?! — кричит он. — А ну быстро назад!

— Ну уж нет! — восклицаю я, тяну Андрея на себя и снова протягиваюсь к оранжевой двери. Охранник сильнее меня в сто крат, но во мне вдруг просыпается звериная мощь, и я ничуть не уступаю взрослому дядьке.

Это мой финиш!

Я много вытерпел, чтобы вот так всё бросить.

Я рычу и тянусь к двери.

Продавщица слева застыла и лишь охает, но в потасовку не вмешивается, и слава богу, ведь ей добраться до нас — лишь руку протянуть. А вот продавщица справа, что у дальнего конца прилавка, кажется, решила помочь охраннику и понеслась к нам навстречу. Жирные икры и бицепсы тряслись при её беге. Пару секунд, и она схватит меня.

Андрюшка вопит. Он уже стоит на двух ногах, тело мелкого растягивают две силы.

А до двери всё ещё несколько сантиметров.

Никогда бы не подумал, что ситуацию разрешит Человек-Паук...

Да-да. Резиновая фенечка на запястье левой руки Андрюшки, которое подарил, между прочим, я, ибо досталась она мне на халяву год назад, когда щедрый продавец на углу за крупную покупку наградил меня этой самой резиновой дрянью. А зная, как мелкий прётся по всяким супергероям, я подарил фенечку ему. Значит, я был не совсем плохим братом, ведь именно она соскользнула с запястья Андрюшки в тот день, и охранник свалился на пол, а мы вдвоём ввалились в оранжевую дверь.

Цель достигнута.

Кино кончилось.

*****

Нас окружили сонный полумрак и тишина подсобки. Мы валялись на полу, Андрюшка лежал на мне и тихо плакал.

Я сделал это.

Выбор совершён.

Приподняв голову, прислушиваюсь к звукам снаружи, но там лишь мерный гул покупателей и продавцов, поэтому позволяю себе откинуться и облегчённо вздохнуть.

— Успокойся, — шепчу я всхлипывающему Андрюшке. — Успокойся.

— Мы вернулись? — тихо шепчет он.

— Предполагаю, что да.

— А ты уверен?

В кармане пикает телефон: сигнал садящейся батареи. Но как? Ведь ещё минуту назад заряд был почти полным. Вытаскиваю аппарат и смотрю на экран. Сердце начинает биться чаще. В нижнем углу светится: 18 авг. 19.52.

Даааааа!

— Андрюшка, вставай, — шепчу. — Пора выходить.

С горем пополам поднимаю всхлипывающего братишку и вывожу в проход между второй и третьей кассами. Всё те же продавщицы нас не замечают, а вот охранник на дверях, — ничуть не изменившийся, как будто переместился вместе с нами — удивлённо приподнимает бровь. Когда мы дохрамываем до него, он спрашивает:

— Мальчишки, вы откуда?

Сейчас, думаю, вспомнит, что именно мы почти месяц назад ворвались в его жизнь, но не вспомнил. Как говорили Твари, в каждом новом дне появляются новые персонажи и охранник из двадцать третьего июля с охранником из восемнадцатого августа — разные люди, помнящие только свою историю. Однажды первый охранник доживёт до этого дня и будет стоять здесь, вспоминая двух странных мальчишек: старшего и младшего с опухшей ногой.

— Мы... мы прошли с другого входа, — отвечаю. — Запутались, а потом нашли последний коридор и вот вышли. Мы уже уходим, до свиданья.

Дядька беспрепятственно нас выпускает в вечернюю прохладу восемнадцатого августа.

— Мы вернулись? — тихонько спрашивает Андрей, прислушиваясь.

— Да! Да, братишка! — восклицаю я и вытаскиваю телефон. — Смотри.

Убедившись, что экранчик показывает восемнадцатое августа, Андрей улыбается, а потом сквозь боль в ноге начинает смеяться. У него выходит отрывисто так:

— Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха!

Смеюсь и я, обнимая брата. Снова чувствую его родной запах. Запах мелкого, который вечно подставляет меня родителям; запах опарыша, который постоянно отнимает у тебя последнюю конфету; запах маленького мальчика, который так мало видел в окружающем мире. Я не знаю запах Стёпки, потому что не живу с ним, а обнимать друзей как-то не принято. Я совершил правильный выбор. Если в произошедшем и есть верные решения, то они — мои, а все ошибки — это поступки Серёги, который в шестнадцать лет не научился простым ценностям, которые я познал в тринадцать.

Я хватаю Андрюшку в охапку, доношу его до бордюра и сажаю на него. Прохожие, снующие мимо, иногда удивлённо поглядывают на нас. Проезжавшим автомобилям на нас плевать, как и птицам, устроившихся в кронах деревьев. Мир такой, каков он есть, каким его контролируют Твари-вне-времени.

— Мы сейчас пойдём домой? — взбудоражено спрашивает Андрюшка.

— Да, — киваю. — Но сначала надо придумать историю для родителей.

— А что мы им расскажем? — спрашивает Андрей. — Разве они поверят в правду?

— В правду они не поверят, но есть у меня другая история, — говорю. — Послушай. Тебя похитили страшные дядьки, которые заплыли в наш городок по реке и увидели тебя на Заводи. Они хотели тебя продать в другую страну. Ну мало ли зачем, но хотели. Но мне на мыло написал доброжелатель, который сказал, что тебя хранят в Питере. Письмо, я, конечно, удаляю, но вдруг думаю, что это правда и звоню им по телефону. Они велют приезжать за тобой. А я хватаю Стёпку и Серёжку, и еду.

— Совсем один?

— Со Стёпкой и Серёжкой.

— Ну в смысле, без взрослых же вы, — удивляется брат.

— Да, совсем без взрослых. Мы едем по особому маршруту, через два крупных города, а в Питере нас встречают твои похитители, надевают мешки на голову и везут в своё убежище.

— А зачем мешки на голову? — тихо спрашивает Андрюшка, а на лице совсем детское изумление, жажда услышать продолжение. — Так и правда было?

— Так не было, — отвечаю. — Но просто по всему этому делу обратятся в полицию. Те будут спрашивать адреса, а я нашёл вот отмазку.

— А зачем в полицию обращаться? — не понимает Андрюшка.

— Ну как... Стёпка. Ведь его в конце убили в перестрелке. Нас посадили в подвал, где

было окно в сеточку. Ну я нашёл лазейку и мы сбежали. Нас заметили и принялись стрелять, и в Стёпку... — я закусываю губу и внимательно смотрю на Андрюшку. Вот-вот заплачу.

— А его правда так и убили? — тихо спрашивает брат.

— Я потом расскажу тебе как его правда убили, — отвечаю. — Пока помни, что ты сидел в подвале все эти дни, тебя кормили из миски всякой баландой, а потом затащили туда меня. А я нашёл выход. Понял, что говорить?

— Понял, — интенсивно кивает Андрюшка.

— Главное, я тебя спас. Родителям, думаю, будет плевать, с кем-то там разбираться. Главное, они узнают, что ты жив. В полицию обратится, скорее всего, папа Стёпки.

— А телефон? Твой телефон. Вдруг они решат проверить звонки.

Я вытаскиваю аппарат из кармана и некоторое время оглядываю его.

— Чёрта-с-два, — говорю и швыряю телефон на асфальт. Корпус разлетается вдребезги, а я ещё наподдаю сверху близлежащим камнем. — Пусть проверяют. А теперь... пойдём домой.

— Пойдём! — восклицает братишка. — Скорее. Я хочу домой.

И мы идём. Солнца уже нет, небо сгущает сумерки, а две фигурки медленно ковыляют к дому мимо мрачных коттеджей, которые уже не отбрасывают тени, они все погрузились в неё. На середине пути в окнах зажглись лампы, а мы молча держим путь к нашему кварталу. Сердце щемит, страх дрожит где-то под солнечным сплетением. И молчим. Я хочу побыть с собой наедине, а Андрюшка, видимо, до сих пор не верит в своё возвращение.

Путь пролегает мимо дома Герундовых. Отец семейства сразу замечает нас, вскакивает и бежит.

— Тёмка! Тёмка! — голос у него плаксивый, а когда мужчина приближаются, замечаю его бледность и грусть, будто за несколько дней он превратился в глубокого старика. Он обхватывает калитку и сбивчиво говорит: — Что такое? Что с вами было? Где вы пропадали четыре дня, чёрт возьми? Сергей вернулся утром один, без Стёпки, и молчит. Твои родители сегодня...

Потом мужчина осекается. Видимо, узнаёт в моём спутнике Андрюшку.

— Я спасал брата, — говорю. На этих словах Андрюшка, которого я веду, обхватив за спину, обнимает меня и затравлено глядит на главу семейства Герундовых. — А где пропал Сергей, думаю, он вам сам всё со временем расскажет. А теперь, извините, можно отложить переговоры до завтра? Я очень хочу снова увидеть родителей!

— Но где Стёпка? — спрашивает мужчина.

Его больше нет, — хочу сказать я, но вижу перед собой растрёпанного старика с глазами полными надежды, и слова тугим комом застревают в горле.

— Я... думаю, что Сергей знает. Спросите у него, — говорю и старательно удаляюсь от калитки Герундовых. Братишка хромает справа.

— А знаешь, — вдруг говорит он. — Нога уже не так сильно болит. Даже наступать немножко могу.

— Богатырь, — усмехаюсь.

Андрюшка открыто улыбается и бросает вперёд жадный взгляд. Через дорогу теплится огонёк окон нашего дома.

— Тёмка, а я... больше не пропаду вот так в одном дне? — спрашивает Андрюшка.

— Больше никогда. Ни разу в жизни, — отвечаю, и мне кажется, что не вру. Вряд ли Твари захотят вновь сделать бифуркатором одного и того же мальчика.

— Пошли быстрее, — требует Андрюшка.

Мы пересекаем дорогу — скорость брата заметно увеличивается — и входим в прохладный сад нашего двора. Пара десятков шагов до крыльца, две ступеньки, и вот мой кулак висит над дверью. Надо стучать, но всё равно страшно.

За меня стучит Андрей.

В глубине гостиной что-то гроыхает, тяжёлые шаги бегут к двери и на пороге прорисовывается силуэт отца.

— Тёмка! — восклицает он, глядя прямо на меня, а потом переводит взгляд на Андрюшку и застывает. — Андрей.

— Привет, пап, — улыбается братишка.

— Я пообещал, что всегда буду защищать его, — говорю. — И я всё-таки спас его.

За спиной отца появляется тоже постаревшая растрёпанная мать, только что спустившаяся с первого этажа. Андрюшку, кажется, она ещё не видит, зато видит меня.

— Тёмка! Тёмочка! — причитает она, пересекая прихожую неслышно, словно эльф.

— Иди сюда! Дорогая, иди сюда! Ты посмотри, кого он привёл! — Отец отходит в сторону, и мать будто натывается на невидимую преграду.

— Андрюша. Андрюшенька, — охает она, и откидывается на столешницу. — Петя, мне плохо. Я сейчас упаду.

Отец кидается к матери и хватает её за плечи.

— Сердечных накапать?

— Капель пятнадцать, — просит мама, и губы у неё и правда какие-то синевато-бледные. Тем временем, мы с Андрюшкой входим, и я тихо закрываю дверь.

— Мама! Папа! — восклицает мелкий. — Ну чего вы такие грустные все! Я же вернулся! — потом он открыто улыбается и раскрывает объятия, совсем как Николай Басков после очередного эпичного концерта. Мне самому хочется обнять брата и потрепать по холке.

Мама хватается протянутый отцом стакан и залпом выпивает капли. Не дожидаясь пустой посуды, папа бросается к нам и обнимает Андрюшку. Тот смеётся, но пару раз вскрикивает от боли, потому что косяк задевает его больную лодыжку.

— Боже мой! Боже мой! Мои дорогие! Мои родные! — Мать кидается обнимать отца с Андрюшкой.

Ну вот, начались обнимашки и целовашки, а я, улыбаясь, неслышно проскальзываю мимо родителей в гостиную. Там хватаю конфетку со стола, разворачиваю её уже у окна, глядя в темноту. Передо мной на стекле мысленно вырисовывается силуэт Стёпки.

— Я всегда с тобой, — шепчу. — Пожалуйста, найди выход. Выберись из этой ситуации. Ты можешь! Пожалуйста.

*****

В гостиной тишина, недопитый чай в кружках давно остыл, конфет съедено не много. На одном кресле сижу я, на другом — Андрюшка с задранной штаниной на правой ноге. Мать обработала опухоль какой-то мазью. Обнимашки и целовашки закончились. После них позвонил отец Стёпки, попросил всё ему объяснить, но рассказывать тогда было нечего. Потом заварили чай и вот...

Родители держаться за руки на диване и смотрят на нас разными взглядами: отец хмурится, мать изумлена. Пока я рассказывал выдуманную историю, отец Стёпки позвонил ещё раз два, а последний звонок вообще вывел моего папу из себя, и он ответил резко.

— Собственно, вот короткая история о случившемся, — пожимаю плечами и отхлёбываю холодный чай.

— Ты безбашенный, — говорит отец. — Кто хоть тебе написал? Ты помнишь номер? За этих тварей можно зацепиться?

— Ничего нет, — пожимаю плечами. — Телефон у меня отобрали, а письмо я удалил. Адреса в Питере не знаю. Они везли нас с мешками на головах.

Отец вздыхает и потирает лицо руками.

— Боже. Что мы теперь скажем Николаю? Он Маринку потерял две недели назад, а тут ещё и сын. Ты уверен, что Стёпку убили насмерть?

Поджимаю губы.

— Да, — киваю. — Попали в голову потому что.

— А как обратно возвращались? — спрашивает отец.

Вот тут у меня слабинка. Обратной дороги по сути не было. Твари переместили меня мгновенно, но я придумал, что в тот же день уехали прямым до Саратова. Существует ли такой рейс, и прокатит ли отговорка с полицией?

— Надо было сказать нам, — говорит мать. — Ты подверг опасности себя и друзей. Видишь, во что это вытекло!

— Вы бы не поверили, — отвечаю. — И тут я не виноват. Они стреляли нам в спины. Могли попасть в кого угодно... Это мог быть не Стёпка, а я или Андрей. Я не хотел брать Серёгу и Стёпку, но они сами напросились. Тем более, билеты было купить проще Серёге. В общем, пусть Стёпка и погиб, но мы сами решили пуститься в это путешествие. Мы знали, что можем погибнуть в любое время.

— Да, но как я Николаю это скажу? — вздыхает отец. — Ты представляешь, сколько проклятий он пошлёт нам в спину?

— Для меня было главное — спасти Андрюшку! — отвечаю.

— Петя, — вдруг вставляет мать. — Твой старший сын спас жизнь младшему. Он вернул счастье в семью, неужели ты не сможешь отплатить ему тем же? Поговори с Николаем. Не отправишь же ты Тёмку на это дело. Мальчик и так пережил много. Я с тобой потом ещё серьёзно поговорю.

— Да не надо со мной говорить, — вздыхает отец и смотрит в сторону. Ночник освещает лишь половину его лица, кажется, и оно постарело. — Я всё сделаю. И нужно делать прямо сейчас.

— Да. Стёпа был хорошим мальчиком, но тебе было бы печальнее, если бы пуля попала в спину Тёмке, а не в спину Стёпы.

— Да тут и несоизмеримо, конечно, просто нужно было бы сразу сказать нам! — тихо восклицает отец, пожимая плечами, но в мою сторону не смотрит.

Воцаряется тишина, и я поджимаю губы. Даже отец, даже мать сейчас косвенно присутствовали при моём выборе и одобряли моё решение. А мне грустно. Чувствую себя подлым, и никакие доводы не уничтожат мои ощущения ещё очень долго.

— Ладно, поднимайтесь наверх, примите душ пока, а я поговорю сейчас с Николаем, — вздыхает отец.

Нас не надо долго упрашивать. Я возвращаюсь в родную детскую. Вроде был в ней

несколько часов назад, но та будто чужая, а эта — своя, настоящая детская восемнадцатого августа, которая принадлежит только мне и брату.

Андрей тут же скрывается в душе, и пока он моется, я быстро включаю компьютер и пишу письмо на ящик Серого, где коротко излагаю выдуманную историю нашего путешествия. Прочтёт ли? Решаю отправить ему СМС, но вспоминаю, что телефон разбил, а номера не помню. Ну и чёрт с ним.

Андрюшка выбирается из душа, и я занимаю ванную комнату. Первые секунды вода кажется чем-то чуждым. За прошедшие дни в привычку вошли иные инстинкты: скрываться, убежать, испытывать боль. Кстати, о боли.

Трогаю рану на затылке, ощущаю её под пальцами, но болит только при нажатии. Вспоминаются парни а-ля Арнольд, Шаман, Буратино.

Всё это в прошлом. Всё в прошлом! Я вернулся, в настоящее время!

Пока я вновь привыкал к душе, мать атаковала Андрея и любила его в своей комнате обильными обнимашками, снова намазала его ногу мазью. Выйдя из душа, я остаиваюсь в тёмной детской и прислушиваюсь к голосам внизу. Тишина, но кто-то поднимается.

На пороге появляется отец. Оставив дверь открытой, чтобы частица света проникала внутрь, он приближается ко мне. Лицо скрывает плотная тьма, и я не вижу глаз.

— Николай, конечно, в шоке, — тихо произносит он. — Идёт сюда сейчас. Кажется, будет жёсткая ночь. Но мне всё-таки хочется, чтобы ты сказал правду. Хотя бы мне.

— Какую? — хмурюсь.

— Хотя бы ту, которая объяснит, почему Андрей провёл в подвале полмесяца, а его одежда как новенькая.

Сердце обливается холодком. Я закидываю мокрое полотенце на плечо и пожимаю плечами.

— Я вёл себя достойно, — говорю. — Я хотел спасти Андрюшку, и я спас его. За Стёпкой не уследил, но Андрюшку спас! Как я это сделал... тебе лучше не знать правды до конца. Со мной произошло почти то, что я рассказал, ну может мелкие нюансы не совпадают.

Отец недолго помолчал, пока тишину не прервал звонок в дверь. Тогда папа вдруг обнимает меня и говорит:

— Я люблю тебя, Тёмка. И я так горжусь тобой.

И я обнимаю в ответ.

Отец уходит, а я забираюсь под одеяло. Связываться ни с кем неохота. Я просто смотрю в темноту комнаты, и перед глазами проносятся кадры недавнего путешествия, которое забудется ещё нескоро, а где-то внизу дядя Коля плачет и причитает. Мимо комнаты проносятся шаги мамы, спускаются по лестнице. Через минуту робко открывается дверь и заглядывает Андрюшка. Внезапно в пижаме, которую никогда почти не носил, если мама не замечала. А ведь крадётся почти неслышно, подлец.

— Ты спишь? — спрашивает.

— Нет, — отвечаю. — Мне не до сна.

— А можно я к тебе?

— Забирайся, — откидываю одеяло, и братишка заползает под него, как всегда, когда боялся грозы. Теперь мы лежим, и в темноте я слышу его дыхание.

— Сейчас полицию, наверное, вызовут, — тихо говорит Андрей.

— Или нас, — отвечаю.

Но нас никто не вызывает.

— А как всё было на самом деле? — вдруг спрашивает Андрей. — Почему я застрял в одном дне? Как тебе удалось меня спасти?

Я некоторое время молчу, а потом начинаю говорить. Этот рассказ в три раза длиннее, чем история, которую я выдумал, потому что я рассказываю всё, о Шамане, о Буратино, о шизогонической реальности с оппозиционерами и другой тётей Мариной, о московском таксисте, о московском музее, о Глобусе Эфира, о мёртвом Питере... не рассказываю только об офисе Тварей-вне-времени.

Помните, в Питере Буратино поднимал пистолет, что бы прикончить Стёпку? В моём варианте он успевал. Я не хочу, чтобы Андрюшка знал правду о нашем выборе. Не потому, что желаю выгородить подлого Серёгу. Просто совсем не хочется, чтобы всю оставшуюся жизнь Андрюшка думал, что обязан своему существованию смерти моего лучшего друга.

На моменте, когда Буратино-Эдуард стреляет в Стёпку, я замолкаю. Перед глазами ведь рисуются совсем другие кадры: спящий Стёпка на кресле у Тварей. А внизу дядя Коля слишком громко плачет:

— Это мой сын! Петя, понимаешь, это мой сын!

— Ты плачешь? — шепчет Андрей над ухом, прижавшись ко мне.

— Угу, — отвечаю, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Братишка молчит и ждёт. Всклипнув, я говорю:

— А потом мы с Серёгой дошли до Тварей-вне-времени.

В двух словах описываю, как они выглядят, и заканчиваю повествование хэппи эндом. За Глобус Эфира они разрешили вернуть Андрюшку. Дали мне ещё шанс до восьми вечера. И вот мы в настоящем. Точка.

Некоторое время Андрюшка молчит, а потом выдаёт:

— Мне кажется, завтра мы всё-таки проснёмся в девятнадцатом. А я получается, был бифуркатором и отслаивал реальности?

— Типа того, — киваю.

— Тёмка. Спасибо. Ты самый лучший брат в этом мире.

Усмехаюсь. В другой раз я бы с отвращением посмеялся и вручил бы Андрюшке подзатыльник, но сейчас лишь отвечаю:

— Ты тоже, но всё равно опарыш ещё тот. Угроздило ж тебя попасть в такую ловушку.

— Ну и ладно, — зевает Андрей. — Главное, ты меня спас.

И мелкий засыпает.

Может, через пару минут сюда ворвётся отец Стёпки, но пока мы с Андрюшкой в своём маленьком мире, в своей детской. И мой братишка совсем рядом, засыпает прижавшись ко мне.

Эта история определённо закончена.

Пора спать и мне.

И ещё...

Стёпка, прости меня.

Завтра никогда не наступает; длится вечное сегодня. Не будущее замкнется смертью, а длящееся настоящее. Не завтра будет смерть, а когда-нибудь сегодня.

Ландау Григорий

Я не уничтожаю мир. Я спасаю его.

Альберт Вескер

*

Тем, кто любит хэппи энды, можно дальше не читать. В любом случае, голливудские сценаристы, возжелавшие снять по моему очерку фильм, поставили бы точку в предыдущей главе.

Какой же хэппи энд, скажете вы, потерю лучшего друга сложно назвать счастливым концом, но, поверьте, последующие события не добавят в мою историю оптимизма.

Почему я решил добавить ещё одну главу? Наверное, чтобы разрушить ощущение того самого приторного голливудского конца. Помните шаблонную вереницу фильмов, где взрослый дядька, будь то папа, брат, полицейский, спасает взятого в плен мальчика или девочку. Обычно все картины заканчиваются спасением. Жертва на руках у главного героя, все счастливы, а злодей повержен. В фильме ведь не показывают, как у мальчика после подобной травмы сносит крышу, и он, допустим, начинает убивать. Или представьте, что герой, обычный парень из нашего мира, попадает в мир рыцарей, сражается, кого-то там спасает, а потом концовка: в ореоле славы он возвращается домой. Никого же не интересует, как через месяц этого парня ударяет сердечный приступ. Зритель об этом не думает отчасти потому, что перед ними выдуманная персонаж, чья жизнь заканчивается вместе с титрами фильма. А отчасти потому, что никто не хочет верить в плохое. Людям нужны хэппи энды.

Но в жизни хэппи эндов не бывает, в конце концов, любая жизнь заканчивается смертью, поэтому я предлагаю провести со мной ещё год.

**

Полиция преследовала нас до самой школы. Как я и утверждал, отец Стёпки обратился к дядькам в синем, и поначалу патрульные посещали наш дом чуть ли не два раза на дню. Я пересказывал выдуманную историю спасения Андрюшки так часто, что выучил её наизусть, но полицейским этого было мало. Они хотели узнать каждую мелочь, задавали соответствующие вопросы. В общем, я увиливал, как мог, боясь спалиться на самом незначительном. К тому же, я не знал, что в ответ говорил Серёга. Мы с ним не виделись долго, а на письмо громила не ответил. Предполагаю, он его прочитал, но не счёл нужным черкнуть пару строк. Боюсь представить кавардак, царящий в его душе. А возможно, письмо

просто не прочитано, есть же такой вариант? Поэтому, отвечая на вопросы полицейских, я будто играл со старой гранатой: вроде и чека отсырела, но и рвануть может.

Какое-то время, отец Стёпки хотел свалить на меня убийство моего друга. Ну, дескать, я косвенно виноват в смерти Стёпки. Меня с отцом вызвали в участок, я вновь дал показания, только теперь документ гордо назывался: объяснительная. На этом судебный процесс закончился, не успев начаться. Понятное дело, Герундов-старший с нами не разговаривал и даже не здоровался.

Что же Андрюшка?

О нём я и хотел бы рассказать.

Он изменился, очень сильно изменился. Полагаю, я знал почему.

Вспоминаю объяснения Тварей о бифуркаторах. Если в каждом новом дне появляются новые мы, пришедшие из вчера, в бифуркаторе все копии собираются воедино, повышается типа концентрация разума. Сначала бифуркатор сходит с ума, а потом вообще растворяется в энергии. Последнее мне плохо представлялось тем сентябрём, но, если верить Тварям, — а у меня есть все основания доверять им в этом вопросе — срок годности бифуркатора приблизительно полгода.

Я прожил в двадцать третьем июля два раза, скорее всего, я соединил себя ещё с одной личностью. Не знаю, что потом с ней случилось, после моего перемещения в восемнадцатое августа, но, думаю, из той реальности двадцать третьего я стёрся. Как и Андрюшка, наверное. Теперь за мной, разницей примерно в месяц, наступая на пятки, живёт семья Бреус, потерявшая сразу двоих детей: меня и Андрюшку. Иногда я думал: это же мои родители. Пусть и из вчерашнего дня, но живущие по одному и тому же сценарию. Как же им грустно без детей. Мать, может, сошла с ума, отец поседел раньше времени и уже побывал в больнице с сердечным приступом. Но ещё больше шизогонических родителей сейчас живут без Андрюшки. А через какое-то время из их реальностей стёрся и Стёпка. В общем, относительно моей реальности, тянется хвост хаоса размером в месяц. Возможно, я поступил эгоистично, позаботившись только о себе, но пройдя ещё раз всю историю, я повторил бы свои действия один в один. Разве что... взял бы с собой одного Серёгу, а Стёпку оставил дома. Тогда я бы сделал однозначный выбор. Иногда от подобных мыслей у меня голова разрывается по ночам.

Андрюшка же прожил в двадцать третьем июле почти два месяца. Его образ отсутствовал в двадцати шести днях после моей реальности и в двадцати трёх — до. Все эти сорок девять Андреев концентрировались в мальчишке, живущем со мной. Думаю, подобное наложение не прошло бесследно.

Сначала за братишкой ничего странного не замечалось, серьёзнее только стал. Родители списали такое поведение на шок. Я знал, что Андрюшка провёл целый месяц не в каком-то захудалом подвале Питера, но согласился с родителями. Походило на шок.

Замкнутый Андрюшка уже не шкодил по углам, не сваливал на меня каждое злодеяние в доме, однако всё так же смотрел по вечерам с мамой телевизор, особенно, когда мы с отцом вернулись к Блудливой Калифорнии. О прошлом мальчика никто не спрашивал, стремились реабилитировать Андрюшку в обществе. Я подключался к голосу большинства, но настоящие события знали только мы, два брата.

В сентябре в нашу жизнь вернулась школа, и Андрей вроде бы стал нормальным. К нему наконец вернулась улыбка. Школа отняла время, которое я мог провести с Андреем, братишка снова чуточку отдалился, я занялся собой.

Однако последние две недели августа проведённые вместе, лишь убедили меня: я по-настоящему люблю брата. И теперь есть время сказать ему об этом. Теперь я готовил завтрак на двоих. Теперь я не прогонял Андрюшку с компа пинком ноги, а давал десять минут. Кажется, он тоже посмотрел на меня под другим углом. Кем я был до этого? Назойливым старшим братом, с которым приходилось делить комнату, а теперь я — великий спаситель его души, которая чуть не загинула в рамках одного дня.

И всё же, что-то в его поведении было не так. Может, я накручивал себя? Может, и в моём поведении что-то изменилось. Человек, прошедший на волосок от смерти не может не измениться, но я тогда не был склонен к самоанализу.

В сентябре я впервые увидел Серёгу. В школе. Поначалу наши пути не пересекались, а если его взгляд, брошенный из другого конца рекреации, улавливал меня, то Серый немедленно отводил глаза. Возможно, мне показалось, но парень тоже изменился. Казалось, будто Сержу не шестнадцать, а уже под тридцать. Всякий раз Серёга смеялся с друзьями, но глаза при этом сверкали печалью.

В конце сентября, когда река потемнела, природа заплакала, земля превратилась в грязь, а люди оделись в куртки, нам удалось столкнуться с Серым недалеко от маленького бокового крыльца школы, где старшеклассники тайком пробовали курить, понимая, что за подобную выходку их могут выгнать.

Я сидел на скамейке и ждал Веронику, а Серёга выпрыгнул откуда-то из кустов, и мы встретились взглядами. Очень неловкий момент. Мне хотелось провалиться сквозь землю, но я выдержал, и первым заговорил. Признаюсь, швырнуть Глобус Буратино с пистолетом было куда легче, чем набраться смелости для разговора с Серым.

— Как жизнь? — спросил я. Глупо, но этот разговор мне казался необходимым. Должен же я наконец узнать, что Серый сказал отцу.

Лицо Сергея немедля осветила надменность, левый уголок рта дёрнулся в скептической ухмылке.

— Как сам полагаешь?

— Ну... мне без брата было плохо, — вздохнул я и поёжился, отводя взгляд от колючих глаз Серого.

— Ну значит, ты понимаешь, как нам хреново. Отец не разрешает подходить даже к тебе.

— Ты ему хоть что сказал? — спросил я.

— Я успел прочитать твоё послание, убогий, — усмехается Серый. — Жалко, что я был тогда не в себе и первым не придумал историю наших походов. Поверь, она выглядела бы иначе.

— Ну сочинил бы свою, — с лёгкой обидой шурюсь я и кошусь в сторону парня.

— Чтобы полиция имела меня, а потом тебя? Я, конечно, не слишком умный, но не полный идиот.

— Да, мы чуточку виноваты в том, что случилось со Стёпкой... — я не успел досказать.

— Мы? Нет, не будем переводить стрелки! В его смерти виноват только ты! — перебил Серёга.

Я гневно сжал зубы, но постарался успокоиться.

— Серый, если правда, моей вины тут совсем нет почти. Выбор делал ты.

— Ты мог бы оставить своего мелкого там, в том дне, а ты выбрал моего брата!

— Это ты выбрал своего брата! — восклицаю я.

Серый огляделся по сторонам и сделал небольшой шаг ко мне.

— В апартаментах тех белых тварей я был скован, но если я сейчас выбью тебе зубы, то меня никто не остановит. Более того, Тёмка, я настолько зол на тебя, что лучше бы меня остановили, иначе я буду бить твоё лицо до тех пор, пока от него не останется кровавое месиво. Пока ты не умрёшь.

Мне стало чуточку страшно.

— Ладно, — вздохнул я. — Похоже разговор у нас не получится.

Я встал.

— Зато теперь я ещё сильнее хочу убить тебя, — говорит Серый.

— Слушай. Стёпка, ты ж его знаешь, он очень умный. Может, он вернётся. Может, он найдёт способ выйти из одного дня. Ты б не придумал, я бы не придумал. А он придумает, вот увидишь!

Внезапно, Сергей задумался.

— Как вы сумели кинуться спасти твоего брата?

— В смысле?

— Ну куда вы писали? Как Стёпка догадался?

Я вдруг замер, понимая замысел Серого.

— Вообще, мы написали на сайт компании Сомерсет. А потом они сами связались с нами. Ну как-то так. Ты хочешь попробовать спасти Стёпку?

— А почему бы и нет! — Сергей пожал плечами. — Если ты рискнул, почему бы и мне!

— Ну... — я задумался. — А с чего начать? Если ты снова напишешь Сомерсету, не уверен, что они ответят. Тогда они восхитились нашим умом — Стёпкиным умом, — поэтому связались. А сейчас... я даже не знаю что делать.

— Так поедem в Питер! — воскликнул Серёга. — Давай ещё раз найдём этих тварей!

— Не уверен, что мы сможем их найти в этом Питере. Нам нужна другая реальность. А туда нас уже никто не пустит. Нас снова закрыли в нашем мире. Мы снова играем по их правилам. И мы не сможем взять и так вот просто открыть дверь в параллельную вселенную, потому что мы — простые букашки. А они — боги. Их алгоритмы нерушимы.

Серый задумчиво постоял. Над ним пронзительно какркнула ворона и сорвалась с пожелтевшей берёзы.

— Я покумекаю, — сказал он. — И если что-то придумаю, ты обязан поехать со мной.

— Конечно! — воскликнул я. — Если появится шанс спасти Стёпку, то я всегда за!

Но дни шли, а шанса не появлялось. Вечером я обнаружил, что сайт Сомерсета закрыт, а значит, нас отрезали от их реальности. Сейчас Твари занимаются своими вселенскими делами, и как нас звать забыли уж поди.

Через неделю мой отец чуть не подрался на автостоянке с отцом Сергея. Тот наехал первым, назвав меня убийцей. А ещё через полторы недели Герундовы уехали. Совсем. В другой город. В их дом вселилась молодая пара с трёхлетней дочкой.

Серёгу я больше не видел. Слышал лишь, что переехали они в Воронеж.

***

Я вроде бы вернулся в реальность. Возобновил с Вероникой отношения, Андрюшка теперь казался нормальным. Как складывались его дела в школе — уж не знаю, но директор

и учителя были предупреждены о нашей летней экспедиции. Ученики знали меньше, но всё равно шептались о нас за спиной. Самые отважные спрашивали в лоб; кто-то чуть взволновано, кто-то называл меня убийцей. Несерьёзно, конечно, а так, чтобы поиздеваться, но подобное раздавалось в мой адрес редко. Вероника принадлежала к числу ребят, которые не хотели вмешиваться в чужие дела. Поэтому она почти ничего не спрашивала о наших приключениях и Стёпке. За что я премного ей благодарен.

Зато я часто думал о своём пропавшем друге. Точнее сказать, не хотел думать, но сознание время от времени рисовало облик Стёпки. Размышления о друге спрятались в разуме запретной зоной. Она как бы есть, и вот всегда её ощущаешь, как ощущаешь языком шелуху от кукурузы в зубе, но вытащить не можешь. Так и мысли о Стёпке. Вот они, где-то рядом, но притронуться к ним боюсь.

Как я понял, Серёга полностью убедил себя, что в исчезновении Стёпки виноват только я, а он тут не причём, но мне показалось, будто во взгляде парня читалось яркое желание поверить в свою собственную теорию. В пропаже Стёпки виноват только один человек — он. Впрочем, если бы усыпили Серёгу, а не Стёпку, и последний тоже выбрал бы Серого, то тогда Стёпка был бы виноват в исчезновении старшего.

Чёрт, от всего этого голова пухнет.

Поэтому о Стёпке Герундове я старался не думать.

Так я прожил всю осень, а к зиме летняя история начала забываться, казаться далёким сном, который приснился тебе в детстве, ты вроде бы и забыть его не можешь, и одновременно он кажется размытым пятном, общим сюжетом без ярких деталей.

Снег в этом году выпал опять поздно, но успел к новому году. Когда я первый раз в играл в снежки с Вероникой и Андрюшкой, мы являлись почти теми же Тёмкой и Андреем, как и весной. Весёлыми и беззаботными.

Наступил новый год. Яркие детали вернулись ночью тридцать первого и вновь украсили летние воспоминания как мишура ёлку. Мы с родителями встретили новый год в гостинной. По телевизору, где каждый вторник красавчик Духовны кадрил девушек, выслушали речь президента, отец вскрыл шампанское. Позволил глотнуть мне, а потом под Голубой Огонёк мы играли в карточные игры. Уже почти в два часа ночи, когда я с братом уединился в комнате, Андрюшка спросил:

— Тёмка, а кто такой Альберт Вескер?

По спине пробежали мурашки. Почти весь праздник Андрей провёл с серьёзным выражением лица, а если и смеялся, то только губами. Мне нечего бояться, потому что я в одно время много играл в Обитель Зла, и братишка мог услышать от меня имя главного злодея, особенно если учесть, что я сильно восхищался этим персонажем.

— Это главный злодей Обители Зла, — ответил я. — Игра такая была, помнишь?

Андрюшка хмуро смотрел на морозные узоры на окне, а потом спросил это:

— Он тот самый пафосный ублюдок и гламурный подонок?

Мне поплохело.

— Ну типа да, — киваю. — А с чего ты вдруг его вспомнил?

— Не знаю, — пожал плечами Андрей.

Почти всю ночь я не спал, в отличие от братишки. За окном кричал весёлый народ, взрывали салюты, а я смотрел во тьму и не мог выбросить из головы образ Стёпки. Когда дрёма мало-мальски одолела меня, я часто просыпался, ибо видел во сне кричащего друга. То он заперт в подвале, то его забрали в Хостел, то он вдруг попадал в пазы раздвижного

моста, а мне нужно было нажать рычаг, чтобы его раздавить, или, в противном случае, погибнет целый поезд народа.

Зимние каникулы прошли весело, беззаботно. Часто я даже искренне радовался, но Андрюшка менялся с каждым днём. Он замкнулся в себе, и я ничего не мог сделать, хотя и не пытался даже.

Вернулась школа, третья четверть, жизнь старалась встать в колею, как заблудившийся поезд, но мне казалось, будто нас в доме живёт не четверо, а пятеро. Пятый — это такой невидимка, чей характер пока не был известен. То ли ангел, то ли демон, как в Паранормальном Явлении. Он явился из прошлого и всячески мешал спокойно жить.

В начале февраля мне исполнилось четырнадцать. Я менялся: рос, покрывался волосами, которые росли теперь не только на голове, даже голос мутировал, хоть я и не замечал. Пожалуй, самым ярким отличительным признаком для меня стал рост. Мне уже приходилось нагибаться, если нужно войти в подвал, я обогнал маму и поравнялся с отцом. Если летом Вероника обходила меня на пару сантиметров, то теперь я переплюнул её примерно на полголовы.

А ближе к концу февраля умер Серёга.

Мы получили письмо от дяди Коли. Отец прочёл электронную почту, помню, в тот день вошёл ко мне мрачнее тучи и рассказал первому. Письмо оказалось небольшим, и если вычеркнуть те предложения, в которых Тёмка-убийца обвинялся во всех смертных грехах, то останется короткое послание достойное телеграммы: МОЙ СЫН СЕРГЕЙ РАЗБИЛСЯ Н МАШИНЕ тчк ОН БЫЛ ПЬЯН тчк БЛАГОДАРЯ ВАШЕМУ ДЕБИЛЬНОМУ СЫНУ АБОНЕНТ БОЛЬШЕ НЕ ПРИНИМАЕТ ЗВОНКОВ ИЗ ПРОШЛОГО тчк.

Потом отец рассказал всё матери, а Андрюшке почти ничего не говорили. Несколько бессонных ночей подряд я думал о произошедшем. Сергей — спортсмен, которому было всего семнадцать лет. Но уже вдруг начал пить, как взрослый, и не справился с управлением. Может, въехал в другую машину, а может влетел в столб. Разум предлагал всё более и более изошрённые варианты. И чем больше я думал, тем паскуднее становилось. Наверное, дяде Коле теперь живётся совсем плохо: жена умерла, двое сыновей очень скоро тоже.

Жизнь снова омрачилась.

В школе я стал рассеянным, отдалился от Вероники, ушёл в себя не хуже Андрюшки. И думал только о Сером. Я сумел понять лишь, что если бы Серёга выбрал бифуркатором не Стёпку, а себя, то прожил бы немного дольше.

****

В начале марта прозвенел первый тревожный звончек. Андрюшка избил одноклассника. Когда его отвели к директору, а потом к школьному психологу, тот ответил, что Лёха мешал мне слушать голоса в моей голове.

Эта фраза напугала нас очень сильно. Отец потом весь вечер допрашивал мелкого об этих голосах, а я молил, чтобы Андрюшку отпустили наверх, где он точно всё рассказал бы мне.

После летнего инцидента я, похоже, стал самым близким ему человеком. Но, кажется, я переоценил себя. Андрюшка толком и мне ничего не рассказал. Но услышанного вполне хватило, чтобы схватиться за голову.

— Понимаешь, — говорил брат. — Вот иногда я хочу что-то сделать. Что-то обычное самое. Например, съесть венскую вафлю. А мне внутри как будто что-то говорит: не ешь её. Последние несколько месяцев я так долго задумываюсь над простыми вещами. И не знаю, что выбрать.

Вот таков вот ответ.

Спокойная жизнь кончилась. Я ломал голову, пытался объяснить подобный феномен, но не мог. Вернулось гадское состояние, как тогда двадцать третьего июля. Есть проблема. Ты видишь проблему. Но не хочешь её решать.

Я старался объяснить брату, чтобы он посылал все голоса в тёмное место и не слушал их. Оставшись без внимания, голоса уйдут. Андрюшка хмурил брови, кивал, но ничего не говорил.

Со временем я начал замечать за братом странное поведение. Иногда мелкий стоял посреди комнаты и будто смотрел в никуда, иногда минутами смотрел на еду в тарелке, прежде чем съесть. Думаю, он слушал те самые голоса, но я не вмешивался. Хоть сердце и щемила тревога, решать проблему я боялся.

Родители тоже замечали изменение в поведении, и в отличие от меня вели себя активно: отправили Андрюшку к детскому психиатру. Тот вынес вердикт, диагноз братишки: лёгкое диссоциативное расстройство личности. Произшедшие летом события родили в мелком несколько личностей. Одна утверждала, что мальчик всё делает правильно, а другая винила Андрюшку в смерти Стёпки и прочих печальных событиях.

Но мне казалось, что психиатр ошибся.

Время утекало, Андрюшка посещал занятия психиатра, но лучше не становилось. В словарном запасе брата появлялись слова доселе ему неизвестные. Если двадцать третий Андрей двадцать третьего июля показался мне заумным, то новый индивидуум обходил его по многим очкам.

Как-то в очередной раз, когда я с братом завёл разговор о его поведении, Андрей ответил:

— Расщепление личности внутри меня обусловлено бифуркационным наслоением сорока девяти личностей меня же из других шизогонических реальностей.

Его слова меня безумно напугали. Особенно бифуркационный и шизогонический. Помню, отошёл от брата в оцепенении и решил больше ни о чём его не спрашивать. Будто летние дни возвращаются и не в лучшем виде. Одна мысль не давала мне покоя: всё это когда-то должно будет закончиться: либо Андрюшка вновь станет нормальны, либо мне придётся уживаться с сумасшедшим братом. А чего доброго, вообще засунут малого в психушку.

В апреле я застал брата на заднем дворе. Я шёл в комнату с чашкой горячего кофе и заметил силуэт Андрюшки на заднем дворе. Снег сошёл рано, мешая себя с потоками грязи; земля размягчилась. Андрей выкопал свои древние сокровища: разноцветные стекляшки, и теперь стоял в лучах солнца и любовался их светом.

Сначала я даже с теплотой подумал, что братишка вернулся в реальность, но потом заметил, как Андрей откидывает каждый кусочек в сторону, а в конце вообще бесцельно отпускает банку, которая послушно падает в грязь. Расставив руки, будто всё ещё держит жестянку, братишка застыл и простоял так ещё несколько минут.

Я тревожно сжал губы, ожидая, чем же закончится сцена. Андрюшка зашевелился и вдруг заговорил сам с собой. Не в силах дальше наблюдать, я скрылся в комнате. Долго

думал в ту ночь о брате и решил, что я похож на крысу, которая бежит с тонущего корабля. Если я однажды спас Андрюшку из лап жутких Тварей, то почему я не могу спасти его ещё раз от самого себя. И я решил действовать.

Тогда-то и вернулся Стёпка.

*****

Ты хочешь ананас. В первом продуктовом его не продают, во втором — тоже, в третьем узнаёте, что на ананасы не сезон, в четвёртом они закончились. Спустя целый день вы находите желанный фрукт в каком-то захудалом продовольственном подвале на окраине города. Вы возвращаетесь домой, разрезаете, но... он оказывается гнилым. Жизнь разочаровала, мир кажется подлым и несправедливым...

Я не для того рискнул жизнью двух своих друзей, чтобы вытащить в свою реальность гнилого Андрюшку, и я решил с этим бороться. Кроме нападения я не видел иных способов.

Когда ты просыпаешься среди ночи, а твой сосед по комнате храпит или икает, тебя это жутко раздражает. Андрюшка не храпел и не икал, он разговаривал. Клянусь. Как-то проснулся от его бормотания. Брат прятался в темном углу, на своей кровати, — я видел только сплетённые меж собой ноги — и бормотал невнятицу. Тогда я и прикрикнул на него, чтобы ложился спать и не мешал мне.

Бормотание остановилось, но Андрей не ложился. Некоторое время сквозь прикрытые веки я поглядывал на сидящий силуэт братишки. Кроме злости сознание защекотал страх. Через минут пять мелкий удобно устроился в постельке и накрылся одеялом.

Подобным образом я начал реагировать на всякий интроверсированный уход Андрюшки. Пару раз накричал на него за столом, когда он задумался над едой. Один раз потряс за плечи, когда мелкий застыл посреди комнаты. Мне было жалко его, но в то же время, я не знал, как ещё поступать. Сначала Андрей возвращался в этот мир растерянно, а на лице выражение нашкодившего щенка. Несколько раз я даже обнимал Андрея и предлагал поиграть во что-нибудь, но мелкий перестал интересоваться компьютером, телевизором и даже общением со сверстниками.

Изменения в младшем замечал не только я. Родители перешёптывались, чаще у меня за спиной, но иногда и при мне. Как-то мать позвала Андрея смотреть сериал, но он отказался. В последнее время мелкий либо засыпал за просмотром, либо начинал что-то бормотать себе под нос прямо в объятиях мамы. А на днях так вообще наотрез отказался, а когда мать попыталась выяснить причину печального настроения Андрея, последний разозлился, накричал что-то и спрятался в туалете.

Отец пытался всё объяснить взрослением. Андрюшке через месяц одиннадцать, он превращается из ребёнка в подростка, но... кажется, даже сам папа не верил в свою теорию, а уж я и подавно.

Через несколько дней отец вызвал меня на серьёзный разговор, в котором поинтересовался, куда же мы в самом деле путешествовали летом. Но я не ответил правду. Думаю, тогда он решил бы, что в нашей семье два сумасшедших. Но хорошо помню последний вопрос:

— Что бы ни случилось летом, скажи, это из-за этого Андрюшка сейчас такой странный?

Самый что ни на есть правдивый ответ: ДА! Но я солгал.

В школе об Андрюшке забыли. У него не осталось друзей, хотя мелкого сей факт не особо волновал. Учителя поступали подобно мне. Они видели проблему, но отказывались её решать. У братишки даже оценок почти не было, потому что мальчишку никто не спрашивал. Его посадили на последнюю парту, одного, где он мог уходить в свои миры.

Через несколько дней после этого события отец устроил скандал психиатру. Дескать, мы платим вам огромные деньги, почему вы не помогаете, на что тот лишь пожал плечами: случай очень тяжёлый, и если так будет продолжаться, придётся Андрея госпитализировать.

Пятнадцатого апреля, хорошо помню эту дату, проснулся ночью, а братишка сидит рядом со мной на кровати и в руках у него нож. Не настоящий, а пластиковый, который ему подарили на позапрошлый новый год, но меня даже этот напугал. Андрюшка что-то шептал, а когда я дотронулся до него, он вздрогнул и осознанно посмотрел в мою сторону.

— Почему не спишь? — почти что дрожащим голосом спросил я.

Брат не ответил. Посмотрел на нож, встал и лёг в свою кровать, выбросив по дороге на пол пластиковое оружие.

Я стал бояться ночей.

Но продолжал вырывать Андрея из его шизогонических грёз. И теперь на лице братишки отражалась не растерянность, а гнев. Иногда он вырывался и кричал мне:

— Пошёл ты!

Я попался в тупике. Я не знал, что делать. Брат менялся, теперь мало чем напоминая старого доброго малыша, соседа по кровати.

Как-то в гостиной, выдернув Андрюшку из мечтательных полётов, когда он сидел на софе, уставившись в никуда, пустив из уголка рта слюнку, я обнял его и зашептал утешительные слова. Просил прекратить так вести себя, иначе все вокруг начнут считать его психом. Я сказал ему:

— Я люблю тебя.

А он ответил:

— Иди нафиг. Не мешай мне!

И убежал.

В конце апреля на рисовании он изобразил картину, ничего не значащую для остальных, но заставившую меня биться в ужасе. Тема: я и моя семья. Андрей нарисовал шестерых. Отца, мать, себя, меня и двух существ, которых братишка никак не мог видеть. Но с ними встречался я. Две фигуры в костюмах с очень длинными ногами, откляченными задницами, без лиц, только губы.

Никто не спрашивал Андрея, зачем он нарисовал монстров, даже я. Школа и родители привыкли к странностям Андрея. Думаю, отец и мать однажды посоветовались и пришли к выводу: он наш сын, мы будем любить его и таким. Я же не обмолвился словом с братом потому, что боялся. Слишком хорошо запомнился серый пластмассовый нож. Если приложить силу, то им можно проткнуть шею, ну или воткнуть в живот например.

Однако ночью мне приснился сон, изменивший моё мнение. Я шёл по осенней улице. Не знаю, почему осень. Ржавые воды текли по асфальту, на людях сидели плащи, всё как весной, только солнца не было. Прохожие быстро снуют туда-сюда, задевая меня сумками, плечами, и вдруг впереди я вижу фигуру,двигающуюся мне навстречу. Длинные ноги, откляченный зад. Только одета Тварь в плащ и шляпу, а белёсые пальчики сжимали зонтик, раскинувшийся над существом. Оно приблизилось ко мне и залезло во внутренний карман

плаща.

Сейчас монстр достанет пушку и убьёт меня. Но вместо пистолета существо достало небольшую пластиковую карту и протянуло мне. А потом Тварь заговорила, сверкая кривыми жёлтыми клыками:

— Бифуркационный период вашего брата истёк.

Я смотрю на карточку, но ничего не вижу и просыпаюсь. Через день, взяв рисунок, я ткнул им в брата и чётко спросил:

— Андрей, объясни мне, где ты видел этих чудовищ, которых ты записал нам в семью?

Братишка в это время решал математику, и у него, скажу, неплохо получалось. В последние месяцы Андрей улучшил отметки в школе до круглого отличника. Кажется, будто в него поместили сразу всю программу за четвёртый класс.

— Нигде, — пожал плечами Андрей.

— Тогда, почему ты их нарисовал?

— Мне про них рассказали, — ответил брат.

— Кто?

— Стёпка!

*****

Я заперся в кладовке. Сидел и ревел там, спрятав лицо в коленях. Как же мне было страшно, грустно и одиноко. Я ничего не понимал, но казалось, будто я очутился в одной из психогонических реальностях, по которым бродил летом.

Перед сном, когда свет в доме потух, я тихо спросил Андрюшку:

— Почему ты вспомнил Стёпку?

— Иногда я его слышу, — ответил брат из темноты. — То, что во мне живут сорок девять меня позволяет многое видеть и слышать. Я слышу других бифуркаторов.

Я не знал, что ещё спросить. Разговор было страшно продолжать уже на этом этапе.

— Ты слышишь Стёпку? — спросил я.

— Какого из двухсот пятидесяти одного?

Меня обдало холодком.

— Он ещё жив? Прошло уже восемь месяцев.

— Он сильный бифуркатор. Самый сильный, потому что умный. Он очень старался выйти из своего бифуркационного дня.

— Так он умер?

— Ну пока жив, но фактически, — ответил Андрей.

Я захлопал мокрыми ресницами, не понимая, почему плачу. То ли от грусти, то ли от ужаса. Ноги и руки похолодели, спрашивать больше ничего не хотелось, но я продолжал:

— Передай ему, что он мой лучший друг.

— Нет, — отвечал Андрей. — Тебе не понравится его реакция.

Теперь мне ещё страшнее.

— Он меня ненавидит?

— Наверное, он сейчас всех ненавидит, — вздохнул Андрей. — Он сейчас в таком состоянии, когда сложно любить. Тёмка, он умирает. И ему очень плохо. Представь, если бы твой мозг раздирали на каждую клеточку по отдельности.

— Не надо. Спасибо. Давай спать! — я прекращаю разговор и отворачиваюсь, но Андрей не унимается.

— Он будет жить ещё. Он будет так мучиться по меньшей мере месяц. Он чаще других любит говорить со мной. Спрашивает о тебе.

— Что ты ему отвечаешь? — напряжённо говорю я.

Братишка не отвечает долго.

— Когда ты менял меня на него, ты думал, что поступаешь правильно? — спрашивает Андрей, и моё сердце бьётся чаще.

— А ты считаешь, что я совершил ошибку?

— Не знаю.

— К тому же, я очень хотел оставить там Серёгу. Я не хотел бросать в бифуркаторы Стёпку. Это всё Серый виноват.

— Если б ты оставил там Серого, Стёпка всё равно не обрадовался бы, — отвечает Андрей. — Но он тебя понимает. Он понимает твой выбор. Понимал...

— Понимал? А сейчас что?

— Сейчас ему очень-очень плохо. У него ничего не болит, он просто почти сошёл с ума. Он не может спать, ему постоянно что-то шепчут в голове. Сейчас Стёпка ведёт себя очень неадекватно. Месяц бессонных ночей изменят кого угодно, поверь.

— Ты... скажи ему, что я сожалею, — тихо произношу.

— Не думаю, что ему это поможет, — отвечает Андрей.

На этом разговор закончился.

В мае Андрюшке стукнуло одиннадцать. К тому времени братишке стало ещё хуже, и мы уже рассматривали вариант госпитализации мелкого. Я называл это по-другому: отправить в психушку.

Как ни странно, брат контактировал с внешним миром только в школе. Дома он вёл себя отрешённо, будто аутист. Как-то я застал на кухне маму, кормящую Андрея с ложки. Сам брат смотрел перед собой, будто спал с открытыми глазами, и лишь периодически открывал рот. Пюре иногда стекало с уголков его губ, и матери приходилось пользоваться тряпкой.

Мама плакала.

На день рождения Андрюшка немного оживился. К нам вернулся прежний мальчишка. Игривый, весёлый. На праздник пришло не много народа, в основном — родственники и пара одноклассников, которые ушли через час. Родители надарили Андрюшке много подарков, но братишка не радовался им. Смотрел на игрушки равнодушно, как в апреле на выкопанные стёклышки.

Я затеял игру в прятки. Участвовали ещё близнецы папиной сестры, старше Андрея на год. Я водил. Досчитав до пятидесяти, я направился искать ребят. Проходя мимо заветного окна, заметил мрачный силуэт братишки в центре заднего двора.

Я немедленно спустился, побежал к нему, смешно скандируя:

— Не самое лучшее место, чтобы спрятаться, да?

Когда Андрюшка обернулся, я отпрянул. В вечернем мраке глаза братишки сверкнули холодным гневом, кулаки зажаты. Думаю, ещё секунда, и он бросился бы и загрыз меня, столь свирепым выглядело его лицо. Но вдруг взгляд прояснился, и он огляделся.

— Ты... не успел спрятаться? — неловко спрашиваю.

— Я... ой... — Андрей улыбнулся, пожал плечами. — Я спрятался, просто увлёкся голосами и как обычно ушёл за ними. Давай сначала.

Мы не начали сначала. Вдвоём отыскивали близнецов, на том и закончили. Я всю ночь гадал, за чьим же голосом братишка пошёл, как на зов блуждающего огонька?

Просветление праздника ограничилось одним днём. Назавтра Андрюшка снова ушёл в себя, на сей раз ещё глубже. Через пару дней после дня рождения я обнаружил на столе записку от Андрея, и слова меня совсем не порадовали:

Бифуркационный период истекает... Тёмка, ты тварь... Я всё равно достану тебя... Надо было добивать Серёгу... Бифуркаторы сильнее, если выше рангом... Боги тоже жестоки... Потому что бифуркационный период истекает... Жди меня... Я буду жить всегда... Пламенный привет от Стёпки...

Я не испугался. Нет. В те дни страх стал для меня привычным состоянием. Иногда я молился, чтобы этот кошмар поскорее закончился. Наверное, поэтому, когда через неделю после дня рождения Андрюшку сбила Рено, я даже немного обрадовался.

*****

Когда мы с отцом подъехали, растерянный водитель пил минералку, его руки тряслись, и он всем объяснял, что пацанчик выпрыгнул из кустов и взвёл руки к небу. Полиция уже оцепила место происшествия, а труп Андрюшки накрыли.

Как выяснилось из рассказа водителя, он ехал себе по дороге, вокруг ни одной живой души, поэтому он позволил себе прибавить скорость, при этом не нарушая правила, ибо в окрестностях нигде не стоял ограничитель. И вдруг из-за кустов выпрыгивает мальчик и взмывает руки к небу. Тормозной путь ударил Андрюшку по коленям, швырнул на асфальт, разбил голову, и протащил ещё пару метров.

Когда водитель выбежал наружу Андрюшка был ещё жив. Задыхаясь, он сказал шофёру лишь несколько слов:

— Передайте брату, что мой бифуркационный период истёк и завтра по-любому будет лучше.

Конечно, мужчина не запомнил слово бифуркационный и произнёс его как биэмиграционный, но я всё понял и так. Я не стал смотреть на тело Андрюшки и дал волю слезам только в машине.

Твари подмигивали мне знаками, потому что Рено оказался оранжевым, совсем как автомобиль, подвозивший нас в альтернативной Москве, а водитель вертел в руках брелок в виде голубого зайчика.

И сидя на переднем сиденье в тот печальный май, я думал, что вот оно и закончилось. Можно ставить точку. Тёмка, ты неудачник.

Я бы мог рассказать ещё многое из своей жизни. Что отец умер быстрее матери, когда мне исполнилось восемнадцать, а мать жила до тех пор, пока у меня самого не появились дети. Что в институте я уже почти не вспоминал события, произошедшие тем грустным летом, когда мне было тринадцать, и больше времени уделял девушке с параллельного потока, которая потом стала моей женой. Но вся эта информация совсем не касается истории моего детства.

Я уже взрослый. Мои дети выросли до того возраста, сколько было нам с братом в этой истории. И думаете, я стал мудрее или нашёл скрытый смысл в прошлом? Нет, нисколько. Иногда, оставшись один, я ломаю голову, кто из всех нас был хорошим, кто плохим. Где

добро, а где зло? И понимаю, что я ничего не понимаю.

Мой поступок кажется мне правильным, честным, но ведь таким он выглядит с моей точки зрения, с точки зрения моих родителей. А вот Сергей думает... думал, что я поступил подло. Сейчас я сам недоумеваю. Ну и чего я сделал? Спас брата, но по сути убил всех близких мне людей. Хотя тогда, когда мы отдыхали втроём в альтернативной реальности в зарослях клевера, Сергей спросил Стёпку, послал бы тот письмо Сомерсету, вернись он назад. Стёпка ответил, что повторил бы свои действия один в один? А я. Изменил бы прошлое, вернись сейчас на много лет назад? Вдруг понимаю, что нисколько. Не переписал бы ни одной буквы. Я потерял Стёпку, Серёгу, а потом даже Андрея, а если бы отложил авантюру, то остался бы с друзьями и потерял бы только брата. Так ведь и цель моего путешествия заключалась вовсе не в спасении мелкого. Осознание её пришло в уже в зрелом возрасте. Я проехал километры, уворачивался от пуль только для того, чтобы сказать братишке: прости за прошлое, я пришёл спасти тебя. Я потерял двух друзей только потому, что всё детство прожил идиотом. Если бы я любил брата всю жизнь и тот ни на секунду не усомнился бы в этом, как Серёга и Стёпка, я бы поставил точку в нашем путешествии её в начале. Зная исход, я бы остался в своей реальности с двумя близкими друзьями. Андрюшка исполнял бы бифуркацию некоторое время, потом бы умер, но всё время знал бы, что я люблю его. Но я вёл себя с ним как кретин, именно потому повторил бы каждое событие до мельчайших подробностей, выпади шанс. Сергей, конечно, отличался подлостью, но в одном парень был прав: каждый день прощайтесь с близкими так, будто видите их в последний раз.

Наверное, где-то там, за облаками восседает Сила, о которой даже вслух говорить страшно. Твари, управляющие миром. И они знают больше нашего и видят загодя вперёд. Забрав у нашей семьи Андрюшку, полагаю, они поступили по принципу наименьшего зла. Но мне было тринадцать. Гормоны, честность вели меня в бой, сражаться за великое честное дело. А в итоге, я нарушил некое равновесие, и выбрал не самый лучший исход события.

Иногда я даже боюсь, что однажды проснусь утром и обнаружу пустую постель одного из детей, чей бифуркационный период только-только начался.

Но об одном человечке я думаю постоянно. И даже не об Андрюшке. Не о Серёге, с которым я забыл раньше всех. О Стёпке. О друге, на долю которого, как мне теперь кажется, выпала самая тяжёлая ноша. Жертвой наших приключений был он, а не мой братишка. Что я? Моя история маленькая: поддавшись идее гениального друга рвануться в бой. Что Серый? Он вообще лишь создавал фон, и ударил только в конце. А Стёпка! Он придумал идею спасения, и сам же пал её жертвой. Если к кому жизнь и поступила несправедливо, так только к нему.

Жалость возвращается снова и снова. Я оправдываю даже его агрессивное поведение в конце бифуркационного периода. Мне часто снится, что он вновь звонит мне в дом, как много лет назад, и мы идём на Заводь. Чем старше я становлюсь, тем чаще разговариваю с ним про себя. Знаете, как дети придумывают невидимых друзей и общаются с ними. Мой невидимый друг — Стёпка. Он мне не отвечает, как отвечал Андрюшке, но я воображаю, будто слышу его. Если у человека есть душа, надеюсь, Стёпкина сейчас находится в лучшем мире и тоже слышит мои слова.

Я до сих пор боюсь ночей. Думаю, мне не хватает смелости признаться, что Стёпка наблюдает за мной и таит за пазухой пластмассовый серый нож. Поэтому каждую ночь, прежде чем уснуть, я закрываю глаза и словно молитву говорю себе: завтра по-любому будет лучше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А. Б.

февраль, 2014.

Оренбург.